

В. В. КАРГАЛОВ

СВЕРЖЕНИЕ
МОНГОЛО-
ТАТАРСКОГО
ИГА

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1973

Каргалов В. В.

K21 Свержение монголо-татарского ига. М., «Просвещение», 1973.

144 с. с карт.

В настоящей книге рассказывается о борьбе русского народа и других народов нашей страны против монголо-татарских завоевателей в XIII-XVIII вв.

Для написания книги широко использованы летописные источники. Книга рассчитана на учащихся VII—VIII классов средней школы. Она может быть использована как дополнительный материал на факультативных занятиях по истории.

9(C)13

ГЛАВА 1

Неслыханная рать...

Май 1223 года. По бескрайним просторам половецких степей шли на восток русские полки. Шли по местам, знакомым по прошлым походам на кочевников-половцев. Скакали впереди войска сторожевые конные отряды, выслеживая врага. За ними двигалась отборная тысяча воинов князя Мстислава галицкого, первая переправившаяся на левый берег Днепра. А за тысячей в клубах пыли шли остальные полки — князя Мстислава Романовича киевского, князя Мстислава Святославича черниговского и других князей. Со времени славного воителя Владимира Мономаха не собиралось такое большое войско для похода в половецкие степи. Что же заставило русских князей прекратить на время кровопролитные междоусобные войны и «единым сердцем» выступить в поход?

Незадолго до этих событий через Днепр перешла орда половецкого хана Котяна. Но не очередной набег замыслил хан: он сам искал защиты у русских князей. В Галиче, где княжил его зять Мстислав Мстиславич галицкий, хан рассказал о появлении в степях неведомого опасного врага — монголо-татар. Многими дарами одаривал хан Котян Мстислава и других русских князей, уговаривая выступить против монголо-татар, разгромивших половецкие кочевья. Он убеждал князей: «Нашу землю отняли сегодня, а вашу завтра возьмут, обороните нас! Если не поможете нам, мы ныне иссечены будем, а вы завтра иссечены будете!»

Хан не рассказал, что половцы были наказаны за собственное вероломство. Когда монголо-татарское войско, возглавляемое полководцами Субедеем и Джебе, прорвалось через Железные ворота (Дербент) в

степи Северного Кавказа, ему преградили путь воинственные племена аланов. Аланы пригласили половецких ханов вместе биться с завоевателями, и те пришли со своими конными отрядами. Началась жестокая битва. Персидский историк Рашидаддин писал, что аланы и половцы «сообща сразились с войском монголов, никто из них не остался победителем». Предстояла новая сеча, не сулившая ничего хорошего монголо-татарам. Войско Субедея и Джебе уже прошло многие сотни и тысячи километров по трудным дорогам Северного Ирана, по ущельям Кавказа, по бесплодным берегам Каспия, ослабло в бесчисленных схватках с местными племенами. Объединенные силы аланов и половцев могли бы остановить завоевателей. Но монголо-татарам помогло коварство. В ночь перед второй битвой к половецким ханам тайно пришли послы Субедея и Джебе. Они сказали: «Мы и вы — один народ и из одного племени, аланы же нам чужие. Мы заключим с вами договор, что не будем нападать друг на друга, и дадим вам столько золота и платья, сколько душа ваша пожелает, только предоставьте их (аланов) нам». Половецкие вожди согласились. Монголы действительно «прислали много добра» и позволили половцам беспрепятственно уйти. Аланы, брошенные в решающий момент половцами, были разбиты.

Однако половцы не сумели воспользоваться монгольским золотом, полученным за предательство. Рашидаддин сообщал, что, когда половцы, «полагаясь на мирный договор, спокойно разошлись по своим областям, монголы внезапно нагрянули на них, убивая всякого, кого находили, и отобрали вдвое больше того, что перед тем дали». Вероломному хану Котяне пришлось самому бежать в русские земли, униженно молить о помощи...

«Старейшины в Русской земле» — князья, собравшиеся на совет в Киеве, не сразу решились на поход в степи. Половцы издавна были врагами Руси, совершали опустошительные набеги на пограничные области, разоряли села и деревни, уводили в свои станы тысячи пленных. Недаром летописец, узнав о разгроме монголо-татарами половецких кочевий, заметил: «Много те половцы зла сотворили Русской земле, того ради всемиловитый бог хотел погубить половцев, чтобы отомстить за кровь христианскую!».

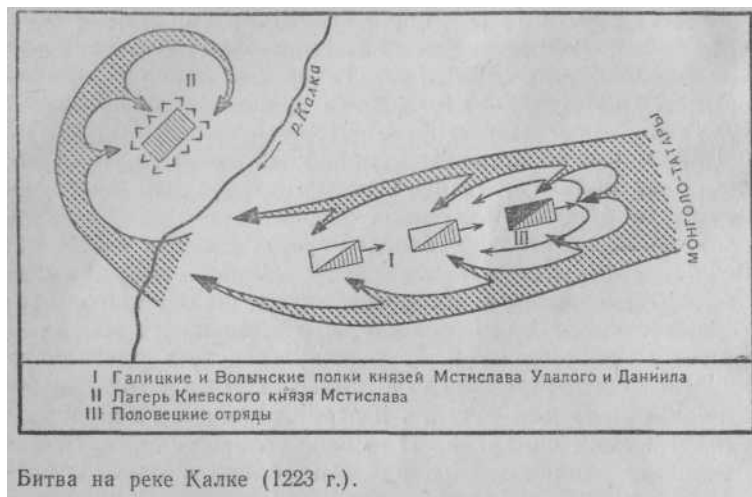
Но теперь не время было вспоминать о старых обидах, враг угрожал и Русской земле. Половцы, не получив помощи, могли пойти на сговор с монголо-татарами, и тогда труднее было бы отбить врага. Князь Мстислав галицкий так и заявил на совете: «Если мы, братья, не поможем им, то половцы передадутся татарам, и их сила будет больше». Князья решили встретить врага «в поле», за рубежами Русской земли.

Первая схватка на левом берегу Днепра была успешной для русского войска. Дружина Мстислава галицкого разгромила «сторожи татарские». Монголо-татары отступили так поспешно, что один из их воевод — Семейбек — попал в плен и вынужден был рассказать русским военачальникам о силах Субедея и Джебе. Удачной была для русских и вторая стычка с передовым отрядом монголо-татар. По словам летописца, «стрельцы русские победили их и гнали далеко в поле, и взяли стада их». Началось преследование врага, длившееся восемь дней.

Однако с самого начала похода выявилась слабость русского войска. Каждый князь придерживался своего собственного плана военных действий и мало считался с приказами «старейшего» киевского князя. Еще до решительной битвы между князьями начались споры о доле будущей добычи. Во время преследования дружины растянулись по степям, потеряли связь друг с другом.

31 мая 1223 г. русское войско подошло к реке Калке, за которой выстроились готовые к бою монгольские «тысячи».

Но даже накануне битвы среди князей не было единения. Осторожный Мстислав киевский считал, что переходить реку Калку опасно. Он остановился на правом берегу реки и начал строить на холме укрепленный лагерь. Наоборот, князь Мстислав галицкий считал, что необходимо немедленно перейти в наступление и сокрушить врага лобовым ударом. Вместе с половецкими отрядами и дружинами некоторых других князей он перешел на левый берег Калки и сразу был атакован монгольской конницей. Русские дружины отбили ожесточенный натиск врага, но половцы, стоявшие рядом с ними, начали отступать. Отступление половецких отрядов превратилось в беспорядочное бегство, причем, по словам летописца, они «потоптали, убегая, станы князей русских». После этого «смешались полки русские, и была

Битва на реке Калке (1223 г.).

сеча злая и лютая». Сам князь Мстислав галицкий с остатками войска пробился через кольцо врагов и начал отступление, отбиваясь от налетов монгольской конницы.

А князь Мстислав киевский, когда на левом берегу Калки шла жестокая сеча, стоял в бездействии на холме, в укрепленном лагере. В клубах пыли за рекой металась русские и монгольские всадники, звенела сталь, лилась кровь, а многочисленный киевский полк, не получивший приказа наступать, оставался на месте. Никуда не двинулся князь и тогда, когда побежали на запад половецкие и русские дружины и толпы врагов начали обходить его укрепленный лагерь. Возможность для прорыва была упущена: многочисленные монгольские рати плотным кольцом окружили холм.

Три дня штурмовали монголо-татары укрепленный лагерь Мстислава киевского, но безуспешно. Русские воины оборонялись отчаянно и отбили все приступы. Только вероломство помогло Субедею и Джебе сломить сопротивление киевлян. Татарские послы предложили Мстиславу киевскому сдаться, обещая отпустить за выкуп и его самого, и всех воинов. Великий князь поверил врагу и приказал сложить оружие. Страшной была расправа над беззащитными пленниками. Монголо-татары «людей посекали, а князей задавили, положив под доски, а сами поверх сели обедать».

День Калкинского побоища стал траурным для Руси. В битве погибло шесть русских князей, а из рядовых воинов благополучно вернулся домой один из десятка. «И был вопль и печаль по всем городам и волостям», — сообщал летописец. Поражение на Калке оставило глубокий след в памяти народной. Именно с этой битвой связана народная былина о гибели русских богатырей, которые до того победоносно стояли на «заставах богатырских» на степных рубежах Русской земли.

Для русского человека того времени монголо-татары были неведомым врагом, который неизвестно откуда пришел и неизвестно куда исчез, свершив свое черное дело.

«Пришла неслыханная рать, — писал русский летописец. — Их же никто не знает, кто они, и откуда пришли, и какой язык их, и какого они племени, и какая вера их». Впрочем, и в Западной Европе не больше знали о событиях в Азии, которые предшествовали монголо-татарским завоеваниям.

ГЛАВА 2

Монголо-татарские завоеватели

Монгольское государство образовалось в начале XIII столетия. К этому времени у многочисленных кочевых племен, населявших степи Центральной Азии, складывались феодальные отношения, выделялась скотоводческая знать, которая захватывала пастбища, скот и закабаляла рядовых кочевников. В 1206 г. на курултае (съезде) монгольских феодалов великим ханом Монголии был провозглашен Темучин, вождь одного из племен и предводитель сильной дружины. Он принял имя Чингисхана. С первых же лет своего существования Монгольское государство начинает завоевательные походы, которые несли порабощение и ограбление соседних народов.

Историческая обстановка благоприятствовала завоевательным походам монгольских феодалов. Соседние с Монголией страны переживали период феодальной раздробленности, не могли объединить свои военные силы для отпора врагу. Сами же монгольские ханы

имели сильное и хорошо вооруженное войско, которое восприняло многовековой военный опыт кочевых племен и умело использовало военные знания покоренных народов, а главное — было единым и сплоченным, объединенным волей полководца и не исчезнувшими еще родовыми связями.

Интересное описание монгольского войска, его вооружения и тактики оставил итальянец Плано Карпини, который по поручению римского папы Иннокентия IV ездил в Монголию в середине 40-х годов XIII в. Он подчеркивал четкую организацию и железную дисциплину монголо-татарских орд. «Чингисхан приказал, чтобы во главе десяти человек был поставлен один (и, по нашему, он называется десятником), а во главе десяти десятников поставлен один, который называется сотником, а во главе десяти сотников поставлен один, который называется тысячником, а во главе десяти тысячников был поставлен один, и это число называется у них тьма. Во главе же всего войска ставят двух вождей или трех, но так, что они имеют подчинение одному. Когда же войска находятся на войне, то если из десяти человек победит один, или двое, или трое, или даже больше, то все они умерщвляются, а если побегут все десять, а не бегут другие сто, то все умерщвляются; и, говоря кратко, если они не отступают сообща, то все бегущие умерщвляются; точно так же если один, или двое, или больше смело вступают в бой, а десять других не следуют, то их также умерщвляют, а если из десяти попадает в плен один или более, другие же товарищи не освобождают их, то они также умерщвляются».

Вооружение и снаряжение монгольских воинов было хорошо приспособлено для длительных походов, для быстрых кавалерийских атак и преследования разбитого противника. «Оружие же все по меньшей мере должны иметь такое: два или три лука, или по меньшей мере один хороший, и три больших колчана, полных стрел, один топор и веревки, чтобы тянуть орудия. Богатые же имеют мечи (сабли), острые в конце, режущие с одной стороны и несколько кривые... Шлем же сверху железный или медный, а то, что покрывает кругом шею и горло, — из кожи... У некоторых из них есть копьё, и на шейке копья они имеют крюк, которым, если могут, стаскивают человека с седла... Железные наконечники стрел весьма остры и режут с обеих сторон

наподобие обоюдоострого меча... Щит у них сделан из ивовых или других прутьев...»

Каждый монгол был прирожденным конным воином, подвижным и быстрым, умело владеющим и конем, и оружием. Его походная жизнь мало отличалась от постоянных кочевий по бескрайним степям, от облавных охот и стычек со скотоводами других племен. Вероломство, военная хитрость, обманные маневры и засады были обычными для монгольской военной тактики. Плано Карпини писал:

«Надо знать, что всякий раз, когда они завидят врагов, они идут на них, и каждый бросает в своих противников три или четыре стрелы, и если они видят, что не могут их победить, то отступают вспять к своим; и это они делают ради обмана, чтобы враги преследовали их до тех мест, где они устроили засаду; и если их враги преследуют до вышеупомянутой засады, они окружают их и таким образом ранят и убивают. Точно также, если они видят, что против них имеется большое войско, они иногда отходят от него на один или два дня пути и тайно нападают на другую часть земли и грабят ее; при этом они убивают людей и разрушают и опустошают землю... Иногда они пребывают в безопасном месте, пока войско их врагов не разделится, и тогда они приходят украдкой и опустошают всю землю... Когда же они желают приступить к сражению, то располагают все войска так, как они должны сражаться. Вожди или начальники войска не вступают в бой, но стоят вдали против войска врагов и имеют рядом с собой на конях юношей, а также женщин и детей. Иногда они делают изображения людей и помещают их на лошадях, это они делают для того, чтобы заставить думать о большом количестве воюющих. Перед лицом врагов они посылают отряд пленных из других народов, которые находятся между ними. Другие отряды более храбрых людей они посылают далеко справа и слева, чтобы их не видели противники, и таким образом окружают противников и замыкают их в середину; таким путем они начинают сражаться со всех сторон. И хотя их иногда мало, противники их, которые окружены, воображают, что их много. А если противники удачно сражаются, то татары устраивают им дорогу для бегства, и как только те начнут бежать и отделяться друг от друга, они их преследуют и тогда, во время бегства, убивают больше,

чем могут умертвить на войне. Однако надо знать, что, если можно обойтись иначе, они неохотно вступают в бой, но раяят и убивают людей и лошадей стрелами, а когда люди и лошади ослаблены стрелами, тогда они вступают с ними в бой».

Монгольское войско умело действовало и при осаде укрепленных городов: монгольские ханы перенимали военную технику у пародов завоеванных стран и принимали к себе на службу мастеров для камнететных машин и других осадных орудий. Именно массовое применение осадных орудий помогло монголо-татарским завоевателям брать хорошо укрепленные города. Современники сообщали, например, что при осаде небольшого города Нишабура в Средней Азии монголо-татары пустили в дело 3 тыс. баллист, 300 катапулт, 700 машин для метания горшков с горящей нефтью, 4 тыс. штурмовых лестниц. К стенам города подвезли и при помощи метательных машин обрушили на осажденных 2500 возов камней. Обычной для монголо-татар была тактика изматывания сил осажденных непрерывными штурмами. По словам Плато Карпини, при осаде городов монголо-татары «ни на один день или ночь не прекращают сражения, так что находящиеся на укреплениях не имеют отдыха; сами же татары отдыхают, так как они разделяют войска, и одно сменяет в бою другое, так что они не очень утомляются».

Использовались и другие хитрые уловки. Если город оборонялся особенно упорно, то монголо-татары преграждали плотиной реку или выкапывали новое русло и затопляли укрепления, делали подкопы и проводили через них воинов внутрь города. Военная техника монголо-татарских завоевателей, частично позаимствованная у китайцев и жителей Средней Азии, находилась по тем временам на довольно высоком уровне.

Однако основная сила завоевателей была все-таки в коннице, огромные массы которой буквально сминали строй противника. В случае необходимости, по свидетельству современника, монголо-татарское войско могло совершать за сутки 80-километровые переходы и внезапно обрушивалось на противника. Вторжению предшествовала тщательная разведка. В монгольском войске были специальные должностные лица — юртджи, которые определяли пути кочевий, собирали сведения о дорогах, запасах продовольствия и воды, о силах про-

тивника. Не были непреодолимым препятствием для завоевателей и реки. Монголы переплывали их на кожаных мешках, набитых хворостом и привязанных к хвостам плывущих коней.

Численность монголо-татарского войска была по тем временам огромной, на коней садились все мужчины от мало до велика; в походах обычно принимали участие и женщины, которые владели конем и луком ничуть не хуже мужчин. Венгерский путешественник Юлиан, побывавший в Восточной Европе накануне нашествия Батыя, писал, что «женщины их воинственны, как они сами: пускают стрелы, ездят на конях и верхом, как мужчины; они будто бы отважнее мужчин в боевой схватке, так как иной раз, когда мужчины обращаются вспять, женщины ни за что не бегут, а идут на крайнюю опасность».

Монголо-татарские завоеватели также насильно включали в свое войска отряды из завоеванных земель и посылали их первыми в битвы. «Годных для битвы воинов и поселян татары, вооруживши, посылают впереди себя... — писал Юлиан. — Воинам, которых гонят в бой, если даже они хорошо сражаются и побеждают, благодарность невелика: если погибают в бою, о них нет никакой заботы, но если в бою отступают, то безжалостно умерщвляются татарами». В составе войска хана Батыя были целые тумены (тумен—10 тыс. воинов), составленные из отрядов покоренных народов. Поэтому общую численность монголо-татарского войска определить очень трудно, тем более что современники приводят самые различные, часто фантастические, цифры. Так, Юлиан писал, что «в войске у них 240 тыс. рабов не их закона и 135 тыс. отборнейших воинов их закона в строю». Современники-европейцы писали даже о «500 тыс. вооруженных», причем войска монгольского хана будто бы занимало 18 миль в длину и 12 миль в ширину. Конечно, эти данные являются преувеличенными. Вероятно, войска Чингисхана, напавшее на Среднюю Азию, насчитывало примерно 200 тыс. человек, а хан Батый привел на Русь 120—140 тыс. воинов. Однако и эти цифры огромны: ни у одного из противников монголо-татарских завоевателей не было такого многочисленного войска.

Завоевательные походы монголо-татарских феодалов были страшным бедствием для соседних оседлых наро-

дов, они сопровождалась опустошением огромных территорий и массовым уничтожением населения: погибли и те, кто сражался с оружием в руках, и те, кто сдавался на милость победителя. Один из разделов «Истории монголов» Плано Карпини назывался: «О вероломстве татар и жестокости против пленных». Плано Карпини писал: «Когда они уже стоят против укрепления, то ласково говорят с его жителями и много обещают им с той целью, чтобы те предались им в руки; а если те сдадутся им, то говорят: «Выйдите, чтобы сосчитать вас согласно нашему обычаю». А когда те выйдут к ним, то татары спрашивают, кто из них ремесленники, и их оставляют, а других, исключая тех, кого хотят иметь рабами, убивают топором... Во время войны они убивают всех, кого берут в плен, разве что только пожелают сохранить кого-нибудь, чтобы иметь в качестве рабов. Назначенных на убиение они разделяют между сотниками, чтобы они умерщвляли их обоюдоострою секирою».

Воины Чингисхана и их военачальники были не «степными рыцарями», воюющими за создание «мировой империи», способной вывести соседние народы из «провинциального бытия», как пытаются представить их некоторые зарубежные историки, а насильниками и грабителями. Смерть, разрушения, тяжкое иго несли монголо-татарские завоеватели соседним народам. Поистине безграничны были завоевательные планы монголо-татарских ханов: они мечтали покорить весь мир, дойти до «моря франков» (до Атлантического океана).

Путь завоевателей на запад проходил через русские княжества, которые приняли их первый, самый страшный удар.

ГЛАВА 3

Путь завоевателей на запад

Исподволь подбиралась страшная беда нашествия к русским землям. На Руси еще не знали о возникновении в степях Монголии державы Чингисхана, а он уже выделил заранее все земли Восточной Европы в улус своему старшему сыну Джучи. По повелению Чингисхана, как сообщал Рашидаддин, Джучи должен был

«отправиться с войском завоевать все области Севера», в том числе Русь, и «подчинить их своей власти».

Однако к практическому осуществлению завоевательного плана монголо-татарские ханы смогли приступить не скоро. Военные силы Монгольского государства были заняты завоеванием соседних земель тангутов и уйгуров, покорением сибирских народов, затяжной войной в Северном Китае. Более трех лет (1219—1221 гг.) продолжалось завоевание монголо-татарами Средней Азии, народы которой оказали упорное сопротивление, несмотря на феодальную раздробленность, разъединившую их силы. Только в 1222 г. Чингисхан послал 30-тысячное войско во главе с Субедеем и Джебе в Восточную Европу, чтобы разведать путь будущего большого нашествия. Именно с этим монголо-татарским войском бились русские дружины на реке Калке. В 1223 г. конница Субедея и Джебе, преследуя отступавших русских воинов, дошла до Днепра и, разграбив землю по его левому берегу, повернула на восток.

Однако не с победой вернулся Субедей к своему повелителю Чингисхану. Когда монголо-татарское войско на обратном пути вторглось в Волжскую Булгарию, его встретили храбрые болгарские дружины. Арабский историк Ибн аль-Асир писал, что болгары «в нескольких местах устроили им засады, выступили против них и, заманив до тех пор, пока они зашли за место засад, напали на них с тыла, так что они остались в середине. Косил их меч со всех сторон, перебито их множество и уцелели из них только немногие. Говорят, что их было до 4 тыс. человек. Отправились они оттуда в Саксин, возвращаясь к своему царю Чингисхану».

Первая попытка монголо-татар вторгнуться в пределы Восточной Европы закончилась, таким образом, серьезным поражением. Чингисхан не дожил до нашествия на запад — в 1227 г. он умер.

Новый великий монгольский хан — Угедей, укрепившись в Средней Азии, начал наступление в прикаспийских степях. По сообщению Рашидаддина, он «отправил Кукдея и Субедея с 30 тыс. всадников в сторону Кипчак, Саксин и Булгар». На реке Яик (Урал) монголо-татары разгромили болгарские сторожевые заставы, охранявшие дальние подступы к своей стране. Затем завоеватели разорили немногочисленные поселения саксин (потомков хозар), находившиеся в прикаспийских

степях. Отдельные отряды монгольской конницы заходили довольно далеко на север, где они сталкивались с башкирами.

Следом за передовым монголо-татарским войском в прикаспийские степи двинулись новые силы. На курултае, который состоялся в 1229 г., было решено направить на помощь Субедею войска улуса Джучи, западной части Монгольского государства. Уже тогда эти войска возглавил Батухан (русские летописцы называли его Батыем), внук Чингисхана. По словам Рашидаддина, Батухан «был в большом почете и очень могуществен, вместо Джучихана стал вестись улусом и войском». Успехи будущего «потрясателя вселенной» были более чем скромными. В степях Прикаспия, по словам современника, «вспыхнуло пламя войны между татарами и кипчаками» (половцами), которое не затухало в течение нескольких лет, несмотря на все усилия завоевателей подавить сопротивление. Башкирские племена успешно давили нападения монгольских отрядов. После длительной войны Батухан подумывал о заключении с башкирскими вождями равноправного союза, что и было сделано позднее. Булгары, правда, отступили из степей, но на границе леса и степи создали такие мощные оборонительные линии, что монголы не могли прорваться через них к богатым болгарским городам. Остатки этих грандиозных оборонительных сооружений, состоявших из валов, рвов и частоколов, обнаружены советскими археологами. По сообщению летописца, в 1232 г. завоеватели «зимовали, не дойдя до великого города Булгарского».

После нескольких лет тяжелой войны войска улуса Джучи дошли только до нижней Волги, вытеснив оттуда половцев.

Завоевание Восточной Европы силами только войска улуса оказалось явно не под силу Батухану.

В 1235 г., по сообщению Рашидаддина, великий хан Угедей «во второй раз устроил большой курултай и назначил совещание относительно уничтожения и истребления остальных непокорных народов». На курултае «состоялось решение завладеть странами Булгар, Асов и Руси, которые находились по соседству становища Бату, не были еще покорены и гордились своей многочисленностью». Это говорило о том, что первый натиск на запад не удался.

Великий хан Угедей решил направить «в помощь и подкрепление Бату» войска всех монгольских улусов. 14 знатнейших ханов, потомков Чингисхана, должны были отправиться со своими ордами в прикаспийские степи и стать под знамена Батыя. Это был общемонгольский поход на запад, равного которому еще не знала история Монгольского государства.

Сразу после курултая, как сообщал Рашидаддин, «царевичи для устройства своих войск и ратей отправились каждый в свое становище и местопребывание и весной (1236 г.) выступили из своих местопребываний».

Все лето конные орды монголо-татарских ханов разными дорогами шли на запад, а осенью того же года «в пределах Булгара царевичи соединились». Огромное войско собралось в прикаспийских степях, готовясь к опустошительному вторжению в страны Восточной Европы. По свидетельству современника, «от множества войск земля стонала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные».

Первый удар полчищ хана Батыя обрушился на Волжскую Булгарию. Булгары давно готовились к обороне, укрепляли степную границу, заключили союз с Русью, чтобы высвободить все силы для отпора страшному врагу, но сдержать натиск завоевателей не смогли. Слишком уж велико было численное превосходство монголо-татар, обрушивших на маленькую страну всю свою мощь. Оборонительные линии булгар на степной границе были прорваны. Один за другим погибали в пламени пожаров деревянные болгарские города. Наконец завоеватели «силой и штурмом взяли город Булгар, который известен был в мире недоступностью местности и большой населенностью. ...Жителей его частью убили, а частью пленили». О расправе, учиненной завоевателями над жителями Булгара, знали и на Руси. Летописец записал, что монголо-татары «взяли славный великий город Булгарский и избili оружием от старца до юного и до младенца, сосущего молоко, и взяли товара множество, а город их пожгли огнем, и всю землю их пленили». Субедей, командовавший вторгнувшимися в Булгарию монгольскими войсками, жестоко мстил за свои прошлые неудачи и не щадил никого. Источники не сохранили до нашего времени подробностей войны в Волжской Булгарии. Однако можно предположить, что ее завоевание потребовало от монголо-татар немалых усилий. До-

статочно сказать, что завоеватели, вторгнувшиеся в Булгарию поздней осенью 1236 г., смогли начать следующий поход только весной 1237 г.

Теперь удар монголо-татарского войска был направлен на половцев, кочевавших на правом берегу нижней Волги и в степях Дона. В боях со своими быстрыми, неуловимыми противниками монгольские ханы применили тактику облавы. Они шли по степям широким фронтом мелких отрядов, постепенно замыкая в кольцо половецкие кочевья. Так издавна монгольские племена охотились на степную дичь, отрезая ей путь к бегству. На этот раз монгольская облава была грандиозной по своим размерам. Три высококородных хана, потомки Чингисхана, Гуюк, Монкэ и Менгу, руководили боем. Однако здесь завоеватели встретили сильное сопротивление. Война в половецких степях продолжалась все лето.

Другое многочисленное монгольское войско, возглавляемое самим Батыем и ханами Орду, Берке, Бури и Кульканом, воевало на правом берегу средней Волги, в землях буртасов, аржанов и мордвы. События этого похода малоизвестны.

Отрывочные сведения о жестоких битвах половцев и других народов Поволжья с монголо-татарами дошли только из лагеря их врагов — в сочинениях официальных историков монгольских ханов. Так, в сочинениях персидского историка Джувейни, верно служившего завоевателям, сохранились записи о том, что половцы (кипчаки) продолжали борьбу даже тогда, когда завоевателям уже казалось, что «все, что уцелело от меча, преклонило голову». Джувейни с раздражением писал: «Между кипчакскими негодьями оказался один, по имени Бачман, который с несколькими кипчакскими удалцами успел спастись; к нему присоединилась группа беглецов. Так как у них не было постоянного местопребывания и убежища, где бы он мог остановиться, то он каждый день оказывался на новом месте... Мало-помалу зло от него усиливалось, смута и беспорядки умножались. Где бы войска монгольские ни искали следов его, нигде не находили, потому что он уходил в другое место и оставался невредимым. Так как убежищем ему большей частью служили берега Итиля (Волги), он укрывался и прятался в лесах их, выходил, забирал что-нибудь и опять скрывался, то повелитель Менгухан велел изготовить 200 судов и на каждое судно посадил сотню впол-

не вооруженных воинов. Он и брат его Бучек пошли облавой по обоим берегам реки. Прибыв в один из лесов Итиля, они нашли следы откочевавшего утром стана: сломанные телеги и куски свежего конского навоза и помета, а посреди всего этого добра увидели больную старуху. Спросили, чей это стан, куда он ушел и где искать его. Когда узнали наверняка, что Бачман только что откочевал и укрылся на остров, находящийся посреди реки, и что забранное и награбленное во время беспорядков, скот и имущество находятся на том острове, то вследствие того, что не было судна, а река волновалась подобно морю, никому нельзя было переплыть туда, не говоря уже о том, чтобы погнать туда лошадь. Вдруг поднялся ветер, воду от места переправы на остров отбросил в другую сторону и обнажилась земля. Менгухан приказал войску немедленно скакать на остров. Прежде чем Бачман узнал, его схватили и уничтожили его войско. Некоторых бросили в воду, некоторых убили, угнали в плен жен и детей, забрали с собой множество добра и имущества и решили вернуться. Вода заколыхалась, и когда войско перешло там, все снова пришло в прежний порядок. Никому из воинов от реки беды не приключилось. Когда Бачмана привели к Менгухану, то он стал просить, чтобы тот удостоил убить его собственноручно. Тот приказал брату своему Бучеку разрубить его на две части».

За рассказом Джувейни о «смуте и беспорядках» можно без труда увидеть достаточно сильное народное движение против завоевателей — для его подавления потребовалось посадить на корабли 20-тысячное войско, не считая конных отрядов, которые шли по обоим берегам Волги. Не прекратили сопротивление и болгары. После отхода монголо-татарских войск из Волжской Булгарии «тамашние вожди Баян и Джикку изъявили покорность», но вскоре «опять возмутились». Субедею пришлось вторично идти с войском в Булгарию.

Героическое сопротивление народов Нижнего и Среднего Поволжья задержало продвижение завоевателей. Только осенью 1237 г. хан Батый сумел сосредоточить свои силы для нашествия на Северо-Восточную Русь. Венгерский путешественник Юлиан, проезжавший по Восточной Европе глубокой осенью 1237 г., был очевидцем этих событий. Он писал: «Ныне же, находясь на границах Руси, мы близко узнали правду о том, что все вой-

ско, идущее в страны Запада, разделено на части. Одна часть у реки Итиль на границах Руси с восточного края подступила к Суздалю. Другая же часть в восточном направлении уже нападала на границы Рязани, другого русского княжества. Третья часть остановилась против реки Дона, близ замка Воронеж, тоже княжества русских. Монголо-татары, как передавали нам сами русские, венгры и булгары, ждут того, чтобы земли, реки и болота с наступлением ближайшей зимы замерзли, после чего всему множеству татар легко будет разграбить всю Русь, всю страну русских».

ГЛАВА 4

Земля Русская...

Современник так писал о Руси накануне монголо-татарского нашествия: «О светло-светлая и прекрасно украшенная земля Русская и многими красочными преисполненна: озерами многими, реками и источниками, месточестными горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверями разными, птицами бесчисленными, городами великими, селами дивными, садами обильными, домами церковными и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими. Всем ты исполнена, земля Русская!..»

У современника были все основания восторженно писать о родной земле. В княжествах, образовавшихся после распада Древнерусского раннефеодального государства, успешно развивалась экономика и культура, росли города. Феодалная раздробленность была закономерным этапом развития феодалной формации; она не означала регресса и не была шагом назад в истории страны. По словам академика Б. А. Рыбакова, «для молодого русского феодализма IX—XI вв. единая Киевская Русь была как бы нянькой, воспитавшей и охранявшей от всяких бед и напастей целую семью русских княжеств. Они пережили и двухвековой натиск печенегов, и вторжения варяжских отрядов, и неурядицу княжеских распрей, и несколько войн с половецкими ханами, и к XII в. выросли настолько, что могли начать самостоятельную жизнь».

Феодалная раздробленность не была шагом назад и в политическом отношении. В местных феодалных центрах утвердились свои княжеские династии, прекратилось бесконечное перемещение князей с их дворами и дружинами из города в город, что нарушало нормальную жизнь. Князья, прочно осевшие в своих «отчинах», старались в какой-то мере регулировать поборы с населения, чтобы оставить наследникам свои владения в приличном состоянии. Успешнее развивалось и боярское хозяйство, избавленное от разорительных наездов представителей киевской великокняжеской администрации — тиунов, данщиков и вирников. Внутри больших земель княжений в начале XIII в. уже наблюдалась тенденция к усилению великокняжеской власти, постепенная политическая консолидация, подготавливающая объединение страны на новой, более прочной основе. Развивались города, потенциальные центры будущего экономического единства страны. Усиливались сословия, поддерживавшие объединительную политику великокняжеской власти, — служилые феодалы-«дворяне» и торгово-ремесленная городская верхушка. Однако эти прогрессивные процессы не были закончены до монголо-татарского нашествия. Перед грозной опасностью решающую роль сыграла военная слабость страны, вызванная феодалной раздробленностью: внешнего врага встретило не могучее объединенное русское войско, а дружины и ополчения отдельных княжеств.

Прошли, к сожалению, времена, когда великие киевские князья могли выводить в походы на Византию или собирать для обороны степной границы от кочевников войско в десятки тысяч воинов. В условиях феодалной раздробленности сбор такого войска встречал почти непреодолимые трудности. Очень редко войско превышало 10 тыс. человек, а обычно в военных походах этого времени князья собирали лишь несколько сотен или гораздо реже — тысяч воинов. Кроме того, даже значительное по численности феодалное войско было малопригодным к согласованным действиям, по единому плану и под единым командованием. Князь считался главой войска своего княжества, но отдельные полки, состоявшие обычно из дружин «подручных» князей и бояр, знали прежде всего своих предводителей и мало считались с распоряжениями князя. Еще большие трудности встречало руководство объединенными силами нескольких княжеств:

каждый князь предпочитал действовать по своему разумению. К чему это приводило, видно хотя бы на примере Калкинского побоища, когда русские полки не смогли добиться успеха, хотя и не уступали по численности врагу.

Феодальная раздробленность разрушила единую систему обороны южных степных границ, созданную великими киевскими князьями в X—XI вв. Во времена Киевской Руси вдоль пограничных рек были выстроены по единому плану укрепленные линии, состоявшие из мощных валов и рвов, возведенных пограничных крепостей, постоянные гарнизоны которых набирались с различных земель Руси. В случае особой опасности к рубежам собирались рати многих городов, вплоть до далекого северного Новгорода. Отдельным же княжествам периода феодальной раздробленности общегосударственные мероприятия по обороне южной границы были не под силу. На смену единой системе обороны всей страны в целом пришла оборона каждого княжества в отдельности, причем задачи отпора внешнему врагу были далеко не главными. Немалая часть крепостей охраняла не степную границу, а границы княжеств-соперников. Так, Рязанское княжество со стороны степей прикрывали только укрепления Пронска и выдвинутого далеко на юг Воронежа, а с севера, со стороны Владимиро-Суздальского княжества, рязанские князья выстроили целую цепь крепостей: Коломну, Ростиславль, Борисов-Глебов, Переяславль-Рязанский, Ожск и др. Кроме того, оборонительные сооружения русских городов в основном предназначались для противодействия соседям во время феодальных войн, которые обычно велись небольшими княжескими дружинами без осадной техники. Использование большого количества осадных машин — пороков — обеспечило монголо-татарам решающий перевес: деревянные укрепления русских городов не выдерживали их ударов. Следует учитывать также, что русские города того времени были невелики. По подсчетам академика М. Н. Тихомирова, только наиболее крупные из них имели население по 20—30 тыс. человек — это Новгород, Киев и Владимир, которые могли в случае серьезной опасности выставить по 3—5 тыс. ратников. Ростов, Суздаль, Рязань, Переяславль, Чернигов имели по несколько тысяч жителей, а население большинства других городов не превышало 1000 человек. При осаде русских городов монголо-

татарские завоеватели всегда имели огромный перевес сил.

Невероятно трудной была для русских княжеств война с полчищами хана Батыея. Военные силы страны были разобщены феодальной раздробленностью. Но у Руси были защитники, умело владевшие оружием, готовые отдать жизнь за родную землю. Русские умельцы-ремесленники создавали первоклассное по тем временам вооружение. Основным наступательным оружием княжеского дружинника был прямой обоюдоострый меч, однако форма его по сравнению с мечами «былинного времени» несколько изменилась: русский меч стал короче, легче, удобнее в бою, а заостренный конец давал возможность не только рубить, но и колоть врага. Известна была на Руси и изогнутая сабля восточного типа, но широкого распространения она не получила. Саблями были в основном вооружены отряды вспомогательной легкой конницы из «служебных» кочевников — торков, берендеев, печенегов. Грозным оружием в конном бою было длинное копьё с железным наконечником. Удар конницы, вооруженной такими копьями и на полном скаку врзающейся во вражеский строй, был сокрушительным. Русские воины использовали в битве и короткие, легкие метательные копья — сулицы. У многих воинов были также луки; лучники, в том числе конные, обычно начинали битву. По словам летописца, русские лучники пускали такое множество стрел, что «и неба не было видно»; стрелы «шли, как дождь». Защитное вооружение дружинника состояло из остроконечного железного шлема и кольчужного доспеха — брони. Русские кольчуги были значительно легче, чем латы западноевропейских рыцарей, и удобнее в бою — они почти не стесняли движений. Кроме того, дружинник имел овальный или миндалевидный щит, покрытый металлическими бляхами. Русские щиты были обычно красного цвета — червленые. Русские дружинники являлись профессиональными воинами, опытными и умелыми, привычными к нелегкой, полной опасностей военной жизни, всегда готовыми к походам и битвам. Нет сомнения, что по своим боевым качествам они не уступали отборным ханским нукерам, которые отбирались из коренных монголов и составляли гвардию завоевателей.

Однако княжеские дружины были немногочисленными и составляли только часть русского войска. В момент

опасности из городов и сельских местностей набирались ополчения, встававшие под знамена своих князей. Ополченцы — ремесленники и смерды — были вооружены хуже, чем монголо-татарские всадники. Самыми распространенными видами оружия ополченцев были топоры, охотничьи рогатины, ножи, реже — копья. Случалось, смерды выходили на бой с кольями и палками — киями. Кроме того, ополченцы уступали воинам-кочевникам, для которых война была привычным бытом, в умении владеть оружием, особенно луками. Несмотря на отчаянную храбрость, ополченцы не выдерживали сокрушительных ударов сомкнутого строя тяжеловооруженной монгольской конницы.

Немалую роль сыграло и то, что военачальники — князья — не сумели подготовиться к обороне и возглавить борьбу народных масс против завоевателей. Калка ничему не научила князей. Даже накануне вторжения хана Батые на Руси не было заметно попыток князя объединить свои военные силы, хотя о грозящей опасности они знали давно. В русских летописях имелись записи о появлении завоевателей на реке Яике в 1229 г., о войне в прикаспийских степях, о разгроме Волжской Булгарии. Великий владимирский князь Юрий Всеволодович, сын Всеволода Большое Гнездо, знал о готовящемся вторжении, так как именно в его владения был направлен основной поток беженцев из разоренной Волжской Булгарии. Булгары массами приходили во Владимиро-Суздальское княжество и селились «по городам около Волги». Известно, что приближенные советовали Юрию Всеволодовичу «города крепить и со всеми князьями согласиться к сопротивлению, если татары придут на землю его, но он, надеясь на силу свою, как и прежде, оное презрел». Не более осмотрительно действовали и другие русские князья. В результате каждое княжество встретилось с несметными полчищами хана Батые один на один.

Учитывая все это, можно только восхищаться подвигом народа, сумевшего оказать завоевателям героическое сопротивление и сорвавшего планы монгольских ханов завоевать мировое господство. Велик был подвиг народа, свершившего его, и неисчислимы жертвы, понесенные русскими людьми в боях за родную землю.

Г Л А В А 5

Северо-Восточная Русь в огне

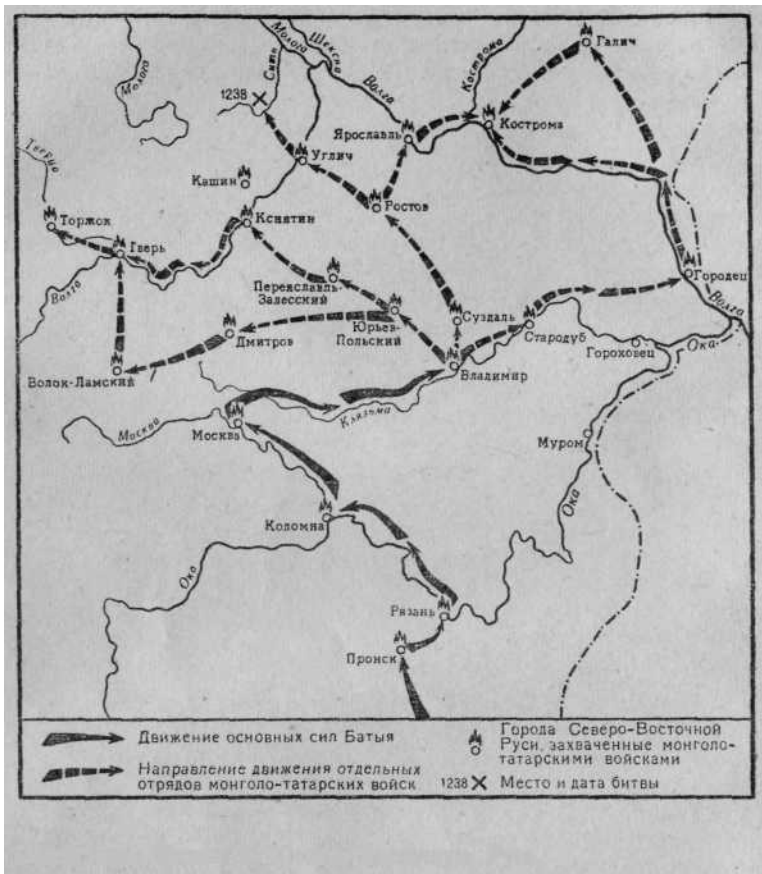
Персидский историк Рашидаддин писал, что в 1237 г. монгольские ханы Батый, Орду, Берке, Кадан, Менгу, Гуяк, Бури, Кулькан закончили войну в степях с половцами и «осенью упомянутого года пошли войной на русских».

Главные силы хана Батые собрались на Дону, возле Воронежа, и с наступлением зимы двинулись к рубежам Рязанского княжества. Как сообщали русские летописцы, завоеватели остановились на Онузе и послали послов к рязанскому князю Юрию Ингоровичу. Монгольские послы нагло потребовали «десятину во всем: в князьях, и в людях, и в конях».

Чтобы выиграть время, рязанский князь послал к хану Батые своего сына Федора с богатыми дарами, а сам начал лихорадочно готовиться к обороне. Гонец, поскакавший из Рязани во Владимир, привез своему князю горькую весть: Юрий Всеволодович отказался послать войско на помощь Рязанскому княжеству. Не пришла помощь и из близлежащего Чернигова, имевшего большую дружину. Вместе с рязанским князем двинулись к степному рубежу навстречу монголо-татарским полчищам только отряды «подручных» князей — пронского, муромского, коломенского. Но рязанское войско не успело дойти до укрепленных линий на границе. Хан Батый перебил посольство княжича Федора и двинул свою конницу на Рязанскую землю. Где-то «близ пределов Рязанских» произошла битва, описанная в древней «Повести о разорении Рязани Батыем».

Рязанские воины «начали биться крепко и мужественно, и была сеча зла и ужасна. Многие полки сильные пали Батыевы. А Батыева сила была велика, один рязанец бился с тысячею, а два с тьмою... Все полки татарские дивились крепости и мужеству рязанскому. И едва одолели их сильные полки татарские». В битве погибли «многие князья местные, и воеводы крепкие, и воинство — удальцы и резвецы рязанские... Ни один из них не возвратился вспять: все вместе мертвые лежали...»

С немногими воинами князь Юрий Ингорович прорвался через кольцо врагов и ускакал в Рязань организовывать оборону своей столицы. Потерпев поражение в

Поход хана Батыея на Северо-Восточную Русь.

открытом бою, рязанцы надеялись отсидеться за крепкими городскими стенами. Рязань, стоявшая на высоком правом берегу Оки ниже устья реки Прони, была хорошо укреплена. С трех сторон город окружали рвы и мощные валы, достигавшие высоты 10 м. С четвертой стороны к Оке обрывался крутой берег. На валах стояли деревянные стены с многочисленными башнями. Под защиту городских стен сбежалось население из окрестных сел и деревень, пришли из дальних вотчин боярские отряды. Все городское население взялось за оружие.

А монголо-татарские завоеватели уже «начали воевать Рязанскую землю. И велел Батый бить и жечь,

сечь без милости. И град Пронск, и град Белгород, и Ижеславец разорил до основания, и всех людей побили без милости. И текла кровь христианская, как река обильная».

Осада Рязани началась 16 декабря 1237 г. Монголо-татары «обступили град Рязань и острогом огородили», чтобы никто из осажденных не мог уйти и никто бы не пришел им на помощь. Многочисленные камнеметные машины — пороки — обрушили на деревянные стены Рязани град тяжелых камней. Меткие монгольские лучники непрерывно обстреливали город, поражая защитников длинными стрелами. По штурмовым лестницам на стены лезли отряды монголо-татарских воинов. Защитники города сбивали их камнями и бревнами, осыпали стрелами, слепили глаза песком и золой, обваривали кипятком. На смену павшим врагам приходили новые, и приступы продолжались. Хан Батый приказал приступать к городу непрерывно, днем и ночью, чтобы измотать и обесилить осажденных до решительного штурма. «Батыево войско сменялось, а горожане бились непрерывно, — писал современник нашествия. — И многих горожан побили, а иных ранили, а иные от великих трудов изнемогли...»

21 декабря монголо-татары начали решительный штурм Рязани. Бесчисленные толпы неистово кричащих воинов бросились на стены с горящими факелами, с топорами, с длинными штурмовыми лестницами. Сразу во многих местах перевалили монголо-татары через стены, смяли уцелевших защитников. Битва продолжалась на улицах горящего города. Все рязанские воины погибли в сече, погиб и рязанский князь Юрий. Озверевшие враги учинили над горожанами страшную расправу: «В городе многих людей, и женщин, и детей мечами иссекли, и иных в реке потопили, и весь город сожгли, и все богатство рязанское взяли. И не осталось в городе ни одного живого, все равно умерли и единую чашу испили. Не было тут ни стонущего, ни плачущего — ни отец и мать о детях, ни брат, о брате, ни ближний о родственниках, но все вместе мертвые лежали». Раскопки Старой Рязани, проведенные советскими археологами, полностью подтвердили картину страшного разгрома, нарисованную современником нашествия. Почти всю территорию городища покрывал слой пепла, множество павших рязанцев было найдено под развалинами сгоревших жилищ.

Десять дней отдыхали завоеватели после тяжелой битвы за город. Монголо-татары разграбили и сожгли все окрестные деревни и села. Немногие уцелевшие рязанцы укрылись в лесах. Казалось, ничто больше не угрожает завоевателям в разоренном Рязанском княжестве. Но это было не так. Когда Батый двинулся дальше на север, на него с тыла напала неизвестная рать. Это пришел на помощь родной земле богатырь Евпатий Коловрат, имя и подвиги которого сохранила «Повесть о разорении Рязани Батыем».

«В то же самое время, — говорилось в «Повести», — некто из вельмож русских, именем Евпатий Коловрат, был в Чернигове с князем Ингорем Ингоревичем и услышал приход на Русскую землю зловерного царя Батыея, пошел из Чернигова с малой дружиной, и гнал быстро, и приехал в землю Рязанскую, и увидел ее опустевшей, города разорены, церкви и дома сожжены, а люди побиты, а иные сожжены, а иные в воде потоплены. Евпатий же, видя это, распалился сердцем: был он очень храбр. И собрал немного воинов, всего 1700 человек, которые уцелели вне города. И погнался за безбожным царем Батыем, чтобы отомстить за кровь христианскую. И догнали его в земле Суздальской, и внезапно напали на станы Батыевы. И начали сечь без милости, и смешались полки татарские. Татары же стали как пьяные или безумные. Воины Евпатия били их так нещадно, что и мечи их притупились, и взяв татарские мечи, секли их, татарские полки проезжая. Татары же думали, что мертвые восстали, и сам Батый боялся. И едва поймали от полка Евпатия пять человек воинов, изнемогих от великих ран. И привели их к Батыю. Он же спросил их: «Какой вы веры и какой земли, что мне зло творите?» Они ответили: «Веры христианской, а воины мы великого князя Юрия Ингоревича рязанского, а полка Евпатия Коловрата. Посланы мы тебя, царя сильного, почтить и честно проводить!» Царь же удивился ответу их и мудрости. И послал на Евпатия шурина своего Хозтоврула и с ним многие полки татарские. Хозтоврул похвалился царю Батыю Евпатия Коловрата руками живого взять и к нему привести. И сошлись полки. Евпатий наехал на Хозтоврула-богатыря и рассек его мечом надвое до седла, и начал сечь силу татарскую, и многих богатырей и татар побил, одних надвое рассекая, а иных до седла. И известили Батыя. Он же повелел навести на Евпатия множество

пороков, и начали бить пороки по тому, и едва сумели убить так крепкорукую и дерзкого сердцем и львояростного Евпатия. И принесли его мертвого к царю Батыю. Батый же, увидев его, удивился с князьями своими храбрости его и мужеству и повелел тело его отдать оставшейся дружине его, которая в том бою была пленена. И повелел их отпустить».

Мужество Евпатия Коловрата и его соратников так поразило монголов, что они говорили: «Мы со многими царями во многих землях и на многих бранях бывали, а таких удалцов и резвцов не видали и отцы наши не рассказывали нам. Сии люди крылаты и не имеют смерти, так крепко и мужественно бьются, один с тысячей, а два с тьмой. Ни один из них не может уйти живым с поля боя». Хан Батый обращался к павшему богатырю: «О, Евпатий Коловрат! Многих сильных богатырей моей орды побил ты, и многие полки пали. Если бы у меня такой служил, держал бы я его против сердца своего!»

Образ богатыря Евпатия Коловрата как бы олицетворяет собой весь русский народ, поднявшийся на защиту родной земли. Евпатий пал в неравной битве, но тысячи других народных героев готовы были встретить врага. Монголо-татарских завоевателей ждали новые тяжелые битвы. И первой из них была битва под городом Коломной.

Под Коломной ждала хана Батыя владимирская рать, во главе которой был старший сын великого князя Юрия Всеволодовича — Всеволод. Сюда же пришли уцелевшие рязанские дружины с князем Романом, отряды из Пронска, Москвы и других городов. Некоторые летописцы сообщали, что к Коломне прибыли даже новгородцы¹. Вместе с молодым князем Всеволодом под Коломной был опытный владимирский воевода Еремей Глебович.

Место для сражения было выбрано великим князем удачно. Через Коломну проходила единственная удобная дорога в глубь Владимиро-Суздальской земли — по льду Москвы-реки и дальше по Клязьме. Напрямик через леса от Рязани к Владимиру пройти зимой было невозможно. Сам город Коломна был неплохо укреплен, и в случае неудачного исхода сражения «в поле» можно было отсидеться за его стенами. У города, по сообщению

¹ Возможно, речь шла о нижегородской дружине.

летописца, были воздвигнуты надолбы, о которые должен был разбиться натиск монгольской конницы.

Но владимирская рать не смогла задержать нашествие на рубежах своего княжества, хотя монголо-татары не сразу сломили ее сопротивление. Русские полки «бились крепко, и была, сеча злая». Только огромное численное превосходство помогло хану Батю одержать победу. Большая часть воинов погибла в бою; князь Всеволод «с малой дружиной» бежал во Владимир. Но и монголы потеряли много воинов. В битве погиб хан Кулькан, кстати единственный из монгольских ханов, убитый во время нашествия. Обычно ханы во время битвы предпочитали находиться далеко позади сражающихся, под надежной охраной нукеров — телохранителей.

Дальше на север монголо-татарское войско двигалось по льду Москвы-реки. Москву, в то время небольшой городок с деревянными стенами, оборонял отряд владимирских воинов другого сына великого князя — Владимира и воеводы Филиппа Нянка. Перед грозной силой хана Батю маленький городок не сдался, завоеватели взяли его штурмом. По сообщению летописца, они «воеводу Филиппа Нянка убили, а князя Владимира взяли руками, а людей избili от старца до младенца, а город и церкви предали огню, и монастыри все и села пожгли».

К столице Северо-Восточной Руси — городу Владимиру монголо-татары подошли 4 февраля 1238 г. Владимир, окруженный высокими деревянными стенами и укрепленный мощными каменными башнями, был сильной крепостью. С трех сторон его прикрывали реки с обрывистыми берегами: с юга — Клязьма, с севера и востока — Лыбедь. Над западной стеной, перед которой простиралось ровное поле, высились знаменитые Золотые ворота, самое мощное оборонительное сооружение древнего Владимира. Каменная громада Золотых ворот с многочисленными боевыми бойницами прикрывала самую опасную, западную стену города; ворота находились в глубоком проеме башни, недоступном для таранов и камнеметных орудий.

За внешним обводом владимирских укреплений находились внутренние стены и валы Среднего, или Мономахова, города и, наконец, каменный кремль — детинец. Таким образом, врагу нужно было прорвать три оборонительные линии, прежде чем он мог достигнуть центра

города, княжеского двора и Успенского собора. Но для того чтобы оборонять многочисленные башни и стены столицы, не было достаточно воинов. Много владимирцев погибло под Коломной — князь Всеволод Юрьевич вернулся лишь «с малой дружиной». На княжеском совете было решено оставить в городе сохранившееся войско, пополнив его городским ополчением, а самому великому князю с ближней дружиной уйти на север, чтобы в безопасном месте собирать новые рати. Накануне осады Юрий Всеволодович, как сообщил летописец, «уехал на Волгу с племянниками своими Васильком, Всеволодом и Владимиром и стал на реке Сить станом, ожидая к себе братьев своих Ярослава и Святослава с полками, и начал князь Юрий собирать полки против татар». Возможно, с точки зрения общих целей войны с завоевателями это был правильный шаг, но оборона Владимира была ослаблена. В отсутствие великого князя владимирские войска и городское ополчение возглавили его сыновья Всеволод и Мстислав; с ними был оставлен старый опытный воевода Петр Ослядакович. Фактически при малочисленности княжеских дружин основная тяжесть борьбы против сильного и опытного в осаде городов врага легла на вооруженное посадское население и крестьян, собравшихся из окрестных сел и деревень.

Монголо-татары подошли с запада, с той стороны, где перед городскими стенами простиралось ровное Раменское поле. Небольшой отряд монгольской конницы подскочил к Золотым воротам. Монголы предложили сдаться, но защитники Владимира ответили стрелами со стены. Монголы пустили в ответ несколько стрел и отошли. Между тем многочисленное монгольское войско ставило шатры и шалаши на Раменском поле, подтаскивало к стенам метательные машины — пороки и тараны. Конные отряды окружили город со всех сторон, отрезав его от внешнего мира. Осада Владимира началась.

Еще до начала приступов конная рать двинулась по льду рек Клязьмы и Нерли к близлежащему Суздалью. Суздаль был взят и сожжен, а многочисленные пленные были приведены под Владимир и использованы монголо-татарами для осадных работ.

6 февраля, по словам летописца, «начали татары пороки ставить от утра до вечера, а на ночь огородили тыном около всего города Владимира». В тот же день начался обстрел города из тяжелых метательных орудий.

Особенно пострадал Новый город, примыкавший к западной, самой опасной стене.

Рано утром 7 февраля начался общий штурм Владимира. Враги подступали к городу со всех сторон, но главный удар наносился с запада. Каменная твердыня Золотых ворот выдержала обстрел, но деревянная стена южнее них была разрушена. Монголо-татары засыпали ров вязанками хвороста, бревнами, человеческими и конскими трупами и по этому страшному «примету» ворвались в пролом. Долго бились владимирцы на улицах Нового города, среди пылающих домов. Однако новые ордынские рати уже врывались в Новый город с разных сторон: через Иринины, Медные и Волжские ворота. К полудню Новый город был в руках врага. Только немногие его защитники успели отступить за стены Среднего города, однако и здесь сдержать натиск врага не удалось. Монголо-татары прорвались к детинцу, в котором почти не оставалось воинов. Княжеская семья, бояре и множество посадских людей укрылись в белокаменном Успенском соборе, стоявшем в центре детинца. Они отказались сдать на милость победителей и погибли в огне — враги обложили собор деревом и сожгли. Город был страшно разорен, большинство владимирцев погибло. Но и завоеватели заплатили дороговую цену за победу. Владимирцы оборонялись упорно, много монголо-татарских воинов нашло смерть под стенами столицы Северо-Восточной Руси, на ее улицах и площадях. О кровопролитной и продолжительной борьбе за Владимир было известно далеко за пределами Руси. Персидский историк Рашидаддин специально подчеркивал в своем сочинении, что владимирцы «ожесточенно сражались».

После взятия Владимира монголо-татарское войско разделилось. Одна монголо-татарская рать пошла на восток по льду Клязьмы, разгромила город Стародуб и оттуда вышла на Волгу, к Городцу. Далее монголо-татары двинулись на север по льду Великой реки, разрушая приволжские города. Отдельные отряды монгольской конницы во время этого похода проникали далеко на север, до Галича-Мерьского и Вологды.

Другая монголо-татарская рать двинулась от Владимира на северо-запад, через Переяславль-Залесский, Юрьев, Дмитров, Волок-Ламский и Тверь к пограничному новгородскому городу Торжку. Небольшой Торжок, в котором не было ни князя, ни княжеской дружины,

две недели успешно отбивал приступы врага. Вооруженное посадское население задержало дальнейшее продвижение этого монгольского войска и фактически сорвало поход Батыея на Великий Новгород. После падения Торжка по направлению к Новгороду двинулся только небольшой отряд монголо-татарской конницы, который преследовал уцелевших защитников Торжка. Не дойдя 100 верст до великого северного города, он повернул обратно. Большого похода на Новгород хан Батый не предпринимал.

Третья, самая многочисленная монголо-татарская рать пошла от разоренного Владимира прямо на север. Там, за рекой Волгой, в воинском стане на Сити (притоке Мологи), великий князь Юрий Всеволодович собрал силы для войны с завоевателями. Только разгромив великокняжеское войско, можно было надеяться покорить страну. По дороге к Сити монголо-татары взяли Ростов и Углич. Отдельные отряды продвинулись к Волге и разгромили Ярославль, Кострому, Кснятин, Кашин и другие города.

В движении монголо-татарских ратей без труда можно проследить вполне определенный план: завоеватели двигались по основным речным и торговым путям Северо-Восточной Руси и разрушали города, являвшиеся центрами сопротивления. Кроме того, они старались пройти по районам, сулившим богатую добычу. В результате февральских походов значительная часть Северо-Восточной Руси была разорена. Летописец сообщал, что «не было места, ни волости, ни сел, где бы не воевали на Суздальской земле, и взяли городов 14, кроме сел и погостов, в один месяц февраль». Вот перечень городов, разоренных Батыеем в феврале 1238 г.: Ростов, Ярославль, Городец, Галич-Мерский, Переяславль-Залесский, Торжок, Юрьев-Польский, Дмитров, Волок-Ламский, Тверь, Кострома, Углич, Кашин, Кснятин.

В начале марта многочисленное войско монгольского военачальника Бурундая оказалось в непосредственной близости от реки Сити, где великий князь Юрий Всеволодович собрал полки. Но больших сил великому князю собрать не удалось — князья не торопились на помощь своему «брату старейшему». Не прислал дружины даже брат великого князя. Летописец печально отметил: «И ждал Юрий Всеволодович брата своего Ярослава, и не было его». Не пришли полки и из близлежащего Нов-

города. Многие князья просто не успели дойти до Сити, вынужденные двигаться окольными лесными дорогами, — монголо-татарские рати отрезали прямые пути. В результате в воинском стане на Сити, кроме немногочисленного великокняжеского войска, собрались только дружины племянников Юрия Всеволодовича и его брата Святослава юрьевского, что было явно недостаточно, чтобы противостоять войску Бурундая. К тому же появление монголо-татар у воинского стана оказалось неожиданностью для Юрия Всеволодовича — разведка в русском войске была поставлена плохо. Правда, великий князь выслал навстречу врагу трехтысячный сторожевой отряд воеводы Дорожа (Дорофея Федоровича), но тот встретил монгольскую конницу уже в непосредственной близости от лагеря. Времени, чтобы изготовить войско к бою, не было — конница Бурундая уже окружала стан великого князя. Летописец сообщал, что «начал великий князь полки ставить около себя», но тотчас же «внезапно татары приспели, князь же не успел ничего».

Несмотря на внезапное нападение, русские полки мужественно встретили натиск конницы Бурундая. Началась «сеча злая», в которой и монголо-татары, и русские потеряли многих воинов. Но и в этот раз, как в прошлых битвах, решающим оказалось огромное численное превосходство врага. Задавленные многотысячной конной массой, русские полки начали отступать к устью реки Сити. Легкоконные монгольские отряды неотступно преследовали отступавших. В кровопролитной сече погибли великий князь Юрий Всеволодович и большой владимирский воевода Жирослав Михайлович. День кровавого побоища на Сити — 4 марта 1238 г. — надолго остался в памяти народа. С ним связано много легенд и преданий, которые из поколения в поколение передавались в лесных деревнях по берегам северных рек Сити и Мологи.

Битва на реке Сити, несмотря на поражение, сыграла важную роль в войне с завоевателями. В заснеженных лесах Заволжья Бурундай потерял много отборных воинов. Батю для разгрома великого князя Юрия Всеволодовича пришлось выделить значительные силы и послать их далеко на север, в сторону от основных центров Руси. В результате войско, двигавшееся к новгородским рубежам, было ослаблено. Может быть, именно это обстоятельство помогло жителям Торжка две недели

сдерживать натиск врага. Время для наступления на Новгород было упущено. Северо-Западная Русь не подвергалась ужасам нашествия. Монгольские отряды оказались разбросанными на огромном пространстве, от Торжка до Костромы. Пора было думать об отступлении — тяжелый зимний поход серьезно ослабил завоевателей.

Однако при отходе в степи монголо-татары еще раз подвергли Северо-Восточную Русь страшному опустошению. От Волги они двинулись на юг широким фронтом небольших отрядов, той монгольской облавой, о которой неоднократно сообщали восточные источники. По сообщению Рашидаддина весной 1238 г. монгольские ханы решили «идти туменами облавой и всякий город, крепость и область, которые встретятся на пути, брать и разорять». Большинство городов Северо-Восточной Руси было уже разрушено во время февральских походов, и основной удар теперь был направлен на беззащитные села и деревни. Дым пожаров окутал всю Русскую землю. Такого страшного погрома еще не знала Русь: монгольская облава захватила огромную территорию, от средней Волги до Смоленска. Правда, Смоленска хану Батю разорить не удалось. На подступах к городу завоевателей встретили храбрые смоленские полки и отбили их. Батый повернул на юго-восток, к городу Козельску¹.

Героическая оборона Козельска вписала страницу в русскую военную историю — маленький город семь недель отбивал приступы объединенных сил хана Батя, гораздо дольше, чем многолюдные столицы великих княжеств.

Решение оборонять город приняло козельское вече. По словам летописца, «крепкодушные» козельцы «совет сотворили не сдаваться Батю». Когда передовые монгольские отряды, не ожидавшие встретить здесь сопротивление, подошли к городским стенам, в них полетели стрелы и камни. Хану Батю пришлось начинать осаду Козельска, которая продолжалась более двух месяцев. Непрерывно в монгольский лагерь вливалась новые и новые орды, заканчивавшие облаву. Возможно, именно у Козельска был назначен сборный пункт всего монголо-татарского войска. Наконец начался решительный штурм города. Два дня долбили деревянные стены Козельска

¹ Монголо-татары, вероятно, подошли к Козельску в апреле 1238 г. Точной даты летописцы не сообщили.

камнеметные орудия — пороки — и пробиты их в нескольких местах. В проломы кинулись толпы монголо-татар. Но там, где не выстояли и обрушились дубовые бревна, выдержали храбрые козельские ратники: в тесноте проломов они встретили врагов с ножами в руках и завалили проломы их трупами. Когда монголо-татары отступили после неудачного штурма в свой лагерь, козельцы предприняли дерзкую вылазку. Они захватили осадные орудия и порезали ремни на пороках. Множество врагов, застигнутых врасплох, было перебито. Но и большинство козельцев тоже погибло в неравной сече. Больше некому было оборонять стены, и враг ворвался в город. Страшной была месть монголо-татар — все жители Козельска были безжалостно перебиты озверевшим врагом. Погиб и малолетний козельский князь Василий. Летописец так сообщил о его гибели: «Иные говорят, что в крови утонул, потому что был млад». Победа недешево досталась Батю. Только во время вылазки было убито 4 тыс. монгольских воинов, в том числе «три сына темников», которых после битвы монголы «искали и не нашли во множестве трупов мертвых». Батый назвал Козельск «злым городом» и приказал сравнять его с землей. Битвой под Козельском закончился поход хана Батия на Северо-Восточную Русь. Завоеватели отошли в половецкие степи.

ГЛАВА 6

В половецких степях и за Днепром

После трудного зимнего похода на Северо-Восточную Русь хан Батый рассчитывал в половецких степях дать отдых своему усталому воинству. Но его надежды не оправдались — монголо-татарских завоевателей ждали в степях новые бои.

Не покорились завоевателям воинственные племена черкесов, населявших Северный Кавказ. Двум потомкам Чингиса — Менгухану и Кадану — пришлось вести туда многочисленное войско. Битвы в кубанских плавнях и в предгорьях Кавказа продолжались до зимы. Рашидаддин писал, что «в год собаки, соответствующий 635 году (1238 г.), Менгухан и Кадан пошли походом на

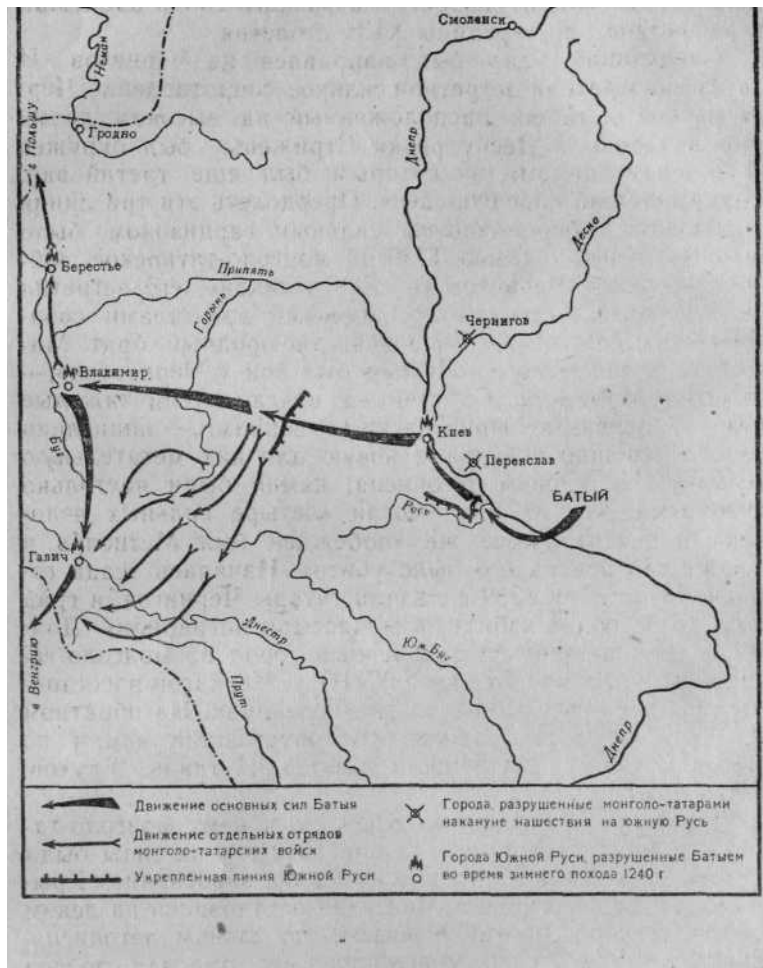
черкесов и зимой убили государя тамошнего по имени Тукара».

Не были еще окончательно побеждены и половцы, вытесненные предыдущими походами за реку Дон. Летом 1238 г. завоевателям снова пришлось воевать с ними. Тот же Рашидаддин сообщал, что хан Берке «отправился в поход на кипчаков (половцев) и взял Аржумака, Куранбаса и Канерина, военачальников Беркута». Затяжной и кровопролитной была эта война. Итальянец Плано Карпини, проезжавший по половецким степям вскоре после монголо-татарского нашествия, писал: «В Комании (земле половцев) мы нашли многочисленные головы и кости мертвых людей, лежащие на земле подобно навозу». «Огромное количество могил половцев» видел в половецких степях и другой западноевропейский путешественник, француз Рубрук.

Кроме того, против завоевателей подняли восстание мордовские племена. Хану Батю пришлось срочно организовывать карательный поход в Мордовскую землю, во время которого был razoren город Муром и русские земли по нижней Оке.

Наконец — и это было самое главное — сопротивление Руси еще не было сломлено после зимнего похода на Владимиро-Суздальскую Русь. Княжества Юго-Западной и Южной Руси сохранили свои войска и укрепленные города, готовились к сопротивлению. В непосредственной близости от степей находились мощные крепости Переяслав-Южный и Чернигов, не раз отбивавшие набеги кочевников — печенегов и половцев. Непрístupной твердыней высились над Днепром башни и стены Киева, древней столицы земли Русской. Не сокрушив этих укрепленных городов, нельзя было серьезно рассчитывать на дальнейшее успешное продвижение на запад. И хан Батый решил начать с ударов по пограничным со степью русским городам.

Весной 1239 г. монголо-татарское войско подступило к Переяславу-Южному. Высокие валы, крепкие стены, крутые берега рек Трубежа и Альты, с трех сторон окружавшие город, делали его сильной крепостью. Переяслав был назван в честь победы над печенежской ордой в 990 г., когда русские удалыцы «переняли славу» у печенегов. Ни печенегам, ни торкам, ни половцам ни разу не удавалось взять этот город, «отчину» славного воителя киевского князя Владимира Мономаха. И на этот раз

Поход монголо-татарских войск на Южную Русь.

перяславцы мужественно встретили врага. Но деревянные стены Переяслава не выдержали ударов монголо-татарских пороков и рухнули. Город был «взят копьем» (штурмом) и разрушен. Летописец сообщил, что монголо-татары «людей избили, а город пожгли огнем и пленных много взяли». Опустошению подверглись и другие города и села Переяславского княжества. Разгром был так силен, что даже триста лет спустя на месте Переяс-

лава «град был без людей», а каменный собор пролежал в развалинах до середины XVII столетия.

Следующий удар был направлен на Чернигов. И здесь завоеватели встретили сильное сопротивление. Черниговский детинец, расположенный на высоком холме при впадении в Десну речки Стрижень, был окружен «окольным градом», за которым был еще третий вал, прикрывавший «предгородье». Преодолеть эти три линии укреплений, оборонявшиеся сильным гарнизоном, было нелегко. Когда осенью 1239 г. монголо-татарское войско окружило Чернигов «в силе великой», его встретил за городскими стенами «со многими воинствами своими» князь Мстислав Глебович, двоюродный брат Михаила Черниговского. «Лютым был бой у Чернигова», — отметил летописец. Со стен на врага летели тяжелые камни, пущенные черниговскими воинами, — защитники города успешно осваивали новую для них метательную технику. По словам летописца, камни были настолько тяжелыми, что их едва могли «четыре сильных человека поднять». И все же «побежден был Мстислав, и множество войска его было убито». Началась осада города. 18 октября 1239 г. «взяли татары Чернигов, и град пожгли, и людей избили, и монастыри пограбили». Долго не мог оправиться разоренный город от монголо-татарского погрома. Только в XVIII в. Чернигов восстановился в прежних, домонгольских границах. На обратном пути от Чернигова завоеватели опустошили земли по Десне и Сейму, разрушили города Путивль, Глухов, Вырь, Рыльск и др.

Теперь на очереди был Киев, но к нему монголо-татары подошли впервые в начале 1240 г. — их силы были заняты походом в Мордовскую землю, завоеванием Крыма, набегом на Дербент. Менгухан остановился на левом берегу Днепра, против Киева, и, по словам летописца, «удивился красоте его и величине его, прислал послов своих к горожанам, желая их прельстить, но не послушали его». Вероломство и коварство завоевателей было уже достаточно известно, а сил для штурма города у Менгу не было. Кстати, и позднее, во время общего похода на запад, монголо-татары не решились преодолевать Днепр против Киева, а обошли столицу Южной Руси с юга.

Осенью монголо-татарское войско во главе с ханом Батием переправилось через Днепр ниже устья реки

Роси и подступило к укрепленной линии вдоль этой реки, на которой стояли гарнизоны киевских дружинников и служилых кочевников киевских князей, которых называли «черными клобуками». В состав «черных клобуков» входили остатки кочевых племен печенегов и торков, которые когда-то бежали под натиском половцев в земли Киевского княжества и поступили на службу к киевским князьям, а также племена берендеев, коуев и турпеев. «Черные клобуки» были поселены на реке Роси и в других пограничных областях и верно несли службу по охране степных рубежей. И теперь они первыми плечом к плечу с русскими гарнизонами приняли удар монголо-татарских полчищ. По всей линии поросских городков-крепостей разгорелись ожесточенные бои. Археологические раскопки этих городов (Княжья Гора, Девичья Гора и др.) дали яркие картины гибели их в результате монгольских штурмов: следы массовых пожарищ, трупы под развалинами жилищ, находки оружия, в том числе большого количества монгольских стрел и сабель. Но силы, конечно, были неравными. Укрепленная линия на реке Роси была прорвана, и монголо-татарские полчища, разрушая все па своем пути, устремились к Киеву.

Древняя столица Руси, раскинувшаяся на высоких холмах над рекой Днепром, готовилась к обороне. Укрепления Киева создавались в течение нескольких столетий и к моменту нашествия по своей мощи не имели равных на Руси. На 12 м поднялись наружные валы Ярославова города, подкрепленные могучими каменными башнями. Киевские Золотые ворота были прообразом для неприступных владимирских Золотых ворот. За наружными валами были укрепления древнего города Владимира, и, наконец, в центре столицы оборонительный пояс окружал Ярославов двор. Однако, как и во Владимире, войска для обороны укреплений было недостаточно. Фактически Киев был предоставлен собственным силам. Князь Даниил галицкий, владевший тогда Киевом, оставил в городе тысяцкого Дмитрия с небольшой дружиной. Вся тяжесть обороны в Киеве легла на плечи народных масс — ремесленников и торговых людей посада, крестьян окрестных сел и деревень. События осады Киева подробно описаны русскими летописцами:

«Пришел Батый к Киеву в силе тяжкой, многим

множеством силы своей и окружил город, и обступила его сила татарская, и был город в обдержании великом. И был Батый у города, и отроки его обсели город, и ничего не слышно было от скрипенья телег его, рева множества верблюдов и ржания коней, и была наполнена Русская земля ратными.

Поставил Батый пороки к городу возле Лядских ворот. Пороки, непрерывно бьющие день и ночь, выбили стены, но взошли горожане на остаток стены, и тут было копыя ломались и стрелы омрачили свет, и (тысяцкий) Дмитрий был ранен. Татары взошли на стены и сидели там тот день и ночь. Горожане же построили другой город около (церкви) Богородицы. Утром же пришли на них татары, и была брань между ними великая». Здесь, в самом центре Киева, был последний бой. Уцелевшие киевляне укрылись за стенами каменной Десятинной церкви. Каменные толстые стены церкви долго выдерживали удары монгольских пороков, но потом рухнули, похоронив под развалинами героических защитников. 6 декабря 1240 г., после девятидневной осады, Киев пал. «Взяли Киев татары, — продолжал летописец, — и святую Софию (Софийский собор) разграбили, и монастыри все, и взяли иконы и кресты и узорчье церковное, а людей от мала до велика всех убили мечом».

Оставив позади дымящиеся развалины Киева, монголо-татарские завоеватели двинулись дальше на запад. Снова они применили свою обычную тактику облавы. Рашидаддин сообщал, что отряды завоевателей «обходили все города и завоевали крепости и области, которые были по пути». И снова каждый шаг завоеватели вынуждены были проходить с боями. Укрепленные городки по рекам Случи, Горыни и Тетереву упорно оборонялись и гибли в неравной борьбе, нанося врагу немалый урон. Против города Колодяжина, стоявшего на высоком берегу реки Случи, хан Батый «поставил двенадцать пороков и не мог разбить стены». Только хитростью монголо-татарам удалось ворваться в город и перебить его защитников, послушавших «злого совета». Зато два других города — Кременец и Данилов — отбили все штурмы и выстояли. По словам летописца, хан Батый, «видя град Кременец и Данилов, что невозможно взять ему, и отошел от них». Отбил все приступы и хорошо вооруженный город Холм. Однако остальные города

Южной Руси были разорены до основания. Особенно жестоко расправились монголо-татарские завоеватели с населением города Владимира-Волынского. Этот город был красив и обширен. По преданию, венгерский король, увидев Владимир-Волынский, воскликнул: «Такого города я не видел и в немецкой земле!» В разрушенном монголо-татарами Владимире-Волынском археологические раскопки обнаружили следы массовых казней: в слое угля и пепла в беспорядке лежали человеческие скелеты с разрубленными костями, с черепами, пробитыми большими железными гвоздями. «И не было во Владимире никого, кто бы остался жив», — печально отметил летописец. Вскоре после трехдневной осады был взят и разрушен Галич, второй крупный город Юго-Западной Руси. Одновременно монгольская облава опустошала села и деревни почти на всей территории Южной Руси.

Весной 1241 г. монголо-татарские полчища в нескольких местах пересекли западную границу Руси и вторглись в Польшу, Чехию, Венгрию. Наступил последний этап монголо-татарского нашествия.

ГЛАВА 7

Почему завоеватели не дошли до „моря Франков“

Ужас охватил Европу при известиях о вторжении бесчисленных конных орд монголо-татар. Современники-европейцы называли завоевателей «народом чудовищным и бесчеловечным» и писали: «Франция и все другие земли были напуганы известиями о татарах. Из-за боязни татар много осталось во Франции нераспроданных товаров». В церквах Германии в то время сложили специальную молитву: «Боже, спаси нас от ярости монголов!» Германский император Фридрих II писал английскому королю Генриху III о падении Киева — столицы «благородной страны» — как о событии особой важности. Конечно, наиболее тревожная обстановка была в пограничных с Русью странах — Польше и Венгрии.

Венгерский король Бела II искал помощи у римского папы и правителей западноевропейских государств,

убеждая их, что опасность завоевания нависла над всей Европой. Но его призывы оставались безответными. Римский папа и германский император продолжали кровопролитную междоусобную войну, не желая отказаться от своих корыстных целей даже в момент общей опасности. Правители Венеции, к которым обратился за помощью венгерский король, ответили: «Лишь принимая во внимание христианскую веру, венецианцы не причинили тогда королю вреда, хотя очень многое могли против него предпринять!» Другого соседа Венгрии — австрийского герцога Фридриха — не смутила и христианская вера: в апреле 1241 г., когда монголо-татары уже вторглись в Венгрию, он попытался захватить некоторые земли, принадлежавшие венгерскому королю. Фактически ни Польша, ни Венгрия не получили никакой помощи от своих западных соседей. Однако народы этих стран мужественно встретили иноземных завоевателей.

В Польшу весной 1241 г. вторглось большое монголо-татарское войско, насчитывавшее не менее трех туменов (30 тыс. воинов). Во главе войска стояли братья хана Батыя — Байдар и Орду. Один за другим пали под ударами монголо-татар города Люблин, Завихост, Сандомир. По пути к крупному городу Кракову завоевателей дважды встречали краковские и сандомирские полки, и только после жестоких битв монголо-татары могли двинуться дальше. Под Краковом произошло упорное сражение. Сам город монголо-татарам удалось взять, но, по преданию, в соборе св. Андрея засела кучка храбрецов, которые отбили все приступы врага. Монголо-татары так и ушли, не победив их. Не сумели взять завоеватели и город Вроцлав, жители которого упорно оборонялись.

Чешский король Вацлав I собрал и направил на помощь Польше 40-тысячное войско. Но чешские полки не успели: 9 апреля 1241 г. под Легницей поляки потерпели поражение. Однако взять сам город Легницу монголо-татары не сумели. Устоял и город Ратибож. Чехия деятельно готовилась к обороне, угрожая флангам монгольского войска. И хан Батый отозвал Байдара и Орду из польских земель.

Главные силы Батыя из Южной Руси устремились на Венгрию. Жестокие битвы разгорелись в проходах Карпат, где венгерские дружины и отряды русинов пы-

тались преградить дорогу завоевателям, не допустить их выхода на равнины Венгрии. По трупам героических защитников карпатских перевалов монгольская конница ворвалась в Венгрию. Ценой неимоверных усилий король Бела II собрал большое войско. Навстречу врагу в начале апреля 1241 г. выступили из Пешта 60 тыс. венгерских воинов. Монголо-татары по своему обычаю начали обманное отступление. В это время два других больших монгольских войска обходили лагерь венгерского короля, раскинутый на реке Сайо, с севера и с юга. 11 апреля началась битва при Сайо. Монгольская конница наступала с нескольких сторон. Венгры мужественно защищались, и часть их сумела вырваться из окружения. Однако монгольская конница неотступно преследовала отступавшее войско Бела II и убила многих. После трехдневной осады пал Пешт, который был разорен до основания. Разорению подверглись и другие венгерские города: Варадин, Арад, Перг, Егрес, Темешвар.

Опустошив Венгрию, монголо-татарские завоеватели вторглись в земли Буковины, Молдавии, Румынии. Серьезно пострадала и Словакия, находившаяся тогда под властью Венгрии, однако города Братислав, Комарно, Тренчин, Нитру выстояли. Ряд городов сумел выдержать приступы монголо-татарских войск и в Чехии, куда завоеватели пришли из Польши в мае 1241 г. Известно, что уцелели города Оломоуц, Брно, Уничев и др. Встретив сильное сопротивление, Батый увел из Чехии свои войска в Венгрию. Стало уже заметно, что, встречая сильный отпор, монголы отступали, чтобы нанести удары в других, более удобных местах. Видимо, наступательная мощь монголо-татарских завоевателей уже начинала иссякать.

Недолго задержались завоеватели и в Венгрии — венгерский народ продолжал борьбу против завоевателей и после поражения королевского войска. Монголы несли значительные потери. Известно, что много лет спустя в ставке великого хана Гуюка было специальное кладбище, на котором, по словам Плано Карпини, «похоронены те, кто был убит в Венгрии, ибо там были умерщвлены многие». Правда, Батый продвинулся еще дальше на запад, дойдя до побережья Адриатического моря, но там успехи его были более чем скромными. Успешно отбили натиск завоевателей горожане Клисса,

Рагузы и других городов. Наступление монголо-татарских полчищ выдохлось, и хан Батый повернул свое пошедшее воинство обратно на восток, не осуществив плана Чингисхана дойти «до моря Франков».

В западноевропейских странах неожиданное отступление завоевателей считали чудом, объясняли вмешательством небесных сил, «божьем заступничеством». Но если чудо и было, то это было вполне земное чудо. Завоевание Центральной и Западной Европы было сорвано героической борьбой русского народа и других народов Восточной Европы, которые обескровили монголо-татарских завоевателей, ослабили их наступательный порыв. Западную Европу спасли не тевтонские рыцари, воинственно бряцавшие мечами, не римские папы с их бесплодными призывами к крестовому походу против монголов, не «божие заступничество», а крестьяне и горожане земли Русской, принявшие на себя самый первый, самый страшный удар завоевателей. Это хорошо понимали передовые представители общественной мысли.

Великий русский поэт А. С. Пушкин писал, что русские «необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработленную Русь и возвратились в степи своего Востока. Образующее просвещение было спасено растерзанной Россией».

Революционер-демократ Н. Г. Чернышевский писал: «Нет, не завоевателями и грабителями выступают в истории политической русские, как гунны и монголы, а спасителями — спасителями от ига монголов, которое сдержали они., не допустив его до Европы, быв стеною ей, правда, подвергавшеюся всем выстрелам, стеною, которую вполнину было разбили враги».

Подлинным воителем за землю Русскую был народ — крестьяне и горожане, которые вынесли на своих плечах всю тяжесть неравной борьбы. Героическая оборона русских городов проводилась, как правило, силами местного городского и сельского населения. Так было при осаде столицы Северо-Восточной Руси — города Владимира, покинутого великим князем и его дружиной накануне осады. Так было при двухнедельной обороне Торжка, где в момент опасности не было ни князя, ни дружинников и оборону возглавили выборные посадские старосты «Иванко, посадник Новоторжский», Яким Влункович, Глеб Борисович, Михайло Моисеевич. Так

было в героическом Козельске, вписавшем славную страницу в русскую военную историю. Козельский князь Василий «млад был», и инициатива - обороны принадлежала самим горожанам, которые семь недель отбивали приступы хана Батыя — больше, чем любая княжеская столица. Так было в Киеве, где тоже не было князя и оборону возглавил тысяцкий Дмитрий, проявивший такую удивительную храбрость, что Батый его пощадил и поставил в пример своим воинам. Храбро, до последнего воина защищались русские города. Не раз русские рати выходили встречать страшных степных завоевателей и в «чистом поле». Велик был подвиг известных русских людей, не жалевших жизни в жестоких боях за родную землю.

Княжеские и церковные летописцы, довольно подробно описывавшие нашествие Батыя, почти ничего не говорили о роли народных масс в борьбе с завоевателями. Войну с монголо-татарами они представляли в первую очередь как дело князей, «мучеников» и «страдальцев» за землю Русскую, а также духовенства, которое будто бы обеспечивало своими молитвами «божью помощь». Например, по словам летописца, Новгород спасли не героизм народных масс Владимиро-Суздальской земли, не стойкость горожан Торжка, сдержавших натиск хана Батыя, а молитвы; «Новгород же заступил бог и святая соборная и апостольская церковь Софии, и святых правочерных архиепископов молитвы!» В действительности же, даже по приукрашенным летописным рассказам, роль князей и духовенства в обороне страны далека от восхищения.

Прежде всего князья, занятые междоусобными распрями, не подготовились к обороне, не приняли мер по объединению военных сил Руси. Даже после разгрома завоевателями Волжской Булгарии монголо-татарами на Руси не было заметно никаких попыток князей договориться о совместных действиях. Ни один из князей, в том числе и великий князь Юрий Всеволодович, не пришел на помощь Рязани. В результате храбрые рязанские дружины погибли в неравном бою «у пределов рязанских», открыв путь Батыю в глубь Владимиро-Суздальской земли. В свою очередь, когда великий князь Юрий на реке Сити собирал войско и обращался к другим князьям с отчаянными мольбами о помощи, те не торопились с дружинами к своему «брату старейше-

му». Усобицы не прекратились даже в самый разгар нашествия. В 1239 г., между записями о разгроме монголо-татарскими завоевателями Переяслава и Чернигова, летописец заметил, что тогда же князь Ярослав Всеволодович «взял град Каменец и княгиню Михайлову (жену черниговского князя), со множеством пленных привел в свои волости». Как раз накануне наступления хана Батыя на Южную Русь разгорелась междоусобная борьба князей за Киев, из которой вышел победителем как сильнейший Даниил Романович галицкий.

Не лучше вели себя и духовные феодалы — митрополит и епископы. Они бросали свою «паству» в минуты опасности. Пример подал глава русской церкви грек Иосиф: он исчез накануне нашествия и больше на Руси не появлялся. Неизвестно куда уехал накануне вторжения монголо-татар и рязанский епископ. Летописец сообщил об этом эпизоде очень неопределенно: «А епископа уберег бог, отъехал прочь в тот год, когда рать Батыя остушила град». Где спасался от опасности ростовский епископ Кирилл, известно. По сообщению летописца, он «избыл татар на Белоозере». В воинский стан на реке Сити этот епископ приехал только после битвы, чтобы похоронить великого князя. Остались в живых епископы галицкий и перемышльский, хотя их города были разорены до основания. Даже историк православной церкви Е. Е. Голубинский, которого трудно заподозрить в недоброжелательском отношении к духовенству, вынужден был признать, что «летописи не дают нам права сказать, что епископы наши оказались на высоте своего призвания».

Тяжело заплатил русский народ за спасение от ужасов монголо-татарского нашествия стран Центральной и Западной Европы.

«Татары,— писал А. Герцен,— пронесли над Россией подобно туче саранчи, подобно урагану, сокрушающему все, что встречалось на его пути. Они разоряли города, жгли деревни, грабили друг друга и после всех этих ужасов исчезали за Каспийским морем, время от времени посылая оттуда свои свирепые орды, чтобы напоминать покоренным народам о своем господстве... Люди бежали из деревень, никто из жителей не чувствовал себя в безопасности... Именно в это злосчастное время, длившееся около двух столетий, Россия и дала обогнать себя Европе».

Разоренная земля

Монголо-татарское завоевание принесло неисчислимы бедствия русскому народу. И дело было не только в страшных опустошениях, причиненных нашествием хана Батыя в 1237—1240 гг. За «Батыевым погромом» последовали многие другие монголо-татарские вторжения, приносившие все новые и новые опустошения. Вот самый краткий перечень таких ордынских вторжений только за вторую половину XIII столетия.

В 1252 г. на Северо-Восточную Русь обрушилась так называемая Неврюева рать — хан направил в русские земли карательное войско царевича Неврюя, который должен был покарать непокорного великого князя Андрея Ярославича. Неврюй погромил земли по реке Клязьме, разрушил Переславль-Залесский, а затем монголо-татары «разошлись по всей земле и людей бесчисленное множество повели до коней и скота (в ордынский плен) и много зла сотворили». Немалая часть территории Северо-Восточной Руси была опустошена в результате этого похода.

В 1273 г. монголо-татарские отряды, вмешавшись в усобицу, дважды «воевали новгородские волости», не затронутые нашествием хана Батыя.

Спустя два года монголо-татары разграбили земли на южной окраине, около Курска. Летописец нарисовал картину повального, самого наглого грабежа. Ордынцы «великое зло и великую пакость и досаду сотворили крестьянам, по волостям, по селам дворы грабя, коней и скот и имущество отнимали». Монголо-татарские всадники металась по беззащитным деревням, «высекая двери у домов» и вывозя все, что сумели захватить.

В 1278 г. снова подверглись разгрому южнорусские земли — «приходили татары на Рязань и много зла сотворили».

К 1281 и 1282 гг. относилось двукратное разорение большими монголо-татарскими ратями значительной части территории Северо-Восточной Руси. Сначала войска Кавгадыя и Алчедая «опустошили все около Муром, около Владимира, около Юрьева, около Суздаля, около Переяславля, около Ростова, около Твери и до Торжка,

и близ Новгорода». Ордынцы с богатой добычей и «со многим полоном» отошли в степи. Затем на Руси появилась «рать многочисленная Турантемира и Алына и многих татар», которая в свою очередь тоже «много зла сотворила в Суздальской земле».

В следующем году большое войско из орды Ногая разорило земли Рыльского, Липецкого и Воргольского княжеств, причем монголо-татары оставались там двадцать дней, «воюя по всему княжению».

В 1285 г. «царевич из Орды», по сообщению летописца, снова «приходил на Русскую землю и много зла сотворил христианам». В 1288 г. отдельные отряды монголо-татар грабили и разоряли рязанские, муромские и мордовские земли.

Особенно опустошительной была так называемая Дюденева рать 1293 г.; современники не без оснований сравнивали ее с «Батыевым погромом». Монголо-татарские отряды прошли от Муром до Волока-Ламского, «города пожгли», «села и волости и монастыри повоевали» и «всю землю пустой сотворили». По утверждению летописца, так же как когда-то Батый, Дюдень «пленил градов 14», в том числе Владимир, Муром, Суздаль, Юрьев, Переяславль, Коломну, Москву, Можайск, Волок-Ламский, Дмитров, Углич. Множество людей погибло или было уведено в плен; не спаслись даже те, кто прятался от насильников в лесах. По словам летописца, татары «людей из лесов изведоша». В том же году монголо-татарское войско ходило на Ярославль; по пути ордынцы «одних посекали, а других в плен повели». В 1297 г., по сообщению летописца, снова «была рать татарская, пришел Олекса Неврюй».

Всего за вторую половину XIII столетия монголо-татарские завоеватели не менее 15 раз вторгались в Северо-Восточную Русь, причиняя новые и новые опустошения. Город Переяславль-Залесский за это время они разрушали 4 раза, Муром, Суздаль и Рязань — по 3 раза, Владимир-на-Клязьме — 2 раза (да еще трижды враги опустошали его окрестности). Периодически разоряемая вражескими походами страна долго не могла оправиться.

Везде, где приходили монголо-татарские полчища, на месте цветущих городов оставались дымящиеся развалины, жителей убивали или уводили в ордынский плен. Русские летописцы так писали о состоянии городов

после нашествия: «множество мертвых лежали, и град разорен, земля пуста», «людей избили от старца до младенца», «только дым да земля да пепел...» Особенно сильный урон был нанесен ремесленному производству, которое было основой городской культуры. Ремесленное население массами уводилось в плен, причем вместе с умельцами-ремесленниками Русь утратила многие производственные секреты. На десятилетия исчезли многие сложные ремесла, прекратилось каменное строительство. Города переживали период длительного упадка.

Академик Б. А. Рыбаков так писал о последствиях монголо-татарского завоевания для русских городов: «Русь была отброшена назад на несколько столетий, и в те века, когда цеховая промышленность Запада переходила к эпохе первоначального накопления, русская ремесленная промышленность должна была вторично проходить часть того исторического пути, который был проделан до Батыея». Слабость русских средневековых городов, потенциальных центров борьбы за политическое объединение страны и будущих очагов буржуазного развития, имела крайне тяжелые последствия для дальнейшей истории Руси. Поэтому Русь вступила на путь капиталистического развития значительно позднее, чем передовые страны Западной Европы (Нидерланды, Италия, Англия).

Не в меньшей степени пострадали от монголо-татарского завоевания и сельские поселения Северо-Восточной Руси. В летописях то и дело встречались упоминания о том, что монголо-татары «села, волости и погосты пограбили», «все пусто сотворили», «по селам скот и кони и жита пограбили, высекая двери у домов», «положили всю землю пусту», «людей без числа в плен повели», «со многим полоном отошли в Орду». Грабежами и насилиями сопровождалась любые передвижения завоевателей по Русской земле, если даже они проезжали в качестве послов к князьям. Недаром в грамотах того времени сохранились упоминания о селлах, которые запустили из-за того, что «послы татарские тою дорогою ходили».

Крестьянское хозяйство разорялось из-за ордынских набегов и поборов, забрасывались пашни, население уходило с земель, пограничных со степью, на север и северо-восток, под защиту лесов. Пустели земли на Рязанщине, по Клязьме, по Оке. Страшные картины запу-

стения оставили современники. В «Повести о граде Курске» указывалось, что после нашествия вся Курская земля «разорена была», «от многих лет запустения великим лесом заросла и многим зверям обиталищем стала». Монах Пимен, проезжавший по южнорусским землям во время своего путешествия в Константинополь, писал: «Было то путешествие печально и уныло, потому что была пустыня всюду, нельзя было увидеть там ничего — ни города, ни села. Пусто все было и не населено, нигде не видно было человека, только пустыня».

Но не только в страшных опустошениях были тяжкие последствия монголо-татарского завоевания. Русь попала под иноземное иго.

Порабощение завоеванных стран, превращение их в постоянный источник дохода было одной из главных целей походов монголо-татарских ханов. Плано Карпини писал об общих принципах политики монголо-татарских ханов в отношении завоеванных стран: «Надо знать, что они не заключают мира ни с какими людьми, если те им не подчинятся. И вот что требуют от них: чтобы они шли с ними в войске против всякого человека, когда им угодно, и чтобы они давали им десятую часть от всего, как от людей, так и от имущества». Чтобы укрепиться в завоеванных землях, монголо-татары убивали представителей местной знати. По словам Плано Карпини, «их замысел заключается в том, чтобы одним господствовать на земле, поэтому они выискивают всякие случаи против знатных лиц, чтобы убить их». Невыносимой была жизнь народов, попавших под непосредственную власть монголо-татарских феодалов, — местное население фактически превращалось в рабов.

Однако были страны, которыми завоеватели управляли по-иному, оставляя у власти местных правителей. Плано Карпини писал далее, что они «берут дань также с тех народов, которые находятся далеко от них и смежны с другими народами, которых они до известной степени боятся и которые им не подчинены, и поступают с ними, так сказать, учтиво, чтобы те не привели на них войска или также чтобы другие не страшились предаться им». Правителям таких стран после признания верховной власти монгольского хана разрешали вернуться, сохранив за ними непосредственное управление своими землями. Однако за деятельностью их бдительно следили особые представители хана — башафы, которых на

Руси называли баскаками. «Башафов или наместников они (монголы) ставят в земле тех, кому позволяют вернуться; как вождям, так и другим подобает повиноваться их мановению, и если люди какого-либо города или земли не делают того, что они хотят, то башафы возражают им, что они неверны татарам, и таким образом разрушают их город и землю, а людей, которые - а ней находятся, убивают при помощи сильного отряда татар, которые приходят без ведома жителей по приказу того правителя, которому повинуются упомянутая земля, и внезапно бросаются на них. И не только государь татар, захвативший землю, или наместник его, но и всякий татарин, проезжающий через эту землю или город, является как бы владыкой над жителями, в особенности тот, кто считается у них более знатным. Сверх того, они требуют и забирают без всякого условия золото и серебро и другое, что угодно и сколько угодно».

Северо-Восточная Русь и относилась к числу стран, которые были завоеваны, но не попали под непосредственное управление монголо-татарской администрации. Решающую роль в этом сыграло героическое сопротивление русского народа, непрерывающаяся борьба народных масс против завоевателей. Хан Батый оставил в русских землях прежних князей, которые признали свою зависимость от него и обязались собирать дань в пользу монголо-татарских феодалов. Вскоре после возвращения из похода на запад хан Батый вызвал в город Сарай, столицу своего нового государства Золотой Орды, князя Ярослава Всеволодовича, брата убитого великого князя Юрия, и, по словам летописца, «почтил Ярослава великою честью и мужей его, и отпустил, сказав ему: «Ярослав! Будешь ты старшим всем князьям в русском языке!» Следом за великим князем потянулись в Орду за «ярлыками» на свои «отчины» другие князья — ярославские, ростовские, углицкие. За всеми ими хан закрепил их прежние княжества. Так определилось юридическое положение русских земель по отношению к Золотой Орде. Русь не вошла непосредственно в состав Золотой Орды, не превратилась в монгольский «улус», но, признав верховную власть ордынских ханов, русские князья попали в зависимость от них и обязались выплачивать дань.

Однако иноземное иго, даже осуществляемое руками собственных феодалов, было тяжким. Завоевателями

была разработана целая система ограбления покоренных стран: известно 14 видов различных ордынских «даней» и «тягостей»! Основным среди ордынских поборов была «царева дань», называемая также «ордынский выход», «дань десятинная», или просто «десятина». «Царева дань» была постоянным налогом, который собирался в пользу хана со всего городского и сельского населения, в городах — с дома, в сельских местностях — со двора или деревни. Постоянными данями были также «поплужное» (с плуга), «ям» и «подводы» (извозные повинности), «мыт» и «тамга» (торговые сборы). Кроме того, было множество единовременных поборов. Это прежде всего так называемые «запросы», т. е. единовременные требования хана выплачивать крупные суммы на военные и другие расходы. Иногда «запросы» были настолько велики, что буквально разоряли население. Далее, существовали различные «дары» и «почестья» — подарки, которые отсылались в Орду или передавались на месте ханским послам. Таких «даров» или «почестий» было множество: «поминки», «поклонное», «выходное», «памятное», «становое», «выездное» и даже «мимо-езжее». В пользу ханской семьи собиралась особая «пошлина»: «царева пошлина, царицына, князей, рядцев, даруги, посла». Тяжелой обузой для крестьянского хозяйства был «корм», который получали с населения ордынские послы и баскаки. Кроме того, русские княжества обязаны были по приказу хана «рать собирать, где восхочем воевать», и присылать людей на ханскую охоту. От уплаты ордынских даней было освобождено только духовенство, которое завоеватели хотели привлечь на свою сторону и использовать для укрепления власти Орды над Русью.

В результате из русских земель ежегодно выкачивались в Золотую Орду огромные суммы, в основном в виде серебряных монет и слитков. А серебро было основным денежным металлом Руси, и его нехватка мешала развитию товарно-денежных отношений. Крестьянское хозяйство разорялось, ряды феодально зависимых людей пополнялись за счет обедневшего крестьянства. Феодалы, вынужденные делиться своими доходами с ордынскими ханами, старались возместить это усилением феодальной эксплуатации.

Иноземное иго усложнило и политическую обстановку на Руси. Политика ордынских ханов была направле-

на на разжигание феодальных усобиц. Феодальная раздробленность страны усилилась. Все это затрудняло борьбу против монголо-татарских завоевателей, мешало накоплению сил для свержения монголо-татарского ига. Кроме того, завоевание значительно осложнило международное положение Руси — внешние враги усилили давление на западные рубежи.

ГЛАВА 9

Народ не покорился

Формальное признание великим владимирским князем Ярославом Ярославичем и другими северо-восточными князьями зависимости от ханов Золотой Орды еще не означало установления прочного иноземного ига. На Руси еще были силы, не желавшие подчиняться завоевателям. Против власти Орды выступали города на западной и северо-западной окраине страны, уцелевшие во время «Батыева погрома»: Новгород, Псков, Смоленск, Полоцк. Продолжал сопротивление князь Даниил галицкий, который нанес завоевателям несколько серьезных поражений. И, что самое главное, народные массы не покорились, были готовы на новые битвы с ненавистными монголо-татарскими завоевателями.

В этих условиях великий князь Ярослав Ярославич, признав власть завоевателей, начал исподволь готовиться к борьбе с ними: заново собирал войско, начал переговоры с западными соседями о военном союзе (известно о посольстве Ярослава Ярославича в Лион). Видимо, это и послужило причиной гибели великого князя — его отравили в ставке монгольского хана.

Новый великий князь Андрей Ярославич уже открыто противился власти хана. Прекратились поездки русских князей в Орду, «дани и выходы» хану уплачивались «не сполна». Андрей Ярославич заключил союз с князем Даниилом галицким, цель которого не вызывает сомнений: князья объединились для выступления против монголо-татарских завоевателей. К. Маркс так оценил политику Андрея Ярославича в своих «Хронологических выписках»: «Андрей пытался противиться монголам». В летописи сохранились гордые слова этого смелого кня-

зя: «Лучше мне бежать в чужую землю, чем дружить с татарами и служить им!» Батый направил в 1252 г. на Русь большое карательное войско во главе с царевичем Нерюем. Татарские полки «под Владимиром перебрадили Клязьму и пошли, таясь, к городу Переяславлю». Полки великого князя вышли навстречу ордынцам. Летописец так рассказывал о жестокой битве, разгоревшейся под стенами «отчины» Андрея Ярославича — Переяславля: «Собрав воинство свое, встретил их князь великий Андрей со своими полками, и сразились полки, и была сеча велика». Первая попытка с оружием в руках выступить против завоевателей не удалась: слишком неравны были силы, Русь еще не оправилась от «Батыева погрома». Кроме того, часть князей не поддержала выступления великого князя Андрея Ярославича, считая более выгодным для себя сговориться с монголо-татарскими завоевателями.

Несмотря на то, что открытое выступление против Орды не удалось, прошло еще несколько лет, прежде чем монголо-татарские ханы сумели наложить на Русь регулярную дань. В 1257 г. на Русь приехали монгольские переписчики — «численники» — и, по словам летописца, «изочли всю землю Суздальскую и Рязанскую а Муромскую», обложив все население ордынской данью; от дани было освобождено только духовенство. Ордынская перепись русских земель встретила сильное сопротивление — народ не хотел давать «число». Дольше всех противился переписи Новгород, не разрушенный ханом Батыем во время зимнего похода 1237/38 г. Летописный рассказ о новгородских событиях — яркий документ, показывающий антиордынские настроения народных масс. Когда в 1257 г. «пришла весть злая, что хотят татары взять тамгу и десятину с Новгорода, возмутились люди». Посадник Михалка, склонявшийся к признанию дани, был убит, а приехавшим «послам татарским», которые «начали просить дани», новгородцы не подчинились и вместо дани предложили «дары». Ордынские «численники» уехали ни с чем. В 1259 г. снова приехали ордынские послы «Беркай и Касачик и иных много». Их сопровождал с дружиной сам великий князь. И снова «был мятеж великий в Новгороде». Новгородские «низы» не испугались ни грозного имени ордынского хана, ни мечей и копий великокняжеской дружины и подняли восстание. По словам летописца, «начали окаянные

(татары) бояться смерти» и «попросили у великого князя: «Дай нам стражу, потому что избыют нас». Великий князь «повелел стеречь их сыну посадника и всем детям боярским по ночам». Основной силой этого движения была новгородская чернь, городская беднота. «Чернь не хотела дать число, — отмечал летописец, — по решила: умрем честно!» Наоборот, новгородское боярство открыто поддержало великокняжескую администрацию, и это вызвало внутренние раздоры в Новгороде. «Тогда раздвоились люди», потому что «большие велели меньшим явиться по число, а они не хотели». В конце концов ордынские послы, великокняжеская дружина и собственные бояре подавили выступление новгородской бедноты: «Пересилили бояре чернь, и явились новгородцы под число, творили бояре себе легко, а меньшим зло». Великий князь сам принимал участие в проведении переписи. «Утром съехал князь с Городища и окаянные татары с ним, и начали ездить окаянные по улицам, считая дворы». Вся Русь была обложена тяжелой ордынской данью.

Первоначально дань в русских княжествах собирали мусульманские купцы, которых на Руси называли бесерменами. Бесермены заранее выплачивали хану большие суммы денег и за это получали право собирать в свою пользу дань с определенных городов и княжеств. Злоупотребления и насилия бесерменов привели к крупному антиордынскому восстанию. В 1262 г., по сообщению летописца, «люди ростовские, не вытерпев насилий поганых, собрали вече и выгнали их из городов: из Ростова, из Владимира, из Суздаля, из Ярославля, потому что откупали те бесермены дани и оттого великую погубу творили людям». Восстание прокатилось по всей Северо-Восточной Руси, везде горожане «поднимались вече» и изгоняли ненавистных бесерменов. Летописец отметил, что ордынские ставленники были изгнаны «из всех градов русских». Больше бесермены на Руси не появлялись. Сбор ордынской дани перешел к русским князьям, которые сами отвозили ее к хану.

Какое-то время в русских городах находились баскаки, следившие за князьями, регулярно доносившие хану о случаях неповиновения. И этих представителей хана, так же как ранее бесерменов, смели с Русской земли народные восстания. В 1289 г. восстали горожане Ростова. Летописец сообщил об этом событии так: «Тогда было

много татар в Ростове, и изгнали их вече, и ограбили их». В 1320 г. восстание повторилось: снова «были злы татары в Ростове», и «собрались люди, изгнали их из града». В 1327 г. восстали горожане Твери. В этом году в Тверь пришел с отрядом ордынских воинов посол хана Шевкал (на Руси его называли Щелканом). Тогда горожане «ударил во все колокола и стали вече, и весь народ собрался, и начали избивать татар, где кого застали, и самого Шевкала убили, и всех других». Ордынцы жестоко расправились с восставшими, направив в Тверскую землю большое войско. Однако, напуганные размахом народного движения, ханы Золотой Орды отказались от присылки в русские города своих представителей — баскаков. Баскаки исчезли из русских городов. Так народные восстания приводили к ослаблению иноземного ига.

Стремясь удержать Русь под своей властью, ордынские ханы разжигали княжеские усобицы, неоднократно предпринимали опустошительные вторжения в русские земли. Но все чаще и чаще завоеватели встречались с открытым неповиновением. Русские князья наносили им ощутимые удары. Эти антиордынские выступления не были еще общерусскими, но они постепенно подрывали власть ханов Золотой Орды, подготавливали свержение ненавистного ига.

Первое открытое неповиновение приказам ордынского хана относилось к 1281 г. Хан передал «ярлык» на великое княжение Владимирское князю Андрею Александровичу. Но князь Андрей не смог воспользоваться ханской «милостью»: Дмитрий Александрович, бывший тогда великим князем, отказался уступить Владимир. В Орду «пришла весть из Руси, что князь великий Дмитрий Александрович собирает рать и крепит город, не хочет цареву (т. е. ханскому) слову покориться и сойти с великого княжения». Ордынцам пришлось посылать на Русь большое войско. Но не успели ордынцы возвратиться, как снова «князь великий Дмитрий Александрович пришел в город Переяславль, и начал рать собирать, и город крепить, и отовсюду начали к нему собираться люди многие». Князь Андрей поспешил пожаловаться хану: «Тебе, царю, он повиноваться не хочет, и даней твоих платить не хочет!» Хан послал на непокорного князя «рать многую, Турантемира и Алына и многих татар». Великому князю пришлось на время смириться,

но в 1285 г. он снова выступил против Орды. Когда «царевич из Орды» пришел с войском в Северо-Восточную Русь и, по монгольскому обычаю, отправил во все стороны отряды своей конницы для грабежа, «князь великий Дмитрий Александрович, собрав рать многую, пошел на них, и побежал царевич в Орду». Это было первое сражение, выигранное «в поле» русскими полками против монголо-татарских завоевателей. Грозных пришельцев из степей Азии можно было побеждать.

Несколько удачных сражений с отдельными ордынскими ратями было в начале XIV столетия. В 1301 г. Даниил московский разгромил ордынский отряд, прибывший на помощь к рязанскому князю. «Осенью князь Данило московский ходил на Рязань, и бился у города Переяславля (Рязанского), и одолел князь Данило, и много татар избил». В 1310 г. с ратью татарской бился под Брянском князь Святослав, «ратью великою, в силе многой вышел против рати татарской, и сошлись на бой, и помрачили стрелы татарские воздух и были как дождь, и была сеча злая». Князь Святослав бился до конца и погиб «последним в полку», нанеся врагу большой урон. Он предпочел смерть в бою подчинению хану: татары пришли «ссаживать» его с княжения.

В 1317 г. ордынское войско потерпело серьезное поражение в Тверском княжестве. Тверской князь Михаил, «собрав своих мужей, тверичей и кашинцев, пошел против татар, и сошлись оба полка, и была сеча великая». Ордынский полководец Кавгадый, встретив сопротивление, «повелел дружине своей стяги повернуть и неволей сам побежал», причем тверские воины «многих татар поймали и повели в Тверь».

В летописях появляются записи о том, что князья не просто «отводили беду» от своих княжеств путем подарков ханам (как было раньше), но обороняли их с оружием в руках. Вот как, например, писал летописец о нижегородском князе Константине Васильевиче: «Княжил 15 лет, честно и грозно оборонял вотчину свою от сильных князей и от татар». По существу говоря, с середины XIV в. распоряжения ордынских ханов, не подкрепленные немедленной присылкой военной силы, редко выполнялись русскими князьями — характер взаимоотношений Руси с Ордой изменялся на глазах. Русские князья пользовались любыми усобицами в Орде, чтобы проводить свою самостоятельную политику.

Особенно независимо стали себя вести по отношению к Орде московские князья. В 1358 г., например, московский князь Иван Красный вообще не пустил в свое княжество ханского посла, что было прямым вызовом. Создалось своеобразное положение, когда другие князья больше считались с московскими правителями, чем с золотоордынским ханом. В 1360 г. ордынский хан «давал великое княжение Владимирское князю Андрею Константиновичу суздальскому», но тот «по то не явился», боясь московского князя.

Как показали дальнейшие события, суздальский князь поступил вполне благоразумно. Брат суздальского князя попробовал воспользоваться ханским «ярлыком», но московский князь тотчас «собрал силу многую и пошел ратью на него к городу Владимиру, и выгнал его из Владимира. Он же бежал в Суздаль, просидев на великом княжении всего двенадцать дней». Этот урок, данный усилившейся Москвой неудачливому претенденту на великое княжение, не прошел даром. Когда спустя два года ханский посол снова принес суздальскому князю «ярлык» на великое княжение, тот сам «не захотел и уступил великое княжение Владимирское великому князю Дмитрию Ивановичу московскому».

Правда, в 1371 г. тверской князь Михаил Александрович попытался воспользоваться ханским «ярлыком» и «перенять» у Москвы великое княжение, но из этого ничего хорошего не получилось. Когда он с «царевым послом» поехал на Русь, то московский князь попросту «разослал на все пути заставы, хотя поймать его». Ханскому послу московский князь категорически заявил: «К ярлыку не иду, а князя Михаила на княжение Владимирское не пущу, а тебе, послу, путь чист!» Система ордынского владычества рушилась на глазах, «царево слово» перестало быть авторитетным для князей.

Следует отметить, что достаточно независимо по отношению к хану начали вести себя и другие русские князья. Так, в 1365 г., когда войско ордынского князя Тагай напало на Переяславль-Рязанский, ограбило его окрестности и «со мною тягостью пошло в поле», князья Олег рязанский, Владимир пронский и Тит козельский наголову разбили его. Русские полки настигли врага «под Шишевским лесом, на Войде, и был им бой крепок, и брань лютая, и сеча злая, и падали мертвые от обеих сторон». В результате «гордый ордынский князь Тагай

в страхе и в трепете был, видя всех своих татар избитых, и так, рыдая и плача и лицо одирая от многой скорби, едва с малой дружиной убежал». В 1367 г. хан Булат-Темир, «собрав силу многую, пошел в землю и уезд Нижнего Новгорода, волости и села повоевал». Навстречу налетчикам вышли нижегородские полки. Булат-Темир, по словам летописца, «прибежал в Орду с малой дружиной». В 1374 г. в Нижний Новгород пришли послы Мамай — правителя Орды — с большим татарским отрядом. Против ордынцев поднялось восстание. Сами послы и около 1500 сопровождавших их татар были убиты восставшими. Московский великий князь Дмитрий Иванович отнесся к восстанию с полным одобрением и даже направил впоследствии полки в помощь Нижнему Новгороду.

События середины XIV столетия показали, что время безнаказанных ордынских разбоев на Руси отходило в прошлое. Полки русских княжеств крепко били насильников. В 70-х годах московский князь сумел организовать надежную оборону не только южных границ своего княжества, но и соседних княжеств. На южный рубеж теперь выходили полки нескольких княжеств. Это было прямым следствием начавшегося объединения русских земель вокруг Москвы.

В 1367 г., при великом князе Дмитрие Ивановиче, были построены новые каменные стены Московского Кремля. «Москва белокаменная» стала мощной крепостью, способной выдержать самые сильные приступы врага.

В летописях рассказывается о нескольких случаях успешных военных операций московского князя по обороне южной границы. В 1373 г. ордынская рать опустошила Рязанское княжество и двинулась было к московскому рубежу. Однако «князь великий Дмитрий Иванович московский, собравшись со всей силой своей, стоял у реки Оки на берегу. И брат его Владимир Андреевич пришел к нему из Нижнего Новгорода на берег к Оке. И татар не пустили, и все лето там стояли». Спустя три года московский князь не ограничился чисто оборонительными мерами и вывел полки за Оку, чтобы встретить ордынцев на дальних подступах. По сообщению летописца, «князь великий Дмитрий Иванович московский ходил ратью за Оку-реку, остерегаясь рати татарской». Очередной ордынский поход на Русь был сорван.

Необходимо учитывать, что военные действия на южной границе осложнялись продолжавшейся междоусобной борьбой между Москвой и Тверью, а также серьезными столкновениями с Литвой. Литовский великий князь Ольгерд организовал несколько больших походов на Русь. В 1368 г. на Москву двинулось литовское войско, к которому присоединились смоленские и тверские дружины. Поход начался без объявления войны и явился полной неожиданностью для московского князя: в Москве узнали о приближении врага только тогда, когда литовцы миновали рубеж, находившийся примерно в 150 км от столицы. Собрать большое войско великий князь Дмитрий Иванович не успел. Навстречу литовцам был двинут только сторожевой полк с воеводами Дмитрием Мининым и Акинфом Шубой. Коломенские и дмитровские дружины, составляющие сторожевой полк, были немногочисленными и не смогли задержать врага. На реке Тростне сторожевой полк был разбит, воеводы погибли в сече. Путь к Москве был открыт.

Однако Москва уже подготовилась к обороне. Москвичи сожгли деревянные посады и укрепились за крепкими стенами Кремля. Три дня простоял Ольгерд под стенами Москвы, не решаясь штурмовать неприступный Кремль, а затем отступил.

Следующий поход на Москву великий литовский князь Ольгерд предпринял в 1370 г. На этот раз большое литовское войско было задержано под Волоком-Ламским, в котором было заблаговременно поставлен московский гарнизон. Три дня осаждал враг укрепления Волока-Ламского, но так и не смог их преодолеть. Затем основные литовские полки двинулись к Москве и начали осаду столицы. Между тем великий князь Дмитрий Иванович собрал значительные силы. К нему присоединились полки Рязани, Суздаля и других городов. Опасаясь удара русских полков, Ольгерд снял осаду Москвы и поспешно отступил, причем, по словам летописца, «шел со многим опасением, боясь за собой погони».

В 1372 г. литовское войско еще раз вторглось в пределы Московского княжества. На этот раз великий князь Дмитрий Иванович успел подготовиться к отпору. Навстречу врагу двинулось большое московское войско. В бою под Любутском был разбит литовский сторожевой полк. Ольгерд, получив известие об этом поражении, остановил движение своего войска на Москву. Располо-

жив свои полки вдоль глубокого оврага, он стал ждать приближения московского войска. Войско Дмитрия Ивановича встало по другую сторону оврага. Началось «противостояние»: ни один из противников не решался штурмовать сильные позиции. Война была выиграна Москвой без битвы, так как Ольгерд в конце концов отступил, не достигнув цели своего похода. В 1375 г. литовцы пробовали прийти на помощь Твери, осажденной московскими полками, но навстречу им двинулась большая московская рать, и, по словам летописца, «убоялась Литва, побежала назад».

Литовские походы, хотя они и были неудачными для Ольгерда, отвлекали большие военные силы Руси от решения основной задачи — борьбы с монголо-татарскими завоевателями. Однако и в этих сложных условиях Русь сумела нанести Орде ряд серьезных ударов. Летом 1378 г. правитель Орды Мамай направил против великого князя Дмитрия Ивановича большое войско мурзы Бегича. Ордынская конница быстро двигалась на север через рязанские земли, рассчитывая застать великого князя врасплох. Однако сохранить поход в тайне Бегичу не удалось. За реку Оку навстречу врагу вышло московское войско. Великий князь Дмитрий Иванович занял сильную позицию «у реки Вожи, в Рязанской земле». Вскоре к реке подошли и татары и остановились на противоположном берегу. Несколько дней продолжалась перестрелка через реку. Не хватало травы для многотысячной татарской конницы, окрестности были разграблены дотла. Воины роптали на остановку. Наконец, Бегич решил на атаку. 11 августа татары перешли вброд реку Вожу и ударили на русские полки.

Московский полк, расположившийся в центре русского строя, отбил первый, самый страшный удар татарской конницы. Татарские «тысячи» остановились на берегу, смешали свой строй. Тогда запели боевые трубы, и с флангов на врага устремились полки Даниила Пронского и окольного Тимофея Вельяминова, а прямо в лоб ударил большой полк великого князя. Ордынцы не выдержали и «побежали за реку за Вожу, побросав копья свои, и наши вслед за ними, погнавшись, их били, секли, кололи и напополам отсекали, и убили их множество, а иные в реке утонули». Мурза Бегич, любимец Мамай, тоже погиб в сече. Лагерь и обозы врага с награбленной добычей были захвачены русской кон-

ницей. Только наступившая ночь и сильный утренний туман дали возможность остаткам татар спастись: преследование разбитого врага русские полки смогли начать только на следующий день.

К. Маркс в своих «Хронологических выписках» высоко оценил победу русских полков над ордынцами на реке Воже. «Дмитрий Донской, — писал он, — совершенно разбил монголов на реке Воже (в Рязанской области). Это первое правильное сражение с монголами, выигранное русскими»¹. Действительно, победоносное сражение на реке Воже было как бы генеральной репетицией Куликовской битвы. А сама Куликовская битва была подготовлена более чем столетней борьбой Руси против ордынского владычества. Эта борьба не была еще общерусской; она проходила то в форме народных восстаний, то выступлений отдельных князей, однако она расшатывала власть завоевателей. Только с середины XIV в. характер освободительной борьбы начал изменяться — в ней все яснее стали проследиваться общерусские усилия. Это новое в освободительной борьбе Руси сразу привело к большим успехам. Была организована действенная оборона южных границ. Окончательно определился центр, вокруг которого объединялись военные силы русских княжеств для отпора врагу. Таким центром стала Москва.

За истекшее столетие существенно изменилось русское войско. Оно оставалось феодальным по своему характеру, но процесс политической централизации уже наложил заметный отпечаток на организацию вооруженных сил. Московский великий князь стал признанным главой Руси, с которым уже не могли соперничать другие князья ни по политическому авторитету, ни по реальной силе. Наиболее важные военные решения великий князь принимал единолично. Русское войско, несмотря на то что отдельные князья приходили на войну со своими полками, действовало по единому плану, под единым командованием. Это сыграло решающую роль в войне с Ордой. Великий князь имел возможность в случае военной опасности собрать под своими знаменами объединенное войско русских княжеств, насчитывавшее

¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. VIII. М., 1946, стр. 151.

десятки тысяч воинов. Полки имели единообразную организацию, делились на десятки, сотни и тысячи. Опытные воеводы хорошо знали своего сильного и коварного врага — десятилетия битв с ордынцами не прошли бесследно, русские воины научились бить считавшуюся ранее непобедимой татарскую конницу.

Русское войско было хорошо вооружено. Великие князья накопили запасы оружия, которым перед походом вооружали тысячи людей. Отошло в прошлое то время, когда смерды-ополченцы шли в бой почти безоружными, с топорами или даже палками — киями. Русские воины имели копья, короткие прямые мечи или сабли, тяжелые булавы и чеканы, позволявшие раскроить череп татарскому коню и выбить из седла всадника, легкие металлические копья — сулицы — и дальнобойные луки с закаленными стрелами, поражающими врага на расстоянии. Далеко за пределами страны славилось русское защитное вооружение: кованые остроконечные шлемы, легкие и прочные кольчуги, крепкие щиты с металлической оковкой.

Русское войско стало более гибким и легко управляемым в бою, осуществляло сложные маневры и перестроения. Каждая часть войска имела свои определенные задачи. В составе русского войска был передовой полк, большой полк, полки правой и левой руки, засадный полк. Выделение постоянного засадного полка было новинкой в тактике. Засадный полк, наносивший удар в решающий момент, часто решал исход сражения. В походе русское войско сохраняло расположение полков, удобное для предотвращения внезапных нападений и развертывания в боевой порядок. Впереди, на расстоянии нескольких переходов, двигался передовой (сторожевой) полк, который в свою очередь высылал далеко вперед и в стороны конные сторожевые разъезды. Следом за передовым полком шли главные силы: полк правой руки, большой полк и полк левой руки. Замыкал походную колонну засадный полк.

Перед битвой впереди рассыпались воины передовой стражи с луками и стрелами, которые первыми вступали в бой. Они встречали татарскую конницу ливнем стрел, сбивали ее первый натиск. Конные лучники передовой «сторожи» соперничали с прирожденными конными воинами-татарами в умении владеть луками и в быстрых, стремительных атаках. Передовая «сторожа» надежно

прикрывала остальные полки от неожиданного нападения.

Позади выстраивался шеренгами передовой полк. Этот полк завязывал бой и сдерживал врага, пока не определялось направление главного удара. Под прикрытием передового полка остальные полки делали последние перестроения. Засадный полк обычно до начала боя прятался в удобном месте и наносил удар в решающий момент.

Такое построение русского войска выдержало проверку в битвах с немецкими рыцарями, с литовскими феодалами, с монголо-татарскими завоевателями. Оправдало себя такое построение войска и в знаменитой Куликовской битве.

Основой вооруженных сил Руси были многочисленные и хорошо вооруженные московские полки. Московские воеводы и сам великий князь имели большой боевой опыт. Достаточно сказать, что с 1363 по 1385 г. великий князь Дмитрий Иванович провел десять больших походов. В отличие от рыцарских армий феодальной Европы в русском войске была сильная пехота, о сомкнутый строй которой разбивались атаки ордынской конницы. Тесное взаимодействие в сраженьях пехоты и конницы обеспечивало русскому войску успех — пехота ордынцев была слаба, попытки Мамаю ликвидировать этот недостаток привлечением наемников не удались. Великий князь Дмитрий Иванович московский хорошо подготовил войско к решающей битве.

ГЛАВА 10

Куликовская битва

Ордынские ханы хорошо понимали, что восстановить покорность Руси можно только путем нового нашествия, и мечтали о повторении «Батыева погрома». Однако организовать нашествие большими силами им удалось не скоро — мешали внутренние распри в Золотой Орде, кровопролитные междоусобные войны между претендентами на ханский престол. Только в конце 70-х годов XIV

столетия эти распри на время прекратились. Власть захватил темник Мамай, который, по словам летописца, «многих царей и князей избил и поставил себе царя (т. е. хана) по своей воле». Утвердившись в Орде, Мамай начал готовить большой поход на Русь. Планы правителя Золотой Орды были грандиозными: Мамай «вознесен в уме гордостью великою и хотел как второй царь Батый быть и всю землю Русскую пленить». Мамаю удалось собрать сильное войско, в состав которого входили не только татары, но и военные отряды соседних народов, нанятые специально для этого похода. По свидетельству летописца, Мамай «рати нанял бесермен и армян, фрязен (итальянцев), черкесов, ясов, буртасов». Общую численность полчищ Мамаю историки определяют примерно в 300 тыс. воинов. По тем временам это была огромная армия, действительно превосходившая по численности войско хана Батыя. Видимо, Мамай понимал, что Русь являлась серьезным противником, и собрал все силы, бывшие в его распоряжении. Кроме того, Мамай заручился помощью польско-литовского короля Ягайло, который выступил к русским рубежам с большим войском. Перешел на сторону Мамаю и рязанский князь Олег, боявшийся усиления Москвы.

Летом 1380 г. огромная орда Мамаю переправилась через Волгу и двинулась к устью Воронежа. При первых же известиях об опасности великий князь Дмитрий Иванович начал «собирать воинства много и силу великую, соединяясь с князьями русскими и бывшими под ним князьями местными». Вот когда дали результат многолетние усилия Москвы по собиранию русских земель: князь сразу откликнулся на призыв Дмитрия Ивановича и направился с полками к столице.

Для того чтобы выиграть время и точно выяснить планы Мамаю, великий князь направил к ордынцам опытного московского дипломата Захария Тютчева. Вскоре посол Тютчев «послал тайно скоровестника к великому князю на Москву», который сообщил, что Олег рязанский и Ягайло литовский «приложились к царю Мамаю».

Следом за посольством великий князь Дмитрий Иванович выслал в степь «крепкую сторожу», велел ей «под Орду ехать, языка добывать и истину уведать Мамаева хотенья». Вскоре следом выехала из Москвы и «вторая сторожа». Разведчики подтвердили, что «идет царь Ма-

май на Русь, соединившись с Олегом, князем рязанским, и с Ягайлом, князем литовским, и еще не спешит царь, но ждет осени, когда соединится с Литвою».

Обстановка прояснилась. Можно было спокойно собирать силы, так как в ближайшее время Мамай не собирался начинать вторжение. Вместе с тем было необходимо предупредить объединение ордынской и литовской ратей, чтобы разгромить их поодиночке. В Москву собиравались рати из других княжеств и городов. «Пришли князья белозерские, крепкие и мужественные на брань, с воинами своими — князь Федор Семенович, князь Семен Михайлович, князь Андрей кемский, князь Глеб каргопольский и цыдонский и андомские князья. Также пришли ярославские князья со всеми своими силами — князь Андрей и князь Роман Прозоровский, князь Лев Курбский, князь Дмитрий ростовский и князья устюжские, и иные многие князья и воеводы со многими силами». Предстояло решить, куда двинуть собиравшееся войско. Считая наиболее опасным врагом Мамаю, великий князь направил рати к южной границе, в Коломну. По свидетельству летописца, Дмитрий Иванович «повелел всем людям быть на Коломне месяца августа в 15 день».

По трем дорогам русские полки двинулись от столицы на юг. 25 августа великий князь Дмитрий Иванович прибыл в Коломну, где его уже ожидали полки из близлежащих городов. Здесь все русские рати были пересчитаны, разделены на пять полков для дальнейшего похода и битвы, в полки назначены воеводы. Летописец сообщал, что Дмитрий «собрал воинов своих 100 тысяч, кроме князей русских и воевод местных. Было всей силы и всех ратей 150 тысяч или 200 тысяч». Но полки продолжали прибывать. По свидетельству летописца, под Коломной собралось «400 тысяч воинства конного и пешего». Командовали полками 23 князя и воеводы. Видимо, эти цифры завышены, такого большого войска Русь во второй половине XIV в. собрать не могла. Советский историк академик Б. А. Рыбаков писал, что численность войска великого князя Дмитрия на Куликовом поле равнялась примерно 150 тысячам человек. Таким образом, у Мамаю по-прежнему было численное превосходство, и решающую роль в предстоящей битве должны были сыграть полководческое искусство русских военачальников, вооружение и боевой дух войска.

К реке Воронежу, где, по сведению разведчиков, стояла орда Мамаю, можно было идти двумя путями. Кратчайший путь проходил через Рязанское княжество, враждебное великому князю. Второй путь лежал в обход Рязани, по окраинным рязанским землям. Дмитрий Иванович выбрал второй путь и 26 августа покинул с войсками Коломну. Оку русские полки перешли 30 августа близ устья Лопасни (примерно в 65 км от Коломны). Этим маневром Дмитрий Иванович отрезал Мамаю от литовских полков, которые уже подошли к городу Одоеву. В степь была выслана «третья сторожа». По словам летописца, «тогда же князь великий отпустил в поле под Орду избранного своего боярина и крепкого воеводу Семена Мелика и иных многих нарочитых и мужественных, чтобы встретились со стражей татарской и подали весть», а с главными силами «двинулся тихо к Дону, вести получая».

Вскоре разведчики «привели языка знатного от двора царева», который рассказал, что и Мамай начал передвигать свои полки. Он теперь был не на реке Воронеже, а на «Кузьминой гати», всего в трех переходах от верховьев Дона. «Язык» сообщил далее, что хоть Мамай и «не спешит, ожидает Олега, князя рязанского, и Ягайла, князя литовского», но «через три дня будет на Дону». О войске Мамаю пленный сказал так: «Многое множество есть бесчисленно!»

Русское войско продолжало движение на юг и 5 сентября вышло к Дону, к устью реки Непрядвы. К великому князю Дмитрию Ивановичу собирались все новые и новые рати: «Тут пришло много пешего воинства, и жители, и купцы со всех земель и городов, и было страшно видеть, какое множество людей собралось, готовясь в поле против татар». У Дона, в деревне Чернива, собрался совет русских князей и воевод. Военачальники войска решали главный вопрос: переходить за Дон для битвы в поле или, как неоднократно делалось раньше, оборонять речные переправы? «Что сотворим? — спрашивал великий князь. — Где битву устроим против татар, на этой стороне Дона или на другой?» Большинство князей и воевод высказалось за наступление: «Если останемся здесь, слабо будет воинство русское, если же на другую сторону Дона перейдем, то крепким и мужественным будет, потому что от промедления все отчаются, с часу на час смерти ожидая. Если одолеем татар, будет слава те-

бе и всем, если избиты от них будем, то общей смертью все вместе умрем!» И великий князь Дмитрий Иванович решил: «Братья! Лучше честная смерть, чем злая жизнь. Лучше было не выходить против врага, чем пойти и, ничего не сделав, возвратиться вспять. Перейдем все за Дон и там положим головы свои!» Затем он «повелел каждому полку (а их было пять) строить мосты через Дон и самим в доспехи наряжаться».

Принимая решение выступить навстречу врагу, великий князь Дмитрий Иванович учитывал настроение своего войска: мысль о переправе через Дон широко овладела массой русских воинов.

Утром 7 сентября¹ русские полки, переправившись через Дон и уничтожив за собой мосты, вышли на Куликово поле. Снова вперед поскакала «сторожа» Семена Мелика. На расстоянии всего 8—9 км от устья Непрядвы, у Гусиного брода, русская «сторожа» столкнулась с передовыми отрядами Мамаю. Полки Дмитрия Ивановича начали выстраиваться для боя, «чтобы не упредили татары».

Боевой порядок русского войска перед Куликовской битвой был определен великим князем с учетом боевого опыта и особенностей местности. Куликово поле, расположенное между реками Доном и Непрядвой, было прикрыто с флангов холмами, оврагами, речками Смолкой и Дубняком, дубовой рощей. Равнинная часть, удобная для битвы, была неширокой — всего 4—5 км. Русский полководец имел возможность создать крепкий боевой строй, достаточный по глубине, чтобы сдерживать натиск ордынской конницы, не опасаясь обходов и фланговых ударов. Одновременно великий князь выделил сильный резерв, чтобы ввести его в бой в решительный момент.

В центре русского строя стоял большой великокняжеский полк, на флангах — полк правой руки под командованием князя Андрея Ольгердовича и полк левой руки во главе с князьями Василием ярославским и Федором моложским. Другой Ольгердович — Дмитрий — командовал резервным полком, располагавшимся слева, позади основного строя. Впереди стоял сторожевой полк князей Симеона Оболенского и Иоанна тарусского. А за левым флангом, в Зеленой дубраве, спрятался засадный

¹ По другим сведениям переправа была в ночь на 8 сентября.

полк брата великого князя Владимира Андреевича и воеводы Дмитрия Боброка-Волынца. «И исполнились полки все, и возложили на себя доспехи, и стали на поле Куликовом, на устье Непрядвы-реки. Было то поле велико и чисто». Полки напряженно ждали. Блестела на солнце сталь оружия, развевались боевые знамена, ржали застоявшиеся кони. Но в этот день враг не подошел. Великий князь, объехав полки, приказал им оставаться на своих местах, потому что «гости наши близко на реке на Непрядве». Наступила ночь перед битвой; по словам современника, «была теплота и тихость в ночи той...»

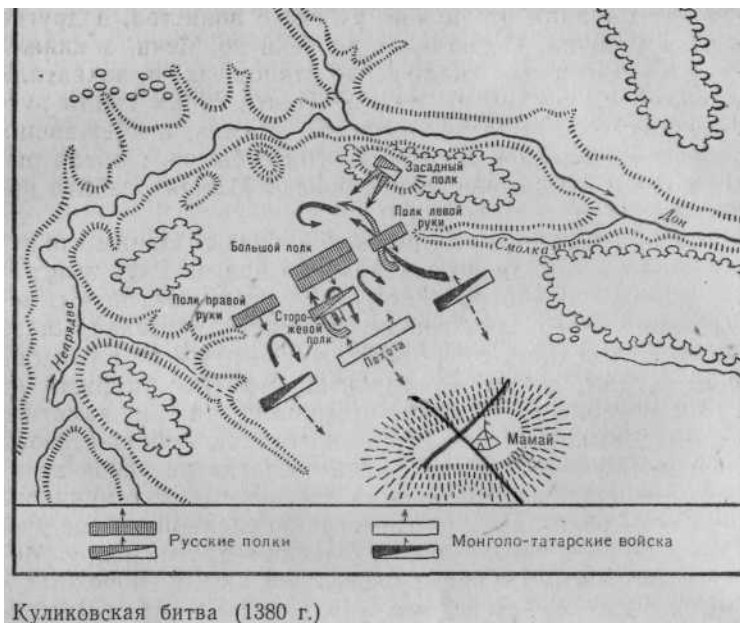
Утром 8 сентября на Куликово поле опустился туман, «мгла великая по всей земле, как тьма». Только боевые трубы ревели в тумане, ободряя воинов. Только к 11 часам утра туман рассеялся, и великий князь «повелел полкам своим выступать». Одновременно и «сила татарская пошла с холмов» навстречу русскому войску. Медленно сближались противники, пока не остановились друг против друга, «и не было места, где им расступиться». И страшно было видеть две силы великие, сходящиеся на кровопролитие, на скорую смерть...» Мамай наблюдал за разворачивающимся сражением с Красного холма, который высился позади ордынского строя. Великий князь Дмитрий Иванович решил принять непосредственное участие в битве и, «утвердив полки», «снял с себя одежду свою царскую», надел простые, но крепкие доспехи дружинника и «прежде всех стал на бой, на первом ступе».

Битва началась традиционным поединком. Когда уже «близко сошлись обе силы, выехал из полка татарского богатырь великий», вызывая русского поединщика. Простой русский ратник Пересвет «пошел против» него, и «ударилась крепко, так громко и сильно, что земля затряслась, и упали оба на землю мертвые». Затем «начали съезжаться сторожевые полки русские с татарскими». Около часа бились русские «сторожи» с передовыми татарскими отрядами, кровью оплачивая свою славу самых умелых, самых мужественных воинов, пока не полегли в неравной сече перед строем большого полка. В бой вступили главные силы: «Пошла великая рать Мамаева, вся сила татарская, а отселе пошел великий князь Дмитрий Иванович со всеми князьями русскими, со всеми ратями своими». Летописец так описывал эту страшную, кровопролитную сечу: «Вступились обе силы великие на

бой, и была брань и сеча зла зело, и лилась кровь, как вода, и пало мертвых бесчисленно от обоих сил, от татарской и русской. Всюду мертвые лежали, и не могли кони ступать по мертвым. Не только от оружия умирали, но и под конскими копытами, от великой тесноты задыхались, потому что не могло вместить поле Куликово такое множество». Наибольшие потери несла «пешая великая русская рать», крестьяне-ополченцы, которые были плохо вооружены, не имели кольчуг. По словам летописца, пешая рать после татарской атаки «как сено скошенное лежала». Однако русский строй выдержал страшный натиск войска Мамая. Владимирские, суздальские и московские дружины большого полка отразили атаки на центр. Не отступил и полк правой руки. Тогда Мамай бросил оставшиеся силы на левый фланг, где тоже стояла пешая рать. «И тут пешая рать как дерево сломилась, — печально отметил летописец, — и начали татары одолевать». Медленно, отбиваясь короткими наездами, начал отходить полк левой руки. Ордынская конница все глубже охватывала сбоку центр русского войска, пробиваясь к Непрядве. Битва продолжалась уже больше трех часов, и, казалось, силы русских были на исходе. Мамай уже торжествовал победу, уже готовил летучие отряды конницы для преследования и захвата пленных. Ордынские военачальники не знали, что у русских остался в резерве отборный засадный полк.

В Зеленой дубраве, за левым флангом русского войска, с ночи прятался засадный полк, «князь Владимир с избранным воинством и с мудрым и удалым воеводой Дмитрием Боброком-Волынцем». С верхушек деревьев зорко следили за ходом битвы дозорные: вот заревели боевые трубы, и сошлись передовые полки; вот с криками, с лязгом оружия и конским ржанием началась сеча между главными силами: потом шум битвы стал ближе — Мамай перенес атаку на полк левой руки и тот начал медленно отступать, истекая кровью. Опытный воевода Боброк ждал. Уже начал беспокоиться молодой князь Владимир Андреевич: «Чем полезно стояние наше? Кому нам помочь? Уже все мертвые лежат христианские полки!» Но воевода ответил: «Беда, княже, велика. Но еще не время нам выйти на супостатов!»

Ордынская конница все дальше и дальше гнала полк левой руки, обходя центр русского войска и сама под-

ставляя фланг для удара засадного полка. Мамай посылал в сечу последние резервные отряды. Все ордынское войско уже втянулось в битву. И тогда воевода сказал: «Княже! Час пришел!» К тому же изменилось направление ветра: теперь густые клубы пыли неслись на ордынский строй, слепя воинов.

Засадный полк ударил «с яростью и ревностью» и сразу смял ордынский строй: «И пришли в ужас татары, и устрашились, и воскликнули: «Увы нам! Увы нам! Русские перехитрили нас, лучших и удалых князей и воевод спрятали и на нас неумоленными приготовили! Наши же руки ослабли, оружие наше иступилось. Кто может против них выстоять? Горе нам!..» Ход битвы сразу переломился. Ордынская конница заметалась в кольце русских полков. Часть ордынцев побежала дальше к Непрядве, которая быстро наполнилась трупами, а остальные повернули обратно. Русские полки, ободрившись, ударили с новой силой, «и побежали полки татарские, а русские полки за ними погнались, били и секли. Увидев, что новые полки неумоленные вышли на татар, побегал Мамай с князьями своими в малой дружине. И мно-

гие татары пали от оружия русского воинства, а другие в реке утонули. И гнали их до реки до Мечи, а княжеские конные полки гнались до станов их и захватили именья и богатства их много». Почти 50 км гнали русские дружины остатки воинства Мамай, и «бежавших татар бесчисленное множество убито было». Победа была полной — многочисленное войско Мамай разбито наголову.

Велико значение Куликовской битвы. Одним сокрушительным ударом по главному из врагов Русь выиграла войну. Узнав о результатах Куликовской битвы, немедленно отвел свои войска великий литовский князь Ягайло. А ведь он стоял всего в 35—40 км от Куликова поля и мог в любой удобный момент ударить по русским полкам с тыла. Летописец так и заметил: «Князь Ягайло со всею силою литовскою побегал назад с великой скоростью. Не видел он тогда ни князя великого, ни рати его, ни оружия его, но только имени его боялся и трепетал!» При известиях о славной победе русских полков и князь Олег рязанский, другой недруг Москвы, «отбежал от града своего Рязани и побегал к Ягайлу, князю литовскому, и пришел на рубеж литовский, и, тут встав, сказал боярам своим: «Я хочу здесь ждать вести, как князь великий пройдет мою землю и придет в свою отчину, и я тогда возвращусь!» Однако если для Ягайло литовского и Олега рязанского победа русских полков на Куликовом поле была серьезным поражением, то для самого Мамай она закончилась гибелью. Когда Мамай, потеряв войско, возвратился в свои степи, он подвергся нападению хана Тохтамыша. Остатки воинства Мамай были разбиты соперником, и «Тохтамыш взял Орду. Мамаеву, и цариц его, и казну его, и улусы его, и богатство его, серебро и золото, а сам сел на царстве Волжском». Вскоре Мамай был убит. Так бесславно закончилась попытка правителя Золотой Орды повторить времена Батыея.

Тяжелыми были потери и русского войска. Когда великий князь приказал уцелевшим князьям и воеводам: «Изочтите, братья, сколько осталось всех нас!» — то ему доложили: «Княже, осталось всех нас 40 тысяч...» Недаром летописец заканчивал свой рассказ о Куликовской битве так: «И была на Руси радость великая, но печаль еще осталась об убитых Мамаем на Дону князьях и боярах и воеводах и многом воинстве. Оскудела вся земля

Русская воеводами и воинами...» Но не это было главным, и не жертвы остались в памяти народной. Куликовская битва по праву является одной из героических страниц нашей истории.

Подвиг русского народа в Куликовской битве прославлен в поэтическом произведении древнерусской литературы — «Задонщине», написанной по свежим следам событий Софонием Рязанцем. Это произведение проникнуто идеей единства Русской земли, мыслью о том, что именно объединение русских сил вокруг Москвы явилось главной причиной победы. «Кони ржут на Москве, звенит слава по всей земле Русской. Трубы трубят на Коломне, бубны бьют в Серпухове, стоят стяги у Дона Великого на берегу. Звонят колокола вечевые в Великом Новгороде: стоят мужи-новгородцы у святой Софии¹, говоря: «Уже нам, братья, на помощь великому князю Дмитрию Ивановичу не поспеть...» Особенно подчеркивал автор «Задонщины» роль Москвы в организации отпора ордам Мамаю — именно к Москве сходились все русские рати, именно Москва направила их в бой.

Велико значение Куликовской битвы, и современник — автор «Задонщины» отлично понимал это. Когда «Русь Великая одолела Мамаю на поле Куликовом», то об этом «прошла слава» по всем соседним странам, «к Железным воротам (Дербенту)², к Кафе по морю и к Торнову³ и оттуда к Царьграду³». В самой Руси Куликовскую победу люди восприняли как перелом в отношениях с Ордой, как событие, подорвавшее власть ордынских ханов над русскими землями. Автор «Задонщины» с радостью писал: «И уже застонала земля Татарская, бедами и печалью покрылась. Исчезло у царей их желание и похвала на Русскую землю ходить, поникло их веселье. Уже татары оружие свое повергли и головы свои преклонили под мечи русские. Трубы их не трубят, умолкли голоса их!»

Куликовская битва, в которой русские полки нанесли сокрушительное поражение превосходящим силам орды-Мамаю, явилась большим успехом русского военного искусства и, в частности, полководческого таланта великого московского князя Дмитрия Ивановича. Дмитрий

¹ У Софийского собора.

² Тырново — древняя столица Болгарии.

³ Царьград — Константинополь.

Иванович, прозванный в честь этой победы Донским, проявил себя в подготовке и проведении битвы выдающимся военачальником своего времени. В условиях еще не изжитой полностью феодальной раздробленности он сумел собрать общерусское войско, объединил полки единым командованием, умело сосредоточил в стратегически выгодном пункте — городе Коломне, а затем скрытно, в обход враждебного Москве Рязанского княжества, вывел на южные рубежи. Своевременными действиями Дмитрий Донской предупредил объединение Мамаю с его союзниками — Литвой и Рязанским княжеством — и сокрушительным ударом разбил главного противника, одной битвой решив исход войны.

Место битвы было выбрано Дмитрием Донским с учетом особенностей тактики кочевников-татар. На Куликовом поле фланговые удары татарской конницы, особенно опасные, были невозможны: левый фланг русского войска прикрывала река Смолка и Зеленая дубрава, а правый — река Непрядва. Мамаю вынужден был атаковать русские полки в лоб. Сама битва проходила по плану, заранее намеченному Дмитрием Донским. Центр русского строя отбил все атаки, и Мамаю пришлось перенести удар на левый фланг, за которым был спрятан в засаде свежий русский полк воеводы Боброка. Неожиданный удар засадного полка по флангу и тылу прорвавшейся татарской конницы принес Дмитрию Донскому победу.

Сам Дмитрий Донской проявил в битве личную храбрость и самопожертвование. В доспехах простого дружинника он, по словам летописца, «прежде всех стал на бой и впереди с татарами много бился». Другие князья и воеводы уговаривали великого князя перед битвой: «Княже! Не становись впереди, но стань сзади или на крыле или где-нибудь в другом месте». Но Дмитрий Иванович заявил: «Да как я скажу кому-нибудь: «Братья, станем крепко на врага!» — а сам стану сзади и лицо свое скрою? Не могу я так сделать, чтобы таиться я скрыть себя, но хочу как словом, так и делом прежде всех начать и прежде всех голову положить, чтобы прочее, видя мое дерзновение, так же сотворили с многим усердием!» По сообщению летописца, Дмитрий Донской «как сказал, так и сделал. Прежде всех начал биться с татарами, со всех сторон его обступили татары как вода, и много по голове, и по плечам, и по животу его били, и

кололи, и секли, но спасся он от смерти, только утомлен был от великой битвы почти до смерти. Был же сам он очень крепкий и мужественный, и телом велик и широк, и плечист, и тяжел собою, бородой же и волосами черен, взором удивителен».

Прошли столетия. Давно уже истлели могучие дубы Зеленой дубравы, из которых была построена церковь «на костях» павших русских воинов на Куликовом поле. Но долго еще крестьянский плуг вырывал на месте битвы то заржавленный топор, то обрывки кольчуги, то наконечник татарской стрелы. В 1850 г. на Куликовом поле был воздвигнут монумент в честь славной победы. Над пологим холмом, заросшим степными травами, поднялась 28-метровая чугунная колонна. На века врезаны в металл слова посвящения: *«Победителю татар великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому признательное потомство»*.

ГЛАВА 11

Снова бои, снова ордынские рати

Хан Тохтамыш, победив своего соперника Мамаю и захватив власть в Золотой Орде, немедленно принял меры к восстановлению ордынского владычества над Русью. Сначала он попытался добиться подчинения великого князя Дмитрия Ивановича дипломатическим путем и направил в Москву посольство. Послы заявили, что московский князь разбил не хана Золотой Орды, а темника Мамаю, узурпатора ханской власти, за что Тохтамыш даже благодарен, но теперь, с появлением в Золотой Орде «законного» хана, Русь опять должна платить дань. За это Тохтамыш обещал Дмитрию Ивановичу свою «милость» и защиту от врагов. Великий московский князь одарил посольство богатыми подарками, но от выражения покорности хану и от дани уклонился. Он надеялся на то, что Орда, ослабленная недавней усобицей, не сможет собрать войско для нового похода. Положение Руси после Куликовской битвы было очень сложным. Значительная часть войска погибла в войне с Мамаем. Враждебные отношения с Литвой продолжались. Подняли голову соперники великого князя, в первую

очередь тверской князь. Нужно было во что бы то ни стало предотвратить ордынское вторжение. Но сделать это не удалось. Хан Тохтамыш начал наступление.

Сначала ордынский хан приказал «купцов русских грабить» на Волге. Это было началом военных действий. А в 1382 г., «собрав силы многие», переправился через Волгу и двинулся на Москву. Поход Тохтамыша застал русских князей врасплох. Нижегородский князь, владения которого оказались под угрозой, послал к хану Тохтамышу двух своих сыновей с богатыми дарами и с выражением покорности. Рязанский князь Олег пошел еще дальше. Он не только сам «встретил царя Тохтамыша на окраинах своей земли Рязанской», но даже «броды ему указал на Оке». Московская рать двинулась было навстречу Тохтамышу, но другие князья не прислали свои дружины. Биться же «в поле», в открытом бою со всей ордой Тохтамыша было невозможно. И Дмитрий Донской, «уразумев в князьях и в боярах своих и во всех воинствах распрю, а еще и оскудение воинства», принял решение отступить. Он «силу распустил» для защиты городов, а сам с небольшой дружиной отъехал на север, в Кострому. План великого князя Дмитрия Донского был рассчитан на крепость московских крепостных стен и на решимость москвичей защищать столицу. Хан Тохтамыш должен был надолго задержаться под Москвой, а за это время Дмитрий Донской надеялся собрать в Костроме войско и освободить столицу от осады. Другое войско начал собирать двоюродный брат великого князя — Владимир Андреевич, который стал лагерем в Волоке-Ламском, в 100 км от Москвы. Вероятно, этот план был правильным, принимая во внимание недостаток сил, однако Москва в схватке с Тохтамышем могла рассчитывать пока только на свои силы.

Между тем ордынцы перешли реку Оку по бродам, указанным рязанским князем, «и прежде всех взяли град Серпухов, и оттуда пошли к Москве, воюя». Над Москвой нависла непосредственная опасность. Часть бояр и члены княжеской семьи хотели бежать из города при приближении врага; дело обороны взяли в свои руки горожане, простые люди Москвы. По сообщению летописца, «во граде Москве мятеж был великий: одни бежать хотели, а иные в граде сесть в осаду хотели». Посадские люди прекратили начавшуюся было панику; они «во всех городских воротах с обнаженным оружием стояли и с

ворот метали камни, не пуская никого уйти из города». Бояре были вынуждены влиться в ряды защитников Москвы. За городские стены были выпущены только митрополит Киприан и семья великого князя. Москвичи говорили: «Не устрашимся нахождения татарского, потому что имеем град каменный и ворота железные. Не смогут татары стоять под городом нашим долго, потому что боятся нас из города, а извне князей наших боятся». Город готовился к обороне. Москвичи сами сожгли посады за кремлевскими стенами, чтобы враг не мог подойти незамеченным, не было прикрытия татарским лучникам, а также материала для устройства приметов (завалов).

В полдень 23 августа разъезды войска Тохтамыша появились под Москвой. Группа татар с толмачом-переводчиком подсакала к стенам. Татары кричали: «Есть ли князь Дмитрий во граде?» Со стены ответили: «Нет его в граде». Объехав вокруг стены Кремля, татарские разъезды скрылись в лесах, окружавших Москву. 24 августа войска хана Тохтамыша осадили город. Началась перестрелка. У москвичей были самострелы, издали поражавшие врагов, и даже пушки — тюфяки. Татарские лучники ответили ливнем стрел, которые убили и поранили многих защитников стен: степняки лучше горожан владели этим оружием, стреляли метко. Но когда толпы татар с лестницами бросились на штурм, они саминесли тяжелый урон. «Горожане, воду в котлах скипятыв, лили на них кипяток», «стреляли и камнями сшибали», «пушки пускали на них». А «некто горожанин москвитин, суконник, именем Адам, с Фроловских ворот пустил стрелу из самострела и убил некоего из князей ордынских сына, знатного и славного, и великую печаль причинил Тохтамышу-царю и всем князьям его». Два приступа ордынцев были отбиты. Враг отошел от неприступных кремлевских стен и начал осаду города.

Три дня стоял хан Тохтамыш под Москвой, окружив ее тесным кольцом своих отрядов. Город продолжал оставаться неприступным. Тогда хан начал переговоры с осажденными. Ордынцы убеждали москвичей: «Хан вас хочет жаловать, потому что неповинны вы, не на вас пришел хан, а на князя Дмитрия. Ничего не требует от вас хан, только встретьте его с честью и легкими дарами, а вам всем мир и любовь!» Летописец не сообщал, почему москвичи поддались на уговоры хана. Можно предположить, что какую-то роль в решении москвичей

сдать город без боя сыграло боярство, которое еще до начала осады заняло пораженческую позицию.

26 августа москвичи открыли городские ворота. Делегация бояр встретила ордынцев, но те, размахивая саблями, «в город ворвались, и одних иссекли, а других пленили, и церкви разграбили, и множество книг, снесенных отовсюду в осаду, пожгли, и богатство и казну княжескую взяли». Город был разграблен и сожжен, уцелевшие от резни москвичи взяты в плен.

Разорив Москву, хан Тохтамыш разделил свое войско на несколько частей и направил во все стороны для грабежа. По сообщению летописца, одни татарские отряды пошли к Переяславлю, «другие Юрьев взяли, а иные Звенигород, и Можайск, и Боровск, и Рузу, и Дмитров взяли, волости и села пленили. Переяславль же, взяв, сожгли, а горожане многие на озеро выехали на судах и тем спаслись». Но задерживаться долго в русских землях Тохтамыш побоялся. Под Волоком-Ламским передовой отряд ордынцев был разбит князем Владимиром Андреевичем. Пришли вести о том, что в Костроме великий князь Дмитрий Донской собрал войско и готовится к удару. И хан Тохтамыш начал отступление. По дороге в степи ордынцы разорили Коломну, а затем вторглись в Рязанское княжество. Князю Олегу рязанскому не помогло его предательство: рязанское княжество было страшно опустошено. По сообщению летописца, ордынцы «повоевали Рязанскую землю» и отошли во свояси «с бесчисленным богатством и бесчисленным полоном».

Великий князь Дмитрий Иванович возвратился в свою разоренную столицу. Обстановка была исключительно трудной. Укрепления Москвы были разрушены. Пограничные крепости сожжены. Московское княжество обезлюдело; тех, кто уцелел от резни, ордынцы увели в плен. Сразу активизировались противники Москвы. Князь Михаил тверской «пошел к Тохтамышу в Орду с честью и дарами, ища себе великого княжения Владимирского и Новгородского». Следом за ним отправился к хану и князь Борис городецкий. Ненадежны были и другие князья. Феодальная раздробленность снова на время взяла верх над общерусскими интересами. И Дмитрию Донскому пришлось смириться. Он послал к хану своего сына Василия, чтобы «тягаться о великом княжении Владимирском и Новгородском с князем Михаилом Алек-

сандровичем тверским». Тохтамыш передал «ярлык» на великое княжение московскому князю. Но за это Дмитрию Донскому пришлось заплатить дорогую цену: снова в Орду потекли тяжкие «дани» и «выходы» с русских земель. Хан восстановил свою власть над Русью.

Однако на Руси такое положение расценивалось как временное, вынужденное. Куликовская битва подорвала веру во всемогущество Орды. Князья уже считали свержение ига реальным делом. Это нашло отражение в духовных и договорных грамотах. Князья специально оговаривали новые условия в том случае, если «переменит бог Орду», т. е. если будет свергнуто иго. В духовной грамоте великого князя Дмитрия Донского (1389 г.) прямо указывалось: «А переменит бог Орду, дети мои не будут давать выхода в Орду, и который сын мой возьмет дань на своем уделе, то тому и есть». То же самое условие оговаривалось и в договорных грамотах между великими и удельными князьями. В договорной грамоте великого князя Василия Дмитриевича с князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем (начало XV в.) говорилось: «А переменит бог Орду, и мне брать дань со своей вотчины и со своего удела, а великому князю не давать». Надо сказать, что надежды на то, что «бог переменит Орду», имели под собой реальные основания — завоеватели слабели.

После Куликовской битвы Золотая Орда не могла полностью оправиться от ущерба. А в 1395 г. на нее обрушился новый тяжелый удар. Тимур, правитель Средней Азии, послал на хана Тохтамыша свое войско. Владения Золотой Орды подверглись страшному опустошению, ее столица — город Сарай — была разрушена. Вторжения ордынских ратей в русские земли надолго прекратились. Зависимость от Орды в начале XV в. была чисто номинальной: дань выплачивалась нерегулярно, русские князья проводили самостоятельную политику, мало считаясь с распоряжениями хана.

В 1408 г. правитель Золотой Орды Едигей попробовал повторить «Тохтамышево разорение» и добиться покорности от русских князей. Он собрал большое войско и двинулся на Москву. Великий князь Василий I Дмитриевич принял тот же план войны, что и его прославленный отец перед нашествием Тохтамыша: он ушел собирать войско в Кострому, однако в Москве были оставлены для обороны города «воеводы и многое множество

народа». Опять москвичи сожгли посады, чтобы враг не мог найти прикрития под стенами Кремля. Но в отличие от Тохтамыша Едигей не решился штурмовать сильные укрепления, защищаемые многочисленным, успевшим подготовиться к обороне гарнизоном. По словам летописца, ордынцы даже «не смели близ града стоять» — таким сильным был огонь со стен. Едигей остановился поодаль от городских стен, в Коломенском, и, по ордынскому обычаю, «распустил по всей земле воинство» для грабежа. Ордынские отряды разорили Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Верею, Нижний Новгород, Городец, «волости и села попленили и пожгли». На Кострому против великокняжеского войска Едигей послал «царевича Бегибердея, да сына своего Якшибея, да князя Сеньтилибея с тридцатью тысячами и четырьмя тысячами избранной рати татар». Но поход на Кострому не удался. Не сдавалась и Москва. Все это предопределило общую неудачу похода Едигея.

Простояв месяц под неприступными кремлевскими стенами, Едигей отступил, выговорив себе с москвичей 3-тысячный «выкуп».

Год спустя Едигей направил грамоту великому князю Василию I Дмитриевичу, в которой даже не требовал, а скорее просил собрать старые оброки. Видимо, реальной силы, для того чтобы подкрепить свои требования, правитель Золотой Орды уже не имел. Вот текст этого документа, характеризующего русско-ордынские отношения в начале XV в.:

«От Едигея поклон Василью, да и много поклонов. Как те поклоны к тебе придут, царев ярлык: Слышание учинилось таковое, что неправо чинят у тебя в городах, послы ханские и купцы из Орды к вам приезжают, а вы послов и купцов на смех поднимаете, великую обиду им чините — это не добро. А прежде вы улусом были ханским, и страх держали, и пошлины платили, и послов ханских чтили, и купцов держали без истомы и без обиды. Как царь Темир-Котлуй сел на царстве, а ты улусу своему государем стал, с того времени у царя в Орде не бывал, царя в очи не видел и князей его; ни бояр, своих, ни иного кого не присылал, ни сына, ни брата ни с каким словом. А потом Шадибек восемь лет царствовал, и ты у него также не бывал и никого не присылал, и Шадибеково царство тоже минуло. А ныне Булат-Салтан сел на царство, и уже третий год царствует. Также

ты сам не бывал, ни сына своего, ни брата своего не присылал, ни боярина. И мы улуса твоего сами своими очами не видели, только слухом слышали. А что твои грамоты к нам в Орду присылал, то все лгал. Что собирал в твоей державе с двух сох по рублю, куда то серебро девал? Было бы добро, если бы дань была отдана по старине и по правде. Тогда улусу твоему зла не учинилось бы, а крестьяне бы не погибли до конца, и ярости и брани нашей на тебя не было бы ни в чем».

Едигей грозился новым нашествием, но осуществить свою угрозу не мог. В Орде опять началась «замятня». Против Едигея выступили «тохтамышевы дети» (а у Тохтамыша было 13 сыновей). Начались трения между Едигеем и ордынским ханом Тимуром, от имени которого он правил.

В борьбу вмешались другие ордынские феодалы. Едигей потерял власть в Орде, а затем был убит.

После смерти Едигея Золотая Орда фактически распалась на несколько самостоятельных ханств. По сообщению арабского историка Ал-Айни, за власть боролись три хана. «Один из них, по имени Даулет-бирди, овладел Крымом и прилегающим к нему краем; другой, Мухаммедхан, завладел Сараем и принадлежащими к нему землями, а третий, Борак, занял земли¹, граничащие с землями Тимурленка». Затем против Мухаммедхана (или Улу-Мухаммеда) выступил еще один претендент на власть — Сайид-Ахмед — и первый откочевал со своей ордой на север, к русским землям. Улу-Мухаммед стал основателем династии казанских ханов и первым правителем Казанского ханства. В Крыму, тоже выделившемся из Золотой Орды, правил Хаджи-Гирей, основатель династии крымских ханов. Наследницей распавшегося золотоордынского государства пыталась выступить так называемая Большая Орда, занимавшая территорию Нижнего Поволжья. Однако и в условиях начавшейся феодальной раздробленности Орда представляла серьезную военную силу: каждый из ханов отдельных улусов располагал многочисленным конным войском. Кроме того, в Орде бывали периоды, когда временно прекращались усобицы и на Русь обрушивались объединенные силы завоевателей. Великий князь Василий I Дмитриевич успешно отбивал ордынские наезды.

¹ Юго-восточную часть территории Золотой Орды.

Однако после его смерти, в период великого княжения Василия II Васильевича, началась 28-летняя феодальная война, серьезно ослабившая Русь. Ордынские вторжения наносили огромный ущерб русским землям. Снова появились в летописях записи о татарских ратях, о разорении городов и сел, о многочисленных жертвах и пленных, увезенных в Орду.

В 1439 г. казанский хан Улу-Мухаммед (или Махмут-царь, как его называли летописцы) «со многими силами безвестно» подходил даже к Москве. Великому князю Василию II Васильевичу пришлось отступить за Волгу для сбора войска. Но москвичи отбили все приступы ордынцев, и хан Улу-Мухаммед отошел, безрезультатно простояв десять дней под стенами столицы.

По своему обычаю, ордынцы на обратном пути в степи «много зла учинили земле Русской». Улу-Мухаммед, по словам летописца, «множество людей пленил, а иных иссек».

Зимой 1445 г. хан Улу-Мухаммед «приходил ратью к Мурому». Великий князь сумел собрать войско и двинулся на помощь осажденному городу. Узнав о приближении русских полков, ордынцы поспешно отступили. Началось преследование. Русские «сторожи» потеряли из виду ордынское войско. Под городом Белевым великокняжеские полки попали в засаду и потерпели поражение. «Много наших татары побили», — заметил летописец.

Улу-Мухаммед опять повернул свою конницу и двинулся к Мурому. Пока один из ордынских отрядов осаждал город, остальные силы начали движение к Москве. 7 июля ордынская конница вброд перешла реку Нерль. Под городом Суздалем произошла битва великокняжеского войска с передовым отрядом Улу-Мухаммеда. Великий князь Василий II Васильевич привел к Суздалью всего 1500 дружинников. Удельные князья, несмотря на приказ великого князя, не прислали своих полков. «Немного было воинства», — сообщал летописец. А у Улу-Мухаммеда только в передовом отряде было более 3000 всадников. Несмотря на двойное численное превосходство врага, великокняжеское войско стремительной атакой опрокинуло вражеский строй. Ордынцы побежали. Великий князь, уже торжествуя победу, приказал коннице преследовать врага. Но на русские дружины, нарушившие во время преследования боевой строй, неужи-

данно ударила свежая ордынская конница — Улу-Мухаммед подоспел с главными силами. Разгорелась жестокая неравная битва. Много русских воевод и рядовых дружинников погибло, а сам великий князь Василий II Васильевич, раненный в голову и в руку, попал в ордынский плен.

Большие потери понесли в битве и ордынцы — более 500 ордынских воинов было убито.

Три дня простояли ордынцы «на костях» близ реки Нерли, а затем пошли к Владимиру. Улу-Мухаммед рассчитывал, воспользовавшись пленением великого князя и разгромом московского войска, разграбить столицу Руси. К тому же ордынские военачальники, вероятно, знали о большом пожаре в Москве, серьезно повредившем городские укрепления. Обстановка в Москве была очень тревожной. Среди бояр началась паника, снова многие из них попытались бежать из города. Но москвичи в массе своей были настроены решительно. По словам летописца, «чернь, собравшись, начала прежде ворота городские чинить, а людей, которые хотели бежать из города, ловить и бить и ковать». Спешно восстанавливались укрепления, под защиту крепостных стен сходились крестьяне из окрестных сел и деревень. Москва приготовилась к осаде. Получив известия об этом, Улу-Мухаммед не решился идти на столицу и отступил к Нижнему Новгороду. Позднее великий князь Василий II Васильевич был отпущен из ордынского плена за огромный выкуп.

Феодальные усобицы продолжались на Руси, продолжались и ордынские вторжения. В 1448 г., по словам летописца, «царь казанский Мамутек послал всех князей своих со многою силою воевать отчину великого князя, Владимир и Муром и прочие города». Через два года к южным границам Московского княжества подступили «татары из поля, Мальдибердей, Улан и иные с ними князья со многими татарами». Это вторжение было отбито коломенскими полками.

Опустошительные вторжения в русские земли предпринимали не только казанские татары. В 50-х годах неоднократно нападал на Русь и хан Большой Орды Сай-ид-Ахмед. Конница из орды этого хана не раз доходила до самой Москвы.

В 1451 г. перешло Оку и двинулось к столице войско «царевича Мозовши из Седи-Ахматовой орды». Великий

князь Василий II Васильевич опять уехал за Волгу, поручив оборону Москвы своим воеводам. 2 июля ордынцы осадили город, подожгли и разграбили посады. Кремль оказался в центре огромного пожара. За крепостными стенами загорались дома и церкви, люди задыхались от жара и дыма. Загорались и те участки кремлевской стены, где вместо разрушенной во время прошлых осад каменной кладки были деревянные частоколы. Именно сюда были направлены удары врага. По словам летописца, ордынцы приступали «ко всем воротам и там, где не было крепости каменной». Однако после ожесточенной битвы на стенах, продолжавшейся до вечера, ордынцам пришлось отступить. Первый штурм был отбит. Всю ночь защитники Москвы готовились к новому бою, устанавливали на стенах «пушки и пищали, самострелы и оружие». Наступило утро. За дымившимися развалинами посадов, на том месте, где еще вчера был раскинут многолюдный ордынский стан, было пусто.

Царевич Мозовша, встретив неожиданно сильное сопротивление, отступил от Москвы под прикрытием темноты. Попытка взять столицу Руси с налету не удалась. Летописец назвал этот набег на Москву «скорыми татарами».

Еще дважды, в 1455 и 1459 гг., «татары Седи-Ахматовой орды» подступили к Москве, но оба раза неудачно. Их налеты были отбиты: каменные кремлевские стены были неприступными для ордынских воинов. Подступавших врагов встречали ядрами из пушек, пулями из тяжелых крепостных пищалей, стрелами, градом камней. А в 1456 г. ордынское войско даже не сумело пробиться к московскому рубежу — оно было остановлено около Дона.

Новый великий князь — Иван III Васильевич (1462—1505 гг.) — успешно боролся с ордынскими набегами. Его удары были направлены прежде всего против самых опасных врагов — казанских татар. Летописцы сообщали о нескольких походах на Казанское ханство, организованных великим князем. На Казань ходила судовая рать, отряды служилого царевича Касима, полки русских воевод. Теперь казанский хан вынужден был думать уже не о набегах на Русь, а об обороне своих собственных владений. Эти военные успехи стали возможны потому, что феодальная война, более четверти века ослаблявшая Русь, наконец закончилась. Великий князь

Иван III Васильевич успешно проводил политику покорения удельных князей и объединения русских земель вокруг Москвы. Складывались условия для свержения монголо-татарского ига.

ГЛАВА 12

Конец ордынского ига

Во второй половине XV в. в жизни Северо-Восточной Руси произошли серьезные изменения: созрели социально-экономические и политические предпосылки объединения русских земель в одно государство. Затяжная феодальная война закончилась полной победой великокняжеской власти, которая, по словам Ф. Энгельса, была «прогрессивным элементом», «представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противовес раздробленности на мятежные вассальные государства»¹. Противники централизации — удельные князья — были серьезно ослаблены. Началось присоединение к Московскому великому княжеству ранее самостоятельных феодальных княжеств. В 1463 г. под власть московского великого князя попало Ярославское княжество, в 1474 г. — Ростовское княжество, в 1478 г. — ликвидирована независимость Новгородской боярской республики, правители которой уже давно занимали враждебную по отношению к Москве позицию и вели переговоры о союзе с Литвой. Показательно, что в Куликовской битве новгородские полки вообще не участвовали, а во время феодальной войны второй четверти XV в. Новгород соблюдал дружеский нейтралитет с противниками великого князя. Походы Ивана III Васильевича на Новгород показали силу великокняжеского войска и его превосходство над ополчением и феодальными дружинами новгородского боярства.

Войско было предметом постоянной заботы великого князя Ивана III Васильевича. Ядром вооруженных сил был двор великого князя, в который входили отряды служилых феодалов — дворян и «детей боярских»,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 411.

полностью зависевших от своего повелителя. За свою службу дворяне и «дети боярские» получали от великого князя земельные пожалования.

Значительное по численности войско выставляли по приказу великого князя города, переживавшие в XV в. период подъема. Они присылали под знамена великого князя так называемые городские полки, в которые входили ремесленники, торговцы и другой посадский люд. Особенно сильной и многочисленной была московская рать, набиравшаяся в случае военной опасности из торгового-ремесленного населения московского посада.

Однако воинов присылали в великокняжеское войско не только города. Усилившаяся великокняжеская власть организовывала набор ратников со всего населения страны. В рубленую или посошную рать набиралось определенное число воинов с каждой сохи («соха» — податная единица). Обычно «коня и воина в доспехе» набирали с четырех или с десяти сох. В случае военной опасности можно было довольно быстро собрать значительные военные силы.

Кроме того, к великокняжескому войску присоединялись со своими военными отрядами князья и бояре. Они считались предводителями своих отрядов, но должны были подчиняться великокняжеским воеводам. Этим обеспечивалось единство командования.

Постоянные военные столкновения с ордынцами потребовали создания постоянной сторожевой службы на южной границе. На пограничных реках Хопре, Дону, Быстрой и Тихой Сосне были поставлены казачьи «сторожи». В пограничных крепостях стояли гарнизоны городских казаков. На засеках — укреплениях в лесах на возможных путях ордынских вторжений — была создана засечная стража, для службы в которой набирался один воин с 20 крестьянских дворов. Сама засечная черта позднее протянулась вдоль южной границы почти на тысячу километров. Она состояла из деревянных крепостей — острожков, соединенных лесными засеками, валами, рвами, частоколами. Засечная черта проходила от Козельска на Тулу, Серпухов, Коломну до Нижнего Новгорода. Именно здесь встречало русское войско ордынские вторжения.

В городах, прикрывавших дальние и ближние подступы к столице, уже в XVI в. строились каменные крепости, образовавшие мощное оборонительное кольцо.

Каменные кремль строились в Волоке-Ламском, Можайске, Серпухове, Туле, Коломне, Городце, Владимире и других городах. Особенно сильно была укреплен Москва. При великом князе Иване III Васильевиче были заново отстроены каменные стены Московского Кремля, на стенах установлены пушки. Московский Кремль был неприступным, и это давало возможность, не беспокоясь об обороне столицы, собирать войско в удобном месте, смело маневрировать полками. Вообще русские военачальники при борьбе с внешними врагами умело опирались на систему крепостей.

Русское войско имело разнообразное и хорошее по тем временам вооружение. Русские воины были вооружены длинными ударными копьями, легкими метательными сулицами, мечами и саблями, палашами, широкими топорами-бердышами, кистенями, чеканами и шестоперами для ближнего боя. Многие имели луки и самострелы, отличавшиеся большой дальностью. Тяжелые крепостные самострелы поражали стрелами ордынских военачальников, наблюдавших за штурмом издалека, с возвышенностей. При осаде ордынцами крепостей их защитники уже с XIV в. использовали огнестрельное оружие. Крепостная артиллерия составляла городской наряд и стенобитный наряд. Кроме того, легкие пушки вывозились «в поле», сопровождая войско в походе (полковой наряд). Особенно успешно использовался полковой наряд при обороне бродов, переправ через реки. В конце XV в. часть русских воинов имела ручное огнестрельное оружие, известное по летописям под названиями: пищаль завесная (заспинная), самопал, ручница. Огнестрельное оружие того времени не отличалось скорострельностью и меткостью, но огонь и грохот выстрелов наводили панику на ордынскую конницу и часто обращали ее в бегство до рукопашной схватки.

Великокняжеские воины и дружинники имели крепкие и легкие кольчуги или дощатые доспехи (латы, кирасы), железные или медные шлемы, обтянутые кожей и обитые железом щиты. При массовом наборе воинов в городские и пошеонные ополчения железных доспехов часто не хватало, несмотря на запасы великокняжеского двора, и немалая часть войска была одета в тегилеи¹.

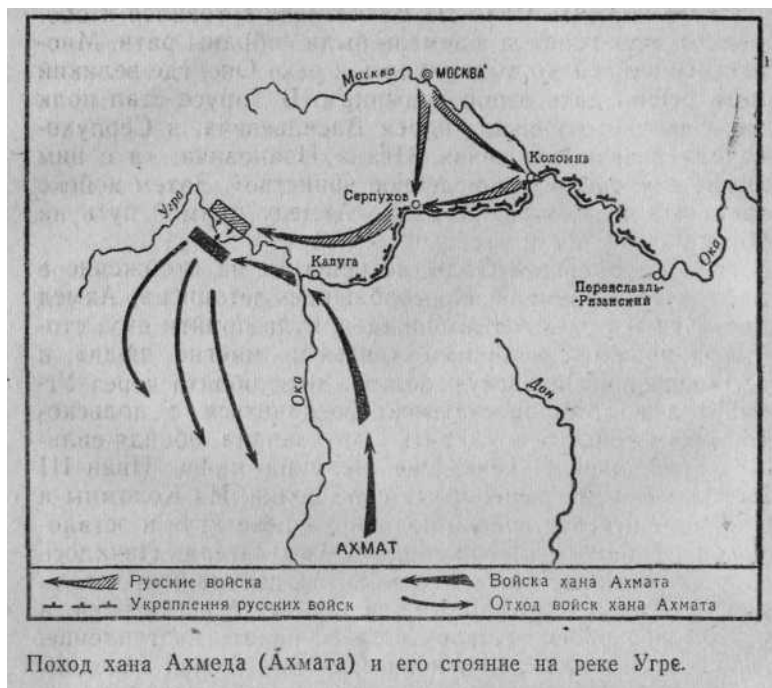
¹ *Тегилеи* — суконная стеганая одежда с толстым слоем ваты, хорошо защищавшая от стрел.

В результате политического объединения русских земель вокруг Москвы было установлено единое командование в войске. Во главе объединенной рати русских земель стоял великий московский князь или назначенный им «большой воевода»; воеводы остальных полков тоже назначались великим князем. В XV в. сохранялось традиционное разделение войска на сторожевой, большой, засадный полки и полки правой и левой руки. В составе войска были все известные в то время рода войск. Основной ударной силой была тяжеловооруженная конница, так называемая кованая рать, одетая в панцири, кольчуги и шлемы и имевшая длинные тяжелые копья. Удара кованой конницы ордынцы обычно не выдерживали. Отличительной особенностью русского войска было наличие в его составе сильной пехоты, городских и пошеонных ратей.

Обычно в походах принимала участие и судовая рать. Русские воины совершали на судах длительные походы. Судовая рать неожиданно для противника высаживалась на берег и наносила удары. Особенно важную роль сыграла судовая рать во время неоднократных походов на Казанское ханство.

Русское войско имело большой военный опыт; возглавляли его умелые воеводы, которые хорошо знали военную тактику ордынцев, и литовцев, и немецких рыцарей. С XIII до середины XV в. русские полки сражались с внешними врагами более 160 раз. Монголо-татарская конница, считавшаяся непобедимой, не раз терпела сокрушительные поражения в битвах с русским войском. Теперь русским воинам предстояло свершить дело всемирно-исторического значения — свергнуть иноземное иго. Русь была готова к этому. Решающая схватка приближалась.

В середине 60-х годов XV в. власть в Большой Орде захватил хан Ахмед (русские летописцы называли его Ахматом). Он сумел на время объединить военные силы ордынцев и собрать большое войско. Ордынские дипломаты привлекли на свою сторону польско-литовского короля Казимира IV, который с беспокойством следил за усилением Москвы. С северо-запада границам Руси угрожал Ливонский орден, решивший воспользоваться удобным моментом для нападения на русские земли. Против великого князя Ивана III образовалась, таким образом, целая коалиция враждебных государств: Большая Орда

хана Ахмеда, держава Казимира IV, Ливонский орден. Готовясь к войне, Иван III показал себя искусным дипломатом. Зная о вражде и соперничестве между Крымским ханством и Большой Ордой, он сумел заключить союз с крымским ханом Менгли-Гиреем. Накануне похода хана Ахмеда на Русь крымский хан напал на южные владения Польши. Сильное войско короля Казимира IV, приготовленное в помощь ордынцам, было вынуждено повернуть на юг для защиты своих границ от крымского вторжения. Это был большой дипломатический успех великого московского князя.

Хан Большой Орды Ахмед начал поход на Русь летом 1480 г. Огромное ордынское войско двигалось медленно, осторожно, с частыми остановками. Хан Ахмед явно поджидал, когда подоспеют отряды из самых дальних улусов Большой Орды, чтобы напасть со всеми силами. Не было вестей и о выступлении на помощь ему полков короля Казимира IV. Ахмед выжидал.

Великий князь Иван III Васильевич готовился к обороне. Со всех городов и земель были собраны рати. Многочисленное войско выдвинулось к реке Оке, где великий князь решил дать отпор ордынцам. В Тарусе стал полк брата великого князя, Андрея Васильевича, в Серпухове — сына великого князя, Ивана Ивановича, «и с ним многие воеводы и бесчисленное воинство». Затем войско перешло в Коломну, преградив Ахмеду прямой путь, на Москву.

Но хан Большой Орды не решился на вторжение в глубь русских земель. По сообщению летописца, Ахмед узнал, что «на тех местах на всех, куда прийти ему, стоят против него с великими князьями многие люди», и сам «пошел в Литовскую землю, хотя обойти через Угру». Видимо, хан рассчитывал соединиться с польско-литовским войском и ударить с юго-запада, обойдя сильные укрепления на реке Оке. Великий князь Иван III Васильевич тоже передвинул свои полки. Из Коломны и из Тарусы русское войско подошло к реке Угре и остановилось на берегу против ордынского лагеря. Началось знаменитое «стояние на Угре», когда противники встали друг против друга на противоположных берегах реки, и ни один из них не решался первым начать наступление. Так продолжалось до октября. Сам хан Ахмед находился у города Воротынска, «ожидая к себе королевскую помощь, а король Казимир к нему не пришел и силы своей не привел, потому что были у него свои усобицы. Тогда же Менгли-Гирей, царь крымский, воевал королевскую Подольскую землю, дружа великому князю».

Приближалась зима. Стычки передовых отрядов русского и ордынского войск на речных переправах проходили с переменным успехом. По словам летописца, «татары начали стрелять наших», а «наши начали их стрелять из луков и из пищалей и многих татар побили, и от берега отбили, и много дней, сходясь, через реку бились». Русская оборона на берегах Угры была непреодолимой.

Начались морозы. Ордынцы страдали от холода, голодали — все окрестности были уже разграблены, пищи не хватало. Особенно тревожило хана Ахмеда состояние конницы. Сильные морозы лишили татарских коней подножного корма, начался падеж коней. Воины роптали на тяготы похода, среди ханов начались раздоры. Надо было на что-то решаться: или с позором отступить в сте-

пи, или переходить Угру и начинать решительное сражение.

Между тем русское войско, стоявшее на укрепленных позициях, все усиливалось. На Угру сходились дружины удельных князей, городские ополчения. Русское войско тоже страдало от холодов, но у него был надежный тыл, крепости с запасами продовольствия и корма для конницы. Убедившись, что ордынцы не решаются перейти реку Угру, великий князь Иван III Васильевич отвел свои полки к Боровску и там укрепился. Этот маневр был полной неожиданностью для хана Ахмеда. Он решил, что русские намеренно отдают берег, чтобы заманить ордынское войско и самим перейти в наступление. Летописец так сообщал об этом эпизоде: «Отступили сыновья русские от берега, тогда татары, страхом одержимые, побежали, решив, что если берег отдает им Русь, то, значит, хочет с ними биться!»

Поход хана Ахмеда закончился полной неудачей. Правда, хан пытался представить это событие только временным отступлением и отправил великому князю Ивану III Васильевичу грамоту с требованием уплатить дань и признать власть Орды, но подкрепить свои требования реальной силой был уже не в состоянии. Неудача Ахмеда была тем толчком, который привел к новым усобицам в Орде. На Ахмеда напал хан Ногайской Орды, разгромил его улусы. Вскоре и сам Ахмед был убит в битве на реке Донце. Большая Орда после этого распалась на несколько частей и фактически перестала быть серьезной военной силой. Русь окончательно освободилась от власти монголо-татарских ханов. Иго было свергнуто.

Свержение монголо-татарского ига было результатом многовековой героической борьбы русского народа с завоевателями, борьбы, которая подточила могущество Золотой Орды, привела государство завоевателей на край гибели. Великий князь Иван III Васильевич завершил дело освобождения, начатое непокорными «вечниками» русских городов, продолженное Дмитрием Донским и другими московскими князьями. К. Маркс писал: «Иван освободил Москву от татарского ига не путем решительного удара, а посредством упорного, почти 20-летнего труда. Он не сломил его, а высвободился из-под него украдкой. Свержение ига поэтому больше похоже на естественно-исторический процесс, чем на дело рук

человеческих»¹. Далее К. Маркс подчеркивал огромное значение свержения иноземного ига, выведившего Русь на широкую дорогу мировой истории: «В начале своего княжения Иван III все еще был данником татар; власть его все еще оспаривалась другими удельными князьями; ...Польша, Литва стремились к завоеванию Москвы, а ливонские рыцари все еще не были сокрушены.

К концу своего княжения Иван становится совершенно независимым государем; женою его делается племянница последнего императора Византии. Казань лежит у его ног, и остатки Золотой Орды стремятся к его двору...

Измученная Европа, которая в начале царствования Ивана III едва подозревала о существовании Московского государства, затиснутого между литовцами и татарами, вдруг была огорошена внезапным появлением колоссальной империи на ее восточных границах»².

После свержения ордынского ига политическое объединение русских земель пошло ускоренными темпами. Под власть Москвы попадали одно за другим ранее самостоятельные княжества. В 1485 г. была ликвидирована независимость Твери. В 1510 г. была присоединена к Московскому великому княжеству Псковская земля. В 1521 г. признало власть великого московского князя Рязанское княжество. В начале великого княжения Ивана III Васильевича владения московских князей составляли примерно 430 тыс. кв. км, а в первой четверти XVI столетия Русское государство занимало территорию в 2,8 млн. кв. км. В состав Русского государства уже входили земли, захваченные в период монголо-татарского ига Литвой. Были возвращены Северские (между реками Сожем и Десной) земли. В 1514 г. русское войско отвоевало старинный город Смоленск, захваченный литовскими феодалами.

¹ К. Маркс. Секретная дипломатия. Цитирую по кн.: Е. Л. Рази н., История военного искусства, т. 2. М., 1957, стр. 301—302.

² Т а м же, стр. 299—300.

Неспокойный южный рубеж

Русь свергла ненавистное монголо-татарское иго, которое 240 лет тяжело давило на плечи народа. Однако жестокие битвы с татарами не стали прошлым, сохранившим только вечной народной памятью. Война с ними продолжалась. После распада Золотой Орды остались еще достаточно сильные государства: Большая Орда, Ногайская Орда, Крымское, Казанское и Астраханское ханства. Правда, Ногайская Орда, владения которой простирались в степях Прикаспия и Приаралья, находилась на значительном удалении от русских границ, а Большая Орда и Крымское ханство были заняты борьбой между собой. Однако Казанское ханство, бывшее в непосредственной близости от жизненно важных центров Руси, представляло большую опасность. Казанские ханы могли выставить до 60 тыс. воинов и пользовались любым удобным случаем, чтобы нападать на пограничные области Московского государства. Положение осложнялось еще и тем, что Оттоманская империя (Турция) в конце XV в. усилила свою экспансию в Северном Причерноморье. В 1475 г. турки захватили Кафу, Сурож и другие города на Черноморском побережье. Крымский хан Менгли-Гирей (1468—1515 гг.), владевший северной, степной частью Крыма и нижним течением Днепра, стал вассалом турецкого султана. Оттоманская империя старалась подчинить своему влиянию и другие ханства — Казанское, Астраханское. Это было смертельно опасно для Руси. Однако усилившееся Московское государство нашло силы, чтобы остановить турецкую экспансию.

Великий князь Иван III проводил на юге активную внешнюю политику. Он поддерживал союз с крымским ханом, заинтересованным в его помощи против Большой Орды, и использовал благоприятную обстановку для ударов по Казанскому ханству. В 1487 г. великий князь двинул свое войско во главе с опытными воеводами на Казань: «Пришли воеводы великого князя и с силою под город под Казань месяца мая в 18 день и взяли город Казань июля в 9 день». После этого великий князь «из своей руки посадил на царство в Казани» хана Мухаммеда Эмина, ставшего вассалом Москвы. Однако Ивану III

неоднократно приходилось посылать ему на помощь русские полки, потому что партия казанских феодалов, ориентированная на Крым и Турцию, была еще сильна. Умелая и энергичная внешняя политика помогла великому князю Ивану III в течение многих лет предотвращать набеги казанских татар.

Сложнее обстояло дело с крымским ханом, действия которого направляла Турция. Мирные отношения с ним, установившиеся перед решительной схваткой Руси с ханом Большой Орды Ахмедом, сохранились недолго. Правда, пока продолжалась война Крыма с Большой Ордой, южная граница Московского государства была в сравнительной безопасности. В 1491 г. Иван III даже посылал на помощь крымскому хану свои полки. «В поле под Орду» вышли полки русских воевод князей Петра и Ивана Оболенских. Войско Большой Орды, узнав «силу многую великого князя в поле и испугавшись, возвратилось с Перекопа». А разбойничьи набеги отдельных татарских отрядов не представляли серьезной опасности. Воеводы пограничных городов их успешно отбивали. Так, в 1492 г. «приходили татары ордынские (т.е. из Большой Орды) в Алексин на волость Вошань и, пограбив, пошли назад, и пришла погоня великого князя за ними, и учинился им бой промеж Трудов и Быстрой Сосны, и убили из погони великого князя 40 человек, а татар в том бою убили 60 человек, а иные татары раненные на пути умерли». В следующем году «приходили татары изгоном на рязанские места, и взяли три села, и пошли вскоре назад». В 1500 г. «пришли татары под Козельск и взяли сельцо козельское Олешню», однако русский отряд, догнав их на обратном пути, «побил и полон отнял, а иных татар, изымав, привел на Москву к великому князю».

В начале XVI столетия положение изменилось. Крымский хан Менгли-Гирей, окончательно разгромив Большую Орду, усилил давление на русские границы. Великому князю Василию III Ивановичу пришлось вести с крымскими татарами тяжелую, затяжную войну. На страницах русской летописи снова появились многочисленные записи об опустошительных татарских вторжениях. Для отражения татарских вторжений Московскому государству приходилось собирать значительные военные силы. Так, в 1507 г. «пришла весть к великому князю Василию Ивановичу, что идут многие люди татарские

на поле, и ждут их прихода на Украину, на Белев и белевские места и на одоевские и на козельские. И князь великий послал из Москвы к Белеву воевод своих князя Ивана Холмского да князя Константина Ушатого, а там велел быть с воеводами князю Василию Одоевскому, да князю Ивану Михайловичу Воротыньскому, да наместнику козельскому князю Александру Стригину. Воеводы же великого князя били в Воротыньске, и пришла к ним весть, что татары много пленных взяли и пошли прочь. Воеводы пошли за ними в поле в погоню и догнали их на Оке, многих татар побили, а иных живыми поймали и назад весь полон возвратили. И которых татар поймали в бою, и они сказали, что приходили на Украину крымские татары...» В 1512 г. снова «крымского царя (хана) дети» «пришли безвестно со многими людьми па великого князя Украины, на Белев, и на Одоев, и на Воротыньск, и на Алексии». Русское войско, вышедшее навстречу, отогнало татар. В том же году «Магмут, царевич крымский, пошел на Рязань». Но южная граница Руси была надежно прикрыта: «Воеводы великого князя стоят на Осетре, князь Александр Владимирович Ростовский и иные воеводы со многими людьми, а на Упе стоят воеводы князь Мнхайло Иванович Булгаков да Иван Андреевич и иные многие воеводы со многими людьми». «То слышав, Магмут-царевич в земле не пошел, а воротился с Украины». Осенью 1513 г. «Бурнаш-Гирей, Менгли-Гиреев сын, приходил на Рязань ратью и острог взял, и к граду приступал, и отошел».

Вторжения крымских татар в пограничные области Московского государства часто проводились большими силами. Так, в августе 1517 г. «приходили крымские татары, а с ними 20 тыс. рати», «около города Тулы начали воевать». В войне с этим татарским вторжением великий князь Василий III применил новую тактику, оказавшуюся очень эффективной. Он послал вперед быстрые конные отряды, приказав им «со всех сторон татарам мешать» внезапными нападениями, а главные силы двинулись следом. Передовые отряды отбили у татар многих пленных и добычу, помешали им далеко проникнуть в пограничные области. А когда татары, узнав о приближении главных сил великого князя, начали отступать, то «пешие многие люди украинные» перерезали лесные дороги, перегородили их завалами и задержали отступление врага. Великокняжеские полки достигли орду,

«конные начали татар топтать и по бродам и по дорогам их бить, а пешие люди украинные по лесам их бить». Потери татар были огромны: «Из 20 тыс. мало их в Крым пришли, и те пеши, и босы, и наги». Неудачей окончился поход крымских татар и в следующем году, когда «приходили татары крымские на Украину, на путивльские места», а местный князь Василий Шемячич «догнал их за Сулоу и многих татар побил, а иных живыми переимал».

Одновременно крымские татары усилили давление на Казанское ханство, находившееся в вассальной зависимости от Москвы. Союзник Василия III казанский хан Шах-Али в 1521 г. был свергнут, правителем Казанского ханства стал брат крымского хана Сахиб-Гирей. У южных границ Руси образовался сильный военный союз нескольких татарских ханств — Крымского, Казанского, Астраханского, Ногайской Орды. Этот союз сложился при помощи турецкого султана. Обстановка на степном рубеже сразу обострилась.

В 1521 г. большое татарское войско двинулось на Русь. По словам летописца, крымский хан вышел в поход «с крымскими людьми, и Большой Ордой Заволжской, и с Ногаями». В походе принимали участие и казанские татары. Татары перешли Оку, «коломенские места повоевав», и направились к Москве. Нападение было неожиданным. Великий князь Василий оставил свою столицу и отошел к Волоку, где начал собирать войско, разослав повсюду гонцов. В Москве «множество людей в осаду собралось». Город крымский хан осаждать не решился и отошел в степь, захватив бесчисленный полон и оставив позади себя разоренную землю. В 1522 г. крымские татары пробовали повторить нашествие, но их поход был сорван умелыми оборонительными мероприятиями великого князя Василия III. По словам летописца, «князь Василий пошел сам ко граду Коломне, и со своими братьями пришел в Коломну, и войско свое устроил, и воевод своих поставил на берегу Оки. Царь же, услышав великого князя на Коломне, не пошел на Русь». Больше того, в следующем году великий князь сам организовал успешный поход «на второго мучителя, на царя казанского». Из Нижнего Новгорода русская судовая рать спустилась вниз по Волге, а рать «конная со многими людьми» пошла по берегу. В устье реки Суры была заложена крепость Васильсурск, вставшая на пути та-

тарских набегов. В результате этого похода «великого князя воеводы казанские места пленили и многий плен с собою привели».

Несмотря на этот поход, в целом казанские дела складывались неудачно для Москвы. В 1524 г. казанский хан Сафа-Гирей (1524—1549 гг.) признал вассальную зависимость от Турции. Снова русская рать «в судах и на конях» двинулась к Казани. Русская судовая рать высадилась на берегу Волги выше Казани, «на казанской стороне». Вскоре подошла и конная рать, которая в жестоком бою разбила татарское войско в 20 верстах от города: «Сошлась конная рать с судовою, и начала приступать к городу, и многих татар под городом побили». Однако взять Казань русским воеводам не удалось, и они отошли, «взяв мир». Казанским ханом остался Сафа-Гирей. Но «мир» не мог быть прочным — ликвидировать крымское влияние на политику казанского хана не удалось.

В последние годы княжения Василия III обстановка на южной границе еще более обострилась. В 1528 г. «пришел Ислам, царевич крымский», и «мурзы многие безвестно к берегу Оки». Видимо, царевич располагал значительными военными силами, так как «князь великий сам против него вышел и стал в Коломенском». На Оке тогда воеводы были «не со многими людьми», однако «бились накрепко» и «за реку Ислама не пустили». В 1530 г. Василий III опять «послал к Казани рать свою». На помощь Сафа-Гирею, осажденному в Казани, пришел отряд ногайских татар. Под стенами города произошло жестокое сражение, которое выиграли русские полки. «Воеводы великого князя встали около города и повелели по городу из пушек и из пищалей бить». Снова казанцы начали переговоры, обещали «от государя неотступным быть» и принять хана, «кого им князь великий даст». На время набегу казанских татар прекратились, зато крымский хан усилил свое давление на русские рубежи. Великий князь принимал энергичные меры по укреплению южной границы. По сообщению летописца, он «послал в Коломну на берег воевод своих, а с ними княжат и дворян своего двора и детей боярских изо многих городов бесчисленно много. А наряд был великий, пушки и пищали поставлены по берегу от Коломны и до Каширы, и до Серпухова, и до Калуги, и до Угры; добра много было, сколько и не бывало». Можно

себе представить, каких усилий и средств потребовало создание прочной линии обороны на таком огромном пространстве.

В 1533 г. «Ислам-царь и Сафа-Гирей и иные царевичи крымские со всеми людьми» двинулись на Рязань. Воеводы великого князя заняли броды на Оке, чтобы не допустить прорыва татар в глубь страны. Видимо, великий князь Василий опасался, что задержать татарское войско на Оке не удастся, и приказал срочно укреплять столицу. Он «повелел воеводам градским устроить в граде пушки и пищали, а городским людям повелел имущество возить в град». Сам Василий III «стал в Коломенском», ожидая прибытия войска из других городов. Между тем татары «пришли на Рязань и посады пожгли», захватили много пленных. Русские полки в этот раз не переходили Оку: в рязанские земли были посланы только отряды разведчиков, которые, впрочем, «многих татар побили, а иных живыми поймали».

Вторжения крымских татар продолжались и после смерти Василия III. В 1535 г. крымский хан отправил в поход на Русь «князей своих и мурз и всех людей крымских», причем, по словам летописца, сам «не с многими людьми в Крыму остался». Нападение было неожиданным, и московскому правительству пришлось срочно возвращать и направлять к Оке полки, ранее выступившие против Литвы. Встретив у Оки серьезное сопротивление, татары повернули «от берега прочь и начали воевать Рязань». «Легкие воеводы» несколькими конными отрядами перешли Оку и «татар не в едином месте побили», однако вывести в «поле» свои основные силы русские военачальники не решились. Когда татары отошли от Рязани на три дня пути и «стали на поле», то «князь великий не велел воеводам своим за ними ходить того ради, что множество людей татарских, а велел воеводам своим стоять у Оки-реки на берегу». Причиной такого решения была, видимо, не только многочисленность татарского войска, но и то обстоятельство, что с запада угрожали литовцы: «Литва под Стародубом стоит, и татары крымские были на Рязанской украине, стоят на поле». В этих условиях было благоразумнее собрать войска у столицы, чтобы можно было направить их в любую сторону. Так и было сделано.

Зимой 1536 г. на волжские города напали казанские татары: «Приходили татары казанские к Нижнему Нов-

городу и на Балахну, и посад пожгли, и беглых людей на Волге много посекали». Когда из Муром подоспели русские полки, казанцы отступили. Летом того же года «приходили казанские татары на костромские места и на галичские, многие люди». Великокняжеское войско во главе с воеводами Михаилом Сабуровым и Петром Пестрым встретило врагов, но в сече «на Куси на речке» было разбито; татары воеводу Петра и «много детей боярских побили». В следующем году в Москву «начали вести приходиться», что казанский царь Сафа-Гирей с многими людьми с казанцами и с иными ордами, с крымцами и с ногаями помышляет идти на костромские места и на галичские». Срочно московские воеводы были направлены во Владимир и в Мещеру, в Костроме и в Галиче поставлены заставами «великого князя многие люди». Но казанский хан не пошел на Кострому. Он «из леса пришел безвестно под Муром, посады пожег и к городу приступать начал». Взять города Сафа-Гирейю не удалось. «Великого князя воеводы не дали ему приступать, из пушек и из пищалей били их (татар) много и, выходя из града, тоже многих побили». Между тем из Владимира и из Мещеры уже спешили на помощь Мурому другие воеводы, и Сафа-Гирей отошел с добычей и пленными. «Попленил многих христиан грехов ради наших», — печально отметил летописец.

Усиление татарских набегов, опустошавших обширные области даже в глубине страны, было прямым следствием ослабления Московского государства в годы боярского правления, которое наступило после смерти великого князя Василия III. Об этом прямо писал летописец: «Увидев нестроение на Москве, воевали казанцы в те годы по украинам государя нашего, никем не обороняемым, и много христианства погубили, и грады пустыми сотворили. А воевали казанцы грады и пустыми сотворили Новгород Нижний, Муром, Мещеру, Гороховец, Балахну, половину Владимира, Шую, Юрьев, Кострому, Заволожье, Галич со всем, Вологду, Тотьму, Устюг, Пермь, Вятку, многими походами в многие лета».

Казанскому разорению, таким образом, подверглась огромная территория, от Нижнего Новгорода и Муром на юге до Вологды, Устюга в Перми на севере.

Вторжения крымских татар продолжались. Осенью 1540 г. «приходил Имин-царевич крымский с многими

людьми крымскими на Каширские места и па Ростовскую волость». Воевода Семен Микулииский, поспешивший в погоню из Рязани, «в загонах татар побил», но отбить пленных не успел, и «царевич многих попленил за небрежение наше». В 1541 г. хан «со многими людьми крымскими и с ногаями» встал на Днепре, а затем через верховья Северского Донца «со всем нарядом, с пушками и с пищалами», двинулся к Оке. Русские полки тоже вышли к Оке, заняли броды. Первым русским городом, который подвергся нападению, был Зарайск. Татары «начали приступать к городу, и воевода Назар Глебов с горожанами на посадах с татарами бился, и к городу приступать не дал, и многих татар побил, а девять татар живыми взял и к великому князю на Москву прислал». Узнав от пленных о намерении хана перейти Оку и «московские места повоевать», москвичи начали спешно готовить столицу к обороне — опасность была вполне реальной, заставы на Оке могли не сдержать натиск многочисленного татарского войска. Великий князь Иван IV Васильевич, как сообщил летописец, «в граде Москве велел людей распределить, кому где быть и на которых воротах, и пушки и пищали по городу расставить, и пушкарей к пушкам приставить, а на посаде надолбы, сделать, а которым воеводам и детям боярским велел быть в граде Москве, и тем велел имущество возить в город, так же и всем городским людям всякий запас готовить в город». К Оке были высланы дополнительные силы, что оказалось очень своевременным: татары подступили к реке и начали «реку перелезати». Вместе с ордой в походе участвовали турецкие пушкарри. По словам летописца, «турки из многих пушек и из пищалей начали стрелять на людей великого князя». Русские воины отстреливались из пушек и пищалей, и «многих турок побили, и у турок многие пушки разбились». Пробриться через Оку крымскому хану не удалось. Татары поспешно отступили, «телеги и всякие рухляди побросав». Отряды русской конницы, преследуя их, «многих татар побили» и захватили пленных. Но все земли к югу от Оки были разорены татарами. В том же году казанские татары снова разорили Муромскую землю. Сафа-Гирей «с многими людьми казанскими и крымскими и с ногайскими пришел безвестно под город Муром, стоял два дня, а людей многих пораспустил около города села воевать». Муромцы успеш-

но оборонялись, устраивали вылазки «из пушек и из пищалей татар побивали», однако помочь беззащитному населению они не могли: татары «много попленили на-роду и сел пожгли около города Мурома».

При приближении великокняжеских полков Сафа-Гирей снял осаду города и с полоном поспешно отступил.

Неспокойным был и следующий, 1542 год. Крымские татары дважды нападали на пограничные области Руси. В марте «приходил царевич крымский Имин-Гирей с многими людьми на северские места, к Путивлю, и к Стародубу, и к Новгороду-Северскому. И воеводы великого князя языков у них поймали и на Москву прислали 20 татар, а иных побили. А они, пововав Северу, прочь пошли». В августе «приходили на рязанские места многие люди крымские, и пришли к Зарайску. И великого князя воеводы против крымских людей вышли. Крымские люди от того дрогнули и пошли из украины вон, воевав рязанские места. И воеводы великого князя по государеву велению за ними ходили до Дона, и догнали сторожей татарских на Куликове поле, и многих татарских сторожей побили, а иных переимали, а иные поутекли».

В 1545 г. «приходил крымский царевич Имин-Гирей со многими людьми крымскими безвестно на украинные места белевские и одоевские и за небрежение попленил многих людей». Дело было, видимо, не только в «небрежении» пограничной охраны — московское правительство готовило новый поход на Казань. Казанское ханство непрерывно угрожало русским волжским городам, правители Казани занимали враждебную по отношению к Руси позицию. Весной русское войско двумя ратями отправилось на Казань. Поход был успешным, окрестности Казани были опустошены, а за рекой Свиягой разбито казанское войско. «И оттоле началась рознь в Казани», усилилась русская партия, которая добилась возвращения хана Шах-Али, однако удержаться ему не удалось — связи казанских феодалов с Крымом были тесными. К тому же в Москву пришли известия о готовящемся походе крымского хана на Коломну. Ивану IV пришлось срочно организовывать оборону своей степной границы, оставив на время казанские дела. В мае 1546 г. он «пошел на Коломну в судах» и простоял там с войском до августа.

В конце 40-х годов Иван IV предпринял несколько походов на Казань, которые были успешными в военном отношении, но не принесли решающего результата. Зимой 1547 г. «послал князь великий князя Александра Борисовича Горбатого и иных своих воевод казанские места воевать, и великого князя воеводы ходили до Свияжского устья и казанские места многие повоевали». Зимой 1548 г. великий князь сам повел войско на Казань, однако «пришла теплота великая и мокрота многая, и весь лед покрыла вода на Волге, и пушки и пищали многие провалились в воду, и многие люди в полыньях утонули». Послав к Казани «воевод многих с многими людьми», великий князь вернулся в Москву. Большой поход был сорван распутицей, однако русское войско все же подступило к Казани, разбило на Арском поле казанскую конницу, и «стояли около града Казани семь дней воюя».

В следующем году казанцы сами напали на русские земли и начали «галицкие места воевать», но «наместник костромской» разбил их. Это был последний поход казанских татар на русские земли. Усилившееся Московское государство готовилось к решительному удару по Казани.

Таким образом, в течение всей первой половины XVI в. Московскому государству приходилось прилагать большие усилия по обороне своих южных границ. «Осколки» некогда могучей Золотой Орды — татарские ханства, обосновавшиеся к югу от Руси, продолжали разорять пограничные области. Вдоль границы были поставлены цепи крепостей, сторожевых станиц, засеки, поставлены постоянные гарнизоны, но быстрые татарские отряды то и дело прорывались через укрепленные линии и до подхода русских полков успевали грабить «украины». Бороться с ними было очень трудно. Русский историк С. Ф. Платонов так писал об особенностях войны на степной границе: «Свойства врага, которого надлежало здесь остерегаться и с которым приходилось бороться, были своеобразны: это был степной хищник, подвижный и дерзкий, но в то же время нестойкий и неувловимый. Он «искрадьвал» русскую «украину», а не воевал ее открытою войною, он полонил, грабил и пустошил страну, но не завоевывал ее, он держал московских людей в постоянном страхе своего набега, но в то же время он не пытался отнять навсегда или даже

временно присвоить земли, на которые налетал внезапно, но короткою грозой».

В первой половине XVI столетия, несмотря на трудности, вызванные войнами с Литвой и боярским правлением в малолетство Ивана IV, Московское государство добилось значительных успехов в обороне своих южных границ. Граница Руси медленно, но неуклонно продвигалась на юг. «В диком поле» возникали новые города, села, устраивались новые сторожевые станицы и засеки. В начале столетия главной оборонительной линией была река Ока. Именно вдоль ее строились крепости, сюда выдвигались в случае опасности великокняжеские полки. В 1527 г. линия обороны проходила через Переяславль-Рязанский, Каширу, Коломну, Тулу, Одоев. В середине же столетия крайними точками оборонительной линии были Калуга, Козельск и другие южные города. Однако всерьез говорить о безопасности пограничных областей можно было только тогда, когда была бы ликвидирована опасность со стороны Казанского ханства. Эту задачу Московское государство решило в середине XVI в.

ГЛАВА 14

На Казань!

В начале 50-х годов XVI в. Русское государство приступило к решительному наступлению на Казанское ханство. События последних десятилетий показали, что безопасность границы от набегов казанских татар не могут обеспечить ни эпизодические походы на Казань, ни пребывание на казанском престоле ханов, известных своими связями с русским правительством. В Казани были сильны протурецкие и прокрымские партии феодалов. При поддержке крымских татар и ногаев они свергали ставленников Москвы. Снова и снова обрушивались на пограничные области России набеги казанцев. Московскому правительству опять приходилось посылать на Волгу судовые и конные рати, нести тяжелые потери в боях. Полное подчинение Казани стало насущной необходимостью.

Опыт предыдущих казанских походов показал, что взять Казань с налету, одним ударом, невозможно. В течение лета до осенних дождей или в течение зимы до весенней распутицы было трудно сосредоточить под стенами Казани достаточно большую армию, подвезти тяжелые осадные пушки — большой наряд, запасы продовольствия, пороха и ядер, выполнить трудоемкие осадные работы. А без этого русскому войску, несмотря на удачные военные действия под стенами Казани, приходилось отступать, ограничившись подписанием еще одного «мира» с ханом. Необходимо было изменить тактику. Это и было сделано после похода 1550 г.

Казанский поход 1550 г. сначала проходил так же, как и многие предыдущие походы. С наступлением зимы, когда установился санный путь, в Нижнем Новгороде собрались русские полки и наряд. В феврале «царь и великий князь пришел к городу Казани со всем воинством», и «воевод расставил, и туры велел сделать, и к городу приступать». Однако штурм Казани не удался. Русские полки только приступили к осадным работам, как началась неожиданная оттепель. По словам летописца, «пришли в то время ветры сильные, и дожди великие, и мокрота немерная; и из пушек и из пищалей стрелять нельзя, и к городу приступать невозможно за мокротою». Одиннадцать дней стояло русское войско под стенами Казани, «а дожди по все дни были и теплота и мокрота великая; речки малые попортило, а иные многие прошли». Наконец, 25 февраля «царь и великий князь, видев такое «нестроение», пошел от города Казани прочь».

По пути к Нижнему Новгороду «пришел царь и великий князь на Свяжское Устье» (примерно в 25 км от Казани) и на военном совете предложил: «В этом месте поставить бы город для казанского дела и тесноту бы учинить Казанской земле». И уже в следующем, 1551 г. послал Иван IV «дьяка своего Ивана Григорьева, сына Выродкова, а с ним детей боярских на Волгу в Углицкий уезд, в Ушатых вотчину, город срубить и в судах с воеводами на Низ везти». Судовой караван со срубами двинулся к Свяжскому устью под охраной сильного войска. Одновременно в пределы Казанского ханства пришли русские полки из Мещеры, Нижнего Новгорода, Вятки. Под их прикрытием началось строительство на Круглой горе города Свяжска. По словам летописца,

«город, который сверху привезен, на половине той горы стал, а другую половину воеводы и дети боярские своими людьми тотчас сделали, и свершили город в четыре недели».

За деревянными стенами Свияжска был оставлен сильный гарнизон: «боярин и воевода князь Семен Иванович Микулинский с товарищами и с теми людьми, которым с ним годовать». В непосредственной близости от Казани появился таким образом опорный пункт для будущего похода.

Подготавливая последний казанский поход, московское правительство провело ряд мероприятий по усилению вооруженных сил страны.

Значительную часть русского войска составляла дворянская поместная конница. По свидетельствам современников, ее численность достигла 80 тыс. всадников. «Избранные воины» из дворян составляли отборную часть войска, так называемый царский полк. Московским правительством были проведены мероприятия по дополнительному «испомещению» дворян, по упорядочению поместного землевладения. В частности, в 1550 г. было объявлено об «испомещении» под Москвой «избранной тысячи дворян».

Пехоту составляли так называемые «даточные люди», которых набирали для похода с посадских и крестьянских дворов, а также городские казаки, составлявшие гарнизоны пограничных крепостей. Часть пехотинцев имела ручное огнестрельное оружие — пищали. Известно, что Новгород и Псков, например, выставляли для похода по 1—2 тыс. пищальщиков с оружием и всем необходимым для похода снаряжением; каждые 3—5 посадских дворов были обязаны выставить одного пищальщика с оружием, запасом пороха, свинца и продовольствия.

В 1550 г. в составе вооруженных сил Русского государства появился новый род войск — стрелецкая пехота. Сначала был создан 3-тысячный отряд выборных стрельцов из пищалей, который делился на 6 статей, по 500 стрельцов в каждой статье. Впоследствии число стрельцов значительно увеличилось. По сообщению англичанина Флетчера, побывавшего в XVI в. в России, стрельцов было до 12 тыс., в том числе стремянных (т. е. конных) — 2 тыс., московских — 5 тыс. и городских — 5 тыс. Стрельцы были постоянным войском, по-

лучали цареву жалованье и жили в особых слободах, совмещая военную службу с занятиями ремеслами и торговлей. Набирались стрельцы из «вольных людей», проходили военное обучение и были способны воевать правильным строем, что было особенно важно в битвах с легкой татарской конницей. На вооружении стрелецкой пехоты были пищали, бердыши и сабли. Бердыши в бою использовались не только как холодное оружие, но и как подставки для стрельбы из пищалей. Стрелецкое войско отличалось высокими по тому времени боевыми качествами и сыграло важную роль в казанском походе. О сомкнутый строй стрелецкой пехоты, встречавшей врага залповым огнем из пищалей, разбивались атаки татарской конницы.

Русское войско имело сильную артиллерию — наряд, который делился на большой наряд — крепостную и осадную артиллерию и полковой наряд, полковые пушки, сопровождавшие войско в полевых сражениях. Кстати, полковой наряд впервые упоминается в документах при описании похода 1552 г. на Казань. Общее количество пушек, включая артиллерию многочисленных крепостей, к концу XVI столетия достигало 3,5 тыс.

В сражениях с легкой татарской конницей русское войско удачно использовало передвижные, вооруженные пушками и пищалами, деревянные укрепления — «гуляй-город». «Гуляй-город» быстро собирался из заранее приготовленных деревянных щитов, которые перевозились на санях и телегах. По свидетельству современника, «гуляй-город» мог быть растянут по фронту на 10 км и прикрывал обычно центр русского войска. С флангов «гуляй-город» охраняли сильные кавалерийские отряды, а позади него стоял большой полк — главные силы русской рати.

Русское войско имело четкую организацию. Полки делились на сотни и десятки во главе со своими «начальными людьми». Все войско, выступавшее в поход, командовал назначенный царем большой воевода, отдельными полками — полковые воеводы. Отдельные воеводы были у наряда и у «гуляй-города». Перед походом большой воевода получал «разряд» — подробную роспись воевод и воинов по полкам, стрелецким приказам, наряду, «гуляй-городу», а также царский наказ о плане военных действий. Хорошо налаженная система набора ратных людей с городского и сельского населе-

ния позволяла быстро собирать большое по численности войско.

Для похода на Казань в 1552 г. царь Иван IV собрал до 150 тыс. войска, в состав которого входили дворянская поместная конница, стрельцы, пешие «даточные люди», судовая рать, 150 крупных пушек большого наряда и полковой наряд. Позднее к войску присоединились отряды из народов Поволжья.

В апреле 1552 г., по словам летописца, «призвал государь к себе братьев своих, князя Юрия Васильевича и князя Владимира Андреевича, и бояр своих, и воевод, и советовался с ними о своем походе к Казани». На этом совете было решено «отпустить в судах рать и наряд большой, и запасы царские и всего войска, а самому государю, как приспееет время, идти полем, а людям собираться на Коломну и Каширу из дальних городов, а из московских городов в Муром». Вскоре «отпустил государь воевод в судах на Свягю» и велел «поставить по всем перевозкам по Каме и по Вятке детей боярских, и стрельцов, и казаков». В мае «приговорил государь поход свой и полки велел расписать».

Главные силы русского войска выступили из Москвы 16 июня 1552 г. Однако неожиданное известие о нападении крымского хана заставило царя Ивана IV остановить движение на Казань. Из Путивля прискакал «станичник Ивашка Стрелник» и передал, что «идут многие люди крымские к украине государевой и уже Донец Северский перелезли». Иван IV повернул свое войско к Коломне. Русские полки встали вдоль берега Оки, на древнем рубеже, где не раз они встречали татарские вторжения. Между тем разведчики доносили, что крымцы уже «украины проходят» и «пришли на тульские места, к городу к Туле». Немедленно из Каширы, Ростиславля и Колычева двинулись на помощь осажденной Туле русские полки.

Русские военачальники непрерывно получали известия о действиях крымского хана. Тульский воевода доносил, что к городу подошел сам крымский хан и «приступает к Туле, и иные многие люди воюют, и наряд с ними многий, и многие янычары турецкие». Осадивший Тулу враг «из пушек бил по городу и огненными ядрами и стрелами стрелял на город, и во многих местах в городе дворы загорелись». Однако приступы крымцев были отбиты.

Между тем к Туле уже приближались на помощь русские полки. В городе об этом уже знали. Осажденные предприняли смелую вылазку, в которой приняли участие не только ратные люди, но и вооруженные горожане. По словам летописца, «вышли из города не только воеводы и воины, но все мужчины и женщины и дети, и многих татар под городом убили, и ханского шурина убили князя Камбирдея, и наряд пушечный, ядра и стрелы и порох взяли». Крымский хан Девлет-Гирей «побежал от города с великим срамом». Русская конница преследовала отступавших крымцев и на реке Шиворна нагнала их. В бою крымцев «столько избили, что очень мало осталось». Был возвращен и полон, захваченный татарами во время этого набега. Так в результате героической обороны Тулы и своевременного прибытия русских полков угроза нападения с юга была ликвидирована. Крымскому хану не удалось сорвать русский поход на Казань.

В начале июня все русское войско собралось в Коломне и оттуда двумя дорогами: через Рязань — Мещеру и Владимир — Муром — выступило в поход. В начале августа все рати соединились «на полях» у реки Суры, откуда вскоре пошли к Свяжску. Утром 13 августа царь Иван IV с войском вступил в Свяжск, где его уже ожидали ранее высланные судовой ратью воеводы, «дети боярские и стрельцы», а также ополчение, набранное из черемисов, чувашей, мордвы. Народы Поволжья, жестоко угнетаемые казанскими феодалами, вместе с русскими выступили против своих поработителей.

После непродолжительного отдыха все полки и наряд двинулись к Казани. Еще до начала осады царь Иван IV предложил казанскому хану Едигеру сдаться, но получил дерзкий отказ. Хан надеялся на помощь крымского хана, на многочисленные конные отряды, оставленные им за пределами города, а главное — на многочисленный гарнизон и мощные укрепления Казани.

Казань действительно была очень сильной крепостью. Расположенный на крутом холме в 6 км от Волги, город с северной стороны был прикрыт болотистой речкой Казанкой, а с юга — рекой Булаком и озером Кабан. Возводить осадные сооружения здесь было очень трудно. Казань со всех сторон опоясывала высокая

деревянная стена с 15 башнями, ров перед ней достигал 15 м глубины. По сообщению татарина-перебежчика, в городе находилось 30 тыс. казанского войска и 3 тыс. ногаев. Кроме того, вооружилось все городское население. К востоку от города, в Арском лесу, примерно в 15 км от городских стен, стояло большое конное войско князя Япанчи, готовое в любой момент прийти на помощь осажденным. В войске Япанчи тоже было примерно 25—30 тыс. всадников.

23 августа после ожесточенной схватки с 15-тысячным отрядом татар, устроивших вылазку из города, русские полки со всех сторон обложили Казань. Передовой полк и большой полк встали на Арском поле вдоль восточной стены города, полк правой руки — с северной стороны, за рекой Казанкой. Вдоль западной и юго-западной стен Казани протянулись позиции сторожевого полка и полка левой руки. Царь Иван IV со своим царским полком остановился поодаль от города, позади полка левой руки. Осада Казани началась.

После тщательной разведки городских укреплений русские полки начали осадные работы. Для защиты от татарских ядер и стрел ставили туры, наполненные землей. Линия туров постепенно приближалась к городским стенам. Русские воеводы прежде всего постарались «отнять воду» у осажденных. Река Казанка была перегорожена плотиной и отведена от города. Тысячи ратников и «даточных людей» строили позиции для установки тяжелых пушек, рыли окопы, огораживали русский лагерь полисадами. Казанцы неоднократно предпринимали вылазки. Около городских стен происходили жестокие бои. «Казанцы вылезли, многие люди конные и пешие, — повествовал летописец, — и бились крепко долгое время, и из пушек по городу и по воротам беспрестанно били, и стрельцы из пищалей, также и из города из пушек и пищалей стреляли, и была сеча великая и преужасная от пушечного боя и от пищального грома и от воплей не слышно было голосов, были как гром великий и молнии от множества огня пушечного и пищального стреляния и дыма. Множество побили татар и в город вбили их, и рвы городские наполнились мертвыми». И так день за днем, все время осады!

27 августа на укреплениях начали устанавливать тяжелые осадные орудия: «Повелел государь наряд боль-

Осада и штурм города Казани (1552 г.).

шой прикатить к турам». Перед батареями расположились стрельцы и лучники: «И стали головы стрелецкие с боярскими людьми и казаки по рву города и стреляли из пищалей и из луков». Особенно сильные укрепления были построены против Царевых, Арских, Аталыковых и Тюменских ворот, через которые казанцы устраивали вылазки.

Затем начался обстрел города из тяжелых пушек. Русские пушкари «начали беспрестанно по городу бить стенобитным боем и верхними пушками огневыми, побивая многих людей из пушек. Также и стрельцы не давали на стенах людям быть и из ворот выходить, многих побивали». В затяжном «огненном бою» русское войско показало свое полное превосходство — вскоре со стен города было сбито большинство татарских пушек.

Чтобы поражать ядрами цели внутри города, на Арском поле русские мастера построили высокую дере-

вянную башню, установили на ней 60 пушек разного калибра и подкатили к стенам между Арскими и Царевыми воротами. Кроме пушкарей, в башне находился отряд стрельцов с дальнобойными пищальями. Обстреливая, «как с неба», внутреннюю часть города, гарнизон башни наносил большой урон обороняющимся.

Отдельные участки стены были пробиты ядрами, однако казанцы быстро заделывали проломы бревнами и каменными глыбами. Русские «розмыслы» начали «минную войну». К стенам Казани были сделаны глубокие подкопы, в которые закладывались сильные пороховые заряды. Одним из первых подкопов был взорван тайник, по которому осажденные ходили за водой. Другие подкопы вели к Арским и Ногайским воротам. Приближался час решительного штурма.

На русский лагерь нападали татарские отряды, находившиеся вне города. Особенно опасными были нападения многотысячного конного отряда Япанчи из Арского леса в тыл большому полку и передовому полку. Чтобы предупредить эти неожиданные атаки, русским военачальникам пришлось выделить значительную часть войска во главе с князьями Горбатым-Шуйским и Серебряным. После нескольких схваток на Арском поле Япанча отступил в лес, где у него было хорошо укрепленный острог. По словам летописца, этот острог «был рублен городнями, и землей насыпан, и многими засеками закрыт, а сделан промеж непроходимых болот». Но ни болота, ни засеки, ни лесные чащобы не остановили русских воинов. 8 сентября они осадили Арский городок князя Япанчи, «начали приступать к острогу, стрельцы же из множества пищалей стреляли». Спешенные поместные конники, стрельцы и казаки отважно полезли на укрепления и «взяли острог, и татар многие множества побили, и живых 200 человек взяли». Япанча с остатками своего воинства бежал, и, преследуя его, русские полки «повоевали Арскую сторону всю». Опасность удара с тыла была ликвидирована. Теперь можно было сосредоточить все силы для штурма города.

Решительный штурм Казани был назначен на 2 октября. К этому времени подкопы под стенами были уже готовы. Русские воины припасли бревна и вязанки хвороста, чтобы завалить рвы перед стенами, построили длинные штурмовые лестницы. Еще до начала общего

штурма отряд стрельцов сумел захватить Арскую башню и удерживал ее. Именно с этой стороны намечалось наносить главный удар, однако штурмовать город русские полки должны были со всех сторон, чтобы не дать татарам возможности перебрасывать свои силы на наиболее опасные участки. Всего было назначено 6 штурмовых колонн во главе с опытными воеводами. Часть конницы была оставлена для прикрытия основных дорог, ведущих к Казани: Арской, Ногайской и Галичской.

Сигналом для штурма были взрывы подкопов. На рассвете был взорван подкоп под стеной возле Арских ворот, в котором было заложено 48 бочек пороха. Городская стена в этом месте рухнула. Затем раздался взрыв под Ногайскими воротами. «Как сильный гром грянул, — писал летописец, — и земля дрогнула и затряслась. И страшна стала на вид земля, как тьма, на великую высоту взлетая и многие бревна и людей на высоту взметая. И сей внезапно второй подкоп городскую стену грознее первого сотворил, и множество горожан на высоту поднялись, одни разорванные пополам, и иные с оторванными руками и ногами, и с великой высоты бревна падали в город и множество людей побили». Открыли ураганный огонь по стенам и башням Казани и русские пушкари. Вперед вышли стрельцы и лучники, которые метко сбивали со стен татарских воинов, пока штурмовые колонны не достигли вала.

Казанцы отчаянно сопротивлялись, сбрасывали со стен на их головы тяжелые бревна и камни, обливали кипящей смолой. Однако сдержать натиск не смогли. Передовые отряды русского войска ворвались в город через пролом в стене возле Арских ворот. Начался жестокий уличный бой, в котором обе стороны несли тяжелые потери. Казанские военачальники бросали в битву новые и новые силы. Наступление русских воинов было задержано. В этот решительный момент царь Иван IV двинул на помощь ворвавшимся в город воинам половину своего отборного царского полка.

Спешенные воины царского полка отбили контратаки казанцев и погнали их к ханскому дворцу. Переваливая стены, в город вливались новые русские полки, везде тесня защитников Казани. Большой отряд татар (их оставалось более 6 тыс.) отступил в северную часть города, но и там не смог удержаться. Не задерживаясь у ханского дворца, татары «побежали все к Елбугиным

воротам, и начали с града метаться и в ворота пробиваться, и многие к лесу на бегство устремились». Бежавших татар отделяла от леса река Казанка, вдоль которой стоял многочисленный полк правой руки. Русские воины встретили татар пушечным огнем, но сдержать их отчаянную атаку не смогли. Уцелевшие татары прорвали кольцо осады и побежали к лесу. Но спастись успели немногие. Подоспела русская конница, и здесь «татар многих побили: от реки от Казанки и до леса и в лесу многие мертвые лежали, и немногие утекли, многими ранами ранены».

Сечей за рекой Казанкой закончился штурм города. Казань пала, почти все ее защитники погибли. Летописец с гордостью писал: «Наш царь и великий князь Иван Васильевич, самодержец всея Руси, одолел их до конца и царя казанского изымал, и знамена их взял, и царство и город многолюдный казанский взял...» Казанское царство прекратило свое существование.

Взятие Казани позволило перейти в наступление и на Астраханское ханство. В 1554 г. русское войско изгнало из Астрахани хана Ямгурчея, ставленника Крыма. Новый астраханский хан Дервиш-Али признал себя вассалом русского царя, но вскоре тоже начал переговоры с крымским ханом. Тогда в сентябре 1556 г. русское войско снова пошло на Астрахань. На этот раз астраханский хан, несмотря на присылку из Крыма войска с пушками, не принял боя и бежал в степи. Русское войско без боя заняло покинутый город. Воеводы доносили царю из Астрахани: «Пришли они в Астрахань, а город пуст, царь и люди выбежали, а воеводы в городе в Астрахани сели и город сделали крепок и, утвердив совсем, ходили за царем пять дней от Астрахани к морю, и нашли суда все астраханские, посекали и пожгли, а людей не нашли». Во время следующего похода в степи воеводы все же «нашли царя от берега верст за двадцать, и пришли ночью на царя, и побили в улусах у него многих людей». Последний астраханский хан Дервиш-Али, бежал в Азов. А русские воеводы «укрепились в городе» и «по Волге казаков и стрельцов расставили и отняли всю волю у ногаев и у астраханцев рыбные ловли и перевозки все». Самостоятельность Астраханского ханства была ликвидирована.

После этого признала зависимость от Русского государства и Большая Ногайская Орда, причем ногай-

ские мурзы обязались «служить царю», «у Астрахани кочевать», а если «велит им государь на Крым идти», то «так и учинят». Все Поволжье таким образом было присоединено к Русскому государству. Опасность проникновения сюда турецкого влияния была ослаблена. Это было большим успехом. Вскоре в состав Русского государства вошли и народы Приуралья. В 1557 г. власть московского царя признали башкиры, ранее зависимые от ногайских мурз. Россия набирала силы.

ГЛАВА 15

Война на два фронта

В 1558 г. Русское государство начало войну за выход к Балтийскому морю, которая вошла в историю под названием Ливонской войны. В начале войны русские войска добились больших успехов. Были взяты города Нарва и Дерпт (Тарту), передовые полки Ивана IV доходили до Ревеля (Таллина). Ливонский орден, в течение нескольких столетий угнетавший народы Прибалтики, распался под ударами русской армии. В 1563 г. русские полки взяли Полоцк, крупный город и сильную крепость. Обширные области на западных и северо-западных рубежах России, отторгнутые врагами после монголо-татарского нашествия на Русь, были возвращены. Однако затем ход войны изменился. На смену блестящим победам пришли тяжелые поражения. Война затянулась, русские полки с трудом сдерживали натиск врага.

Причины этого историки видели во вмешательстве соседних государств — Польши, Литвы и Швеции, пославших свои войска в Ливонию, в объединении Литвы и Польши, в полководческом искусстве нового польско-литовского короля Стефана Батория, в обострении внутренней обстановки в Русском государстве. Все это, конечно, оказало свое влияние на военные действия. Однако, говоря о причинах поражения России в Ливонской войне, нельзя забывать непрерывное давление на южные рубежи, непрекращающиеся вторжения татарских ратей, отвлекавшие значительные военные силы Ивана IV от западной границы. Русскому государству пришлось

вести войну на два фронта, и трудно сказать, где было опаснее — на берегах Балтийского моря или на бескрайнем степном рубеже. Более 24 лет длилась Ливонская война, и только в течение трех лет не было вторжений в пределы Русского государства татарских ратей. Не менее 12 раз за это время крымские ханы предпринимали большие походы на Русь, в которых принимали участие десятки тысяч конных воинов. Количество же мелких татарских наездов вообще не поддается учету — их было множество.

Первый крупный поход крымского хана на Россию фактически совпал с началом Ливонской войны. 17 января 1558 г. русские полки перешли границу Ливонии, а уже 21 января в Москве получили известия о том, что крымский хан Девлет-Гирей, «умысля злое христианству, послал сына своего Магмет-Гирея с князьями и мурзами крымскими и с ногаями» к русскому рубежу. По свидетельству летописца, татар было 100 тыс. Орда направлялась на Рязань, Каширу и Тулу, однако дошла только до реки Мечи: русские полки вышли навстречу врагу и отогнали орду. Такое совпадение не было случайным. Польский король Сигизмунд II заключил военный союз с Крымом и постоянно побуждал хана «неприятель над неприятелем нашим и своим с божьею помощью доводить». В 1559 г., в разгар военных действий в Ливонии, царю Ивану IV пришлось выдвинуть пять полков для охраны южной границы; с войском на юг ушел Д. Адашев и князь Д. Вишневецкий. Но даже эти меры не обеспечили безопасности пограничных областей. Трехтысячный татарский отряд «безвестно» пришел под Тулу и «воевал в Ростовской волости», а другой отряд приходил под Пронск, но был разбит воеводой Бутурлиным. Еще один татарский отряд пытался прорваться к Казани. В 1560 г. снова были высланы большие русские силы для охраны южной границы, причем три полка стояли на Быстрой Сосне, а остальные у Тулы. Крымский мирза Дивей с 3 тыс. конных воинов напал на Рыльские места, а другая большая татарская рать (до 20 тыс. воинов) кочевала поблизости от рубежей. Интересно отметить, что, несмотря на это, Сигизмунд II упрекал крымского хана за бездействие, — оказывается, тот обещал послать на Русь своего сына Магмет-Гирея с большим войском. Зимой следующего года татары воевали в Северной земле.

Летом 1562 г. татарский поход чуть не сорвал намечавшийся поход русского войска на Полоцк. Крымский хан Девлет-Гирей с 15-тысячной ордой подступил к Мценску, сжег часть посада, но, узнав о приближении русских полков, отступил. Пленные татары сообщили, что «царя крымского поднял на украины Сигизмунд, король польский, и казну великую для того король ко царю прислал». Кроме Мценска с уездом, разорены были Одоев, Новосиль, Волхов, Белев и другие «украинные города».

В 1563 г. царь Иван IV сам объезжал южные крепости-Перемышль, Одоев и Белев, видимо организуя оборону. В это время крымские татары (10 тыс.) напали на Михайлов, хотя русский посол уже вел в Крыму переговоры о перемирии. Перемирие удалось заключить, но оно оказалось очень кратковременным — осенью 1564 г. война возобновилась.

Немалую роль в этом сыграла казна польского короля, доставленная хану на 33 телегах. Эта казна оценивалась современниками в 16 тыс. золотых; сверх того король обещал подарить хану еще 4 тыс. золотых, а его сыновьям — по 500 и по 1000 золотых. Показательно, что движение «всего Крыма» на рязанские земли совпало по времени с польским наступлением под Полоцком.

Нападение было неожиданным. Надеясь на перемирие, Иван IV «воевод больших с людьми в украинских городах от крымской стороны не держал», на южной границе оставались только «легкие воеводы с малыми людьми», которые не смогли сдержать 60-тысячное войско крымского хана. Девлет-Гирей осадил Рязань, сжег посады и разорил все окрестности. С большим опозданием из Москвы пришла рать, которая уже не застала татар в опустошенной Рязанской земле. Ошибка была исправлена в следующем году: на южный рубеж были заранее высланы из Москвы большие полки. В 1565 г. «для крымской неправды и для береженья государя воеводам на берегу и украинным городам стоять велел». В Коломне встали полки большой и левой руки, в Кашире — правой руки, в Серпухове — сторожевой, в Калуге — передовой. Несмотря на принятые меры, татары все же сумели пограбить окрестности Волхова.

Непрерывная угроза татарских вторжений заставила Ивана IV отозвать часть войск из Ливонии, что серьез-

но ослабило русское наступление. В результате на западе Русское государство перешло к оборонительным действиям, усиленно укрепляя южную границу. В 1566 г. в основном было завершено строительство Большой засечной черты, грандиозной оборонительной линии вдоль степной границы, которая протянулась от Рязани на Тулу и далее к Оке (к Белеву). В некоторых, особо опасных местах (например, под Тулой и Белевым) засечная черта состояла из нескольких линий укреплений. Юго-восточнее укрепления шли по линии Ряжска, Шацка, Темникова. Сам царь Иван IV в течение месяца объезжал Козельск, Белев, Волхов, Алексин и другие «украинные города», осматривая новые укрепления. Видимо, в Москве не очень верили очередным заверениям крымского хана «быть в крепкой дружбе и в братстве», а может быть, до царя уже дошли сведения о переговорах хана с польским королем.

Договор о мире и союзе против Русского государства между Крымом и Польшей был заключен в 1567 г. и немедленно 3-тысячная крымская орда пришла на «московские украинны», ограбила Северскую землю. В 1568 г. набег повторился. Однако наибольшую опасность представляло вмешательство в войну Турции, которая тоже заключила мирный договор с Польшей и готовилась к большому походу на Русское государство. Турецкий султан, опирающийся на широкую военную помощь своего вассала — крымского хана, имел далеко идущие завоевательные планы: турки хотели захватить Астрахань и все Нижнее Поволжье.

Таким образом, наряду с продолжавшейся Ливонской войной Русскому государству пришлось вести еще одну войну — против Турции и Крыма, причем, по мнению советского историка А. А. Новосельского, автора книги о борьбе Московского государства с татарами, «центр тяжести войны совершенно явно был перенесен на южный и восточный фронт».

К весне 1569 г. турецкий султан сосредоточил в Кафе 17-тысячную армию при 100 орудиях. Летом турецкая армия двинулась на Астрахань. У Дона турки соединились с 40-тысячной крымской ордой и с ногайскими отрядами. Однако здесь захватчиков ожидала первая неудача. Турки пытались устроить волок и перетащить свои галеры с тяжелыми орудиями из Дона в Волгу, но это не удалось. Здесь, на переволоке, произошло первое сраже-

ние турецко-крымского войска с легкой судовой ратью князя П. С. Серебряного. Задержать турок не удалось — они подошли к Астрахани. Началась осада. Попытки турок устроить подкопы под стены города закончились неудачей. «Вода близко!» — доложили турецкие саперы. Турки устроили укрепленный лагерь и решили зимовать под Астраханью. Между тем в город на судах подошло подкрепление. Русская артиллерия с городских стен непрерывно обстреливала осаждавших. В турецком лагере начался голод и болезни, янычары взбунтовались. 26 сентября турки отступили от Астрахани. На обратном пути, в безводных степях Северного Кавказа, многие из них умерли. Только жалкие остатки некогда могучей армии добрались до Азова. Астраханский поход закончился полным поражением.

Наступление турок и крымских татар вызвало большое беспокойство в Москве. К южному рубежу были спешно выдвинуты новые силы: 5 русских полков стало на берегу Оки, 3 полка — за рекой, да еще 3 полка оставались в Рязани. Усилен был и гарнизон Нижнего Новгорода.

Весной 1570 г. 50-тысячная крымская орда появилась в окрестностях Рязани и Каширы, подвергнув южные уезды Русского государства страшному опустошению. Опричный воевода Хворостинин воспользовался тем, что татары распустили свои отряды для грабежа, перешел Оку и вынудил орду к отступлению. Русские полки «крымских воевод побили, и языки многие поймали, и полону много отполонили». Однако осенью, когда большая часть русских войск ушла в поход на Ревель, крымцы снова подступили к южным границам. «Сторожи» сообщали, что на Донце и Осколе кочует 30-тысячная орда. Земские и опричные полки выступили в Серпухов; их вел сам царь. Видимо, узнав об этом, татары ограничились походом на Новосиль, в котором участвовало 6—7 тыс. всадников.

Страшные бедствия принес России 1571 год. Крымскому хану удалось вывести в поход военные силы многих татарских орд: крымской, большой и малой ногайской, черкесские отряды — всего до 40 тыс. конных воинов. Русские воеводы успели собрать на южном рубеже всего 6 тыс. воинов — отборные полки были тогда направлены на Ревель. Правда, навстречу татарам выступил сам царь Иван IV с опричниками, но их было все-

го три полка. Силы были явно неравными, и крымский хан, узнав об этом, решил идти на Москву. Под Кромами крымская орда «перелезла» Оку и стала обходить Серпухов, намереваясь отрезать войско царя. Русские полки поспешно отступили к Москве, а следом за ними, в тот же день (23 мая), к столице подошли татары. 24 мая татары подожгли предместья Москвы и Земляной город. Пожар быстро распространялся. От страшного жара взрывались пороховые погреба, массами гибли люди. Пожары начались и в Кремле. По свидетельству современника, «в живых не осталось и 300 боеспособных людей». Меньше других пострадал полк воеводы Воротынского, который бился «на Таганском лугу» и после отступления орды преследовал ее до края «дикого поля». Нашествие 1571 г. причинило страшное опустошение южным областям России. Татары разорили 36 городов, увели в плен множество людей. Крымский посол хвастался впоследствии в Литве, что ордынцы перебили на Руси 60 тыс. человек да еще столько же увели в плен. Москва была разорена дотла: достаточно сказать, что потребовалось два месяца, чтобы только очистить город от обломков. И без того тяжелое положение осложнилось восстаниями, которые начали против власти московского царя казанские и астраханские татары.

Война с крымскими татарами вступила в свою решающую стадию. Теперь крымский хан Девлет-Гирей уже не ограничивался ограблением южных окраин, а думал о завоевании России, об отторжении от нее Нижнего и Среднего Поволжья. Хан угрожал даже установить над Россией иго «как при Батые» и перед походом распределил между знатными мурзами города и уезды. Он хвастливо заявил, что «едет в Москву на царство». Снова крымская орда, насчитывавшая 40—60 тыс. всадников, готовилась к походу. Артиллерию хана обслуживали турецкие пушкарки. Подходили отряды из Большой и Малой ногайских орд, от черкесов.

Готовилась к решительным боям и Россия. Оку на всем протяжении между Коломной, Серпуховым и Калугой заново укрепили. Вдоль берега выросли частоколы, выкопаны рвы и окопы. Осенью 1571 г. в степь были высланы отряды конницы, которые выжгли траву на огромной территории между Донковым, Новосилем, Орлом и Путивлем. Татарская конница, если бы она выступила в зимний поход, осталась без корма.

Большую роль в укреплении обороны южной границы сыграл новый устав — «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе». В феврале 1571 г. в Москве были собраны дети боярские, служившие на «украине», воеводы пограничных крепостей, начальники сторожевых станиц — станичные головы. Участники этого совещания, хорошо знавшие пограничную службу, и разработали этот устав.

Главное внимание в «Приговоре» было уделено сторожевой службе, чтобы заблаговременно оповещать воеводу о приближении крымских татар и избегать повторения неожиданного нападения крымского хана.

На всем огромном протяжении степной границы были поставлены сторожевые станицы, определены маршруты движения конных станичников. Станичники должны были быть «усторожливы от крымские и от ногайские стороны», «к своим урочищам ездити и сторожам на сторожах стояти в тех местах, которые б места были усторожливы, где б им воинских людей мочно устеречь».

Сторожевой дозор из двух конных станичников, «с конь не сседа», ездил по заранее определенным маршрутам вдоль границы. «А станов им не делати, — предписывал устав, — а огни класти не в одном месте; коли каши сварити и тогда огня в одном месте не класти дважды; а в коем месте кто полдничал и в том месте не ночевать, а кто где ночевал и в том месте не полдневати. А в лесах им не ставитца, а ставитца им в таких местах, где было бы усторожливо».

Обнаружив врага, станичники должны были немедленно сообщить воеводам «в государевы в украинные города», а сами тайно наблюдать за противником, чтобы точно выяснить его численность и намерения. В свою очередь пограничные воеводы обязаны были заботиться, чтобы «у сторожей лошади были добры», чтобы каждый станичник отправлялся в дозор «о дву конь».

Согласно «Приговору», станичники несли сторожевую службу с 1 апреля до 1 декабря — в опасное для пограничных областей время. Каждая станица проводила в дозоре две недели и не возвращалась, не дождавшись смены. Роспись определяла, где и в какое время станицы должны были нести службу.

Была создана таким образом стройная система сторожевой пограничной службы на всем протяжении степной границы. Уже в следующем году эта система сыг-

рала важную роль в отражении крымского похода — московское правительство было своевременно оповещено об опасности.

Весной 1572 г. русские полки вышли на южную границу и заняли позиции на возможных путях крымской орды. Царь Иван IV собрал для обороны юга примерно 20 тыс. воинов — все, что можно было выделить, учитывая продолжавшуюся Ливонскую войну. Основные силы русского войска встали в Коломне, хорошо укрепленной крепости на реке Оке. Специально против легковооруженной крымской конницы в Коломне был построен «гуляй-город». За его деревянными стенами стояли пушки. У бойниц, недостижимых для татарских стрел, становились вооруженные пищальями стрельцы. Для легкой татарской конницы деревянные стены «гуляй-города» были непреодолимым препятствием.

Крымский хан вторгся на Русь в июле 1572 г. Татарская конница обошла Тулу, устремилась к Оке. Попытка перейти реку на Сенькином броде выше Серпухова не удалась — передовые отряды татарской конницы были отбиты. Тогда хан повел свою основную орду к серпуховским переправам. Здесь татары встретили прочную оборону. В опасный район, к самым бродам, был перевезен «гуляй-город», надежно закрывший переправу. Ночью Девлет-Гирей передвинул войско снова к Сенькиному броду и сбил оборонявший его немногочисленный дворянский отряд. Началась переправа всей орды. Тем временем легкая ногайская конница устремилась на север, отрезая дороги к Москве. Создалось угрожающее положение. Казалось, «московское разорение» может повториться еще раз. Попытка задержать продвижение хана в верховьях реки Нары не удалась. Орда вышла на серпуховскую дорогу и устремилась к Москве.

Однако растерянность, вызванная неожиданной переправой орды через Оку, уже прошла. Следом за татарским войском поспешил передовой полк воеводы Хворостинина, а за ним остальные полки. Передовой полк настиг татар у Молодей, в 45 верстах от Москвы, и разгромил их арьергард. Сыновья хана, командовавшие арьергардом, советовали хану: «К Москве идти не по што, московские люди били нас здесь, а на Москве у них не без людей же!» Но хан не послушался и направил на помощь сыновьям 12-тысячный отряд, сам продолжая движение к Москве. Подоспевшая татарская кон-

ница обрушилась на немногочисленный передовой полк Хворостинина. Воевода начал отступление. Но татары рано торжествовали победу. Хворостинин вывел их под стены «гуляй-города», откуда на татарскую конницу обрушился град ядер и пуль. Потеряв много воинов, татары поспешно отошли. Девлет-Гирей, узнав об этом поражении, приостановил наступление на Москву. Имея в тылу у себя русскую армию, осадить сильно укрепленный город было опасно. Целый день хан простоял на реке Пахре, в 30 верстах от Москвы, а затем двинулся к Молодям, где уже собрались все русские полки. Здесь и произошло решительное сражение.

Русские воеводы до подхода врага успели укрепить позицию, собрали на холме «гуляй-город», окружили его рвами. Здесь засел с пушками большой полк. Остальные полки встали с флангов и с тыла. Такое расположение русского войска было вполне оправданным. При тройном численном превосходстве татар без заранее подготовленных укреплений устоять было очень трудно. Как показали дальнейшие события, «гуляй-город» сыграл решающую роль в битве.

Основной удар хан наносил против центра русского войска, но большой полк, прикрываясь стенами «гуляй-города», отразил бешеный натиск татарской конницы пушечной и ружейной стрельбой. Другие русские полки фланговыми ударами помогали обороне. Целый день продолжалось сражение. Татары понесли большие потери, главнокомандующий татарской армии Дивей-мурза попал в плен. Крымский хан приостановил атаки, но поле боя не покинул. Отряды татарской конницы со всех сторон окружили «гуляй-город», за стенами которого укрылись поредевшие русские полки.

Через два дня, 2 августа, штурм «гуляй-города» возобновился. До вечера конные и пешие отряды татар безуспешно штурмовали деревянные стены, неся огромные потери. Русские пушкарки и пищальщики стреляли метко. Целый день длилось упорное сражение. К вечеру, когда натиск татар начал ослабевать, русские полки устроили вылазку. Воевода Воротынский с полками незаметно вышел из «гуляй-города» и обошел татар с тыла, а оставшийся на месте Хворостинин после сокрушительного залпа из всех пушек напал на них в лоб. Татары не выдержали двойного удара и побежали. Потери врага были огромными. В битве погибли сын и внук Дев-

лет-Гирея, много знатных крымских и ногайских мурз попало в плен. Русская конница преследовала врага до Оки, где был разбит еще один 5-тысячный татарский отряд. Поход крымского хана Девлет-Гирея на Москву на этот раз закончился полной неудачей.

Победа при Молодях имела огромное значение. Крымская орда была разбита в открытом бою, несмотря на тройное превосходство в силах. Вместе с поражением турок под Астраханью это была неудача турецко-крымского плана добиться господства в Причерноморье и оттеснить Россию с нижней и средней Волги. Но эти победы удались России ценой огромных усилий — война в Ливонии продолжалась. К тому же в 1572 г. Ивану IV пришлось посылать 5 полков «на казанских людей, на луговую и горную черемису», которые подняли восстание. Однако и после победы при Молодях Россия была вынуждена держать на южной границе большие силы. В 1573 г. на юге стояли 10 полков. В этом году крымские татары напали на рязанские места. Крымский наезд был непродолжительным. Получив известия о приближении русского большого полка из Серпухова, татары отступили. Другое русское войско ходило походом на Большую Ногайскую Орду. В 1574 г. снова крымцы и ногайцы воевали на рязанской «украине». Однако эти их вторжения не шли ни в какое сравнение с большими нашествиями крымского хана.

Давление татар на южную границу явно ослабело. В 1575 г. они вообще не нападали на Россию, а набеги в 1576—1578 гг. предпринимались отдельными ордами и сравнительно легко отбивались пограничной стражей. Это позволило Ивану IV значительно активизировать военные действия в Ливонии и добиться там успехов. Однако военные действия на юге не прекращались. Хотя крымский хан был вовлечен Турцией в войну с Персией, отдельные его орды продолжали нападать на пограничные области России. Кроме того, крымские дипломаты всячески побуждали к набегам на Россию ногаев. Продолжались восстания казанских татар. В 1580 г. ногаи вместе с крымцами «неодинова» нападали на московские «украины» и «многие убытки поделали». В 1581 г. ногаи переправились на правобережье Волги и воевали в Белевском, Коломенском и Алаторском уездах; численность ногайских отрядов, напавших на русские земли, достигала 25 тыс. всадников. Побуждаемые ногаями,

восстали казанские татары, и на Казань ходили в 1581 г. четыре русских полка, а в 1582 г. — еще несколько полков и судовая рать. Тогда же ногаи вторглись на «московские украины» и, в частности, воевали под Новосилем. Походы на казанские земли продолжались и в следующие годы. В 1586 г. «московская Украина» подверглась нападению 30-тысячной крымской орды. В 1587 г. в набег ходила 3-тысячная орда ногаев и азовцев, а два «крымских царевича» стояли поблизости от русской границы с 30-тысячным войском. В 1592 г. крымские татары «безвестно» напали на тульские, каширские и рязанские земли. Нападение было неожиданным, русских «ратных людей по городам не было». В 1593 г. ногаи нападали на Воронеж и Ливны и т. д.

Таким образом, вся вторая половина XVI в. заполнена татарскими нападениями на южные рубежи России. В условиях тяжелой Ливонской войны, когда основные силы Русского государства были отвлечены на запад, Турция и Крымское ханство организовали широкое наступление, ставившее целью ликвидировать успехи России в Поволжье. Ценой огромных усилий, воюя на два фронта, Россия сумела отбить захватчиков. Неимоверно тяжелая, полная героизма, продолжавшаяся столетиями, борьба на степной границе вступала в новую стадию. Россия сдержала натиск степняков и готовилась перейти в решительное наступление на своих извечных врагов. Только польско-шведская интервенция начала XVII в., серьезно ослабившая Русское государство, отсрочила это наступление.

ГЛАВА 16

Удары в спину

Крестьянская война и польско-шведская интервенция начала XVII в. нарушили стройную, складывавшуюся десятилетиями систему обороны южных границ Русского государства. В конце предыдущего столетия русские полки на южном рубеже ставились в две линии: по берегу (большой разряд) и за рекой (меньший разряд). Это обеспечивало надежную защиту пограничных областей. Затем расстановка полков на берегу была прекращена, и военные силы содержались только в «укра-

инных городах», составляя один «меньший», «украинный разряд». Последний раз царь Василий Шуйский приказал поставить полки в пограничных городах «для недруга своего крымского царя приходу» в 1606 г. Однако сделать этого не удалось — все силы были заняты борьбой с восстанием Болотникова. В последующие годы полки в «украинный разряд» вообще не направлялись, общегосударственная сторожевая служба на границе фактически отсутствовала. После изгнания поляков из Москвы в 1613 г. снова была произведена расстановка полков на границе: большой полк направлен в Тулу, сторожевой — в Новосиль. В следующем году еще один полк был поставлен в Переяславле-Рязанском. Но численность этих полков была незначительной. Занятое войной с Польшей и Швецией, с разбойными казацкими атаманами, запустевшее Русское государство не могло выделить для обороны южной границы достаточных сил, хотя она оставалась в большой опасности. По росписи 1616 г. в большом полку в Туле было всего 1649 человек, в Мценске — 884 человека, в Новосиле — 801 человек.

В 1607 г. был заключен мирный договор между Польшей и Турцией. Одним из условий этого договора была военная помощь, которую должен был оказывать вассал Турции — крымский хан польскому королю в войне с Русским государством. Это означало широкое наступление крымского хана на русские рубежи. Кроме того, польско-шведская интервенция привела к ослаблению влияния России на Ногайскую Орду. Набеги ногайцев участились. А в 1613 г. Большая Орда ногаев окончательно порвала с Москвой и вступила в турецкое подданство. В самые тяжелые годы борьбы России с польскими и шведскими интервентами татарские орды наносили ей удары в спину, безнаказанно грабили и разоряли южные области страны.

В 1607 г. ногаи «ходили войной» на «украинные и северские города», захватили массу пленных, которых впоследствии «продали в Бухару». В 1608 г. Большая Орда ногаев напала на окрестности города Темникова. Села и посады были сожжены и разграблены, множество «украинных людей» было перебито или уведено в плен. По свидетельству современника, ногаев было до 100 тыс. человек. Немногочисленные сторожевые станицы на пограничье были бессильными против такой массы ногайских всадников.

В 1609 г. польский король Сигизмунд начал открытую интервенцию против России и подступил с войском под Смоленск. Одновременно крымские татары напали на южные области Русского государства. Крымцы разорили Тарусу, перешли Оку и опустошили районы Серпухова, Боровска, Коломны. Это были уже не кратковременные набеги, обычные для кочевников, а длительная война, продолжавшаяся все лето и угрожавшая даже Москве. Опустошения, причиненные крымскими татарами во время этой войны, были огромны. В том же году в русские земли прихордили «воевать» и ногаи.

В 1610 г., когда поляки предприняли поход на Москву, к реке Оке, к Серпухову, подступило сильное крымское войско, насчитывавшее 10—15 тыс. всадников. Татарские авангарды доходили до Боровска. По свидетельству современника, крымские татары получили тогда от Василия Шуйского «дары великие» и отошли, причем, кроме даров, «от всей земли пленных, как скот, в крымское державство согнали». Ногаи в это время напали на Рязанскую землю.

Следующий поход крымцев и ногаев в 1611 г. совпал с первой попыткой освободить Москву от поляков. В Лихвинском уезде они «повоевали все», даже забрали овец, и не было возможности собрать шубы, которые должны были быть отправлены по указу вождей ополчения. Разорены были Рязанская земля, Алексинский, Тарусский, Серпуховский и другие уезды. В пограничных областях татары воевали все лето. Рязанцы жаловались в Москву, что татары совершенно обезлюдили их землю, пашня осталась незасеянной, все люди «сидят в осаде», нигде даже «не добыть овцы — татары всех вывоевали и выгнали с собой». В 1612 г. татарское «разоренье» продолжалось. В следующем году рязанцы снова писали в Москву, что «стали приходить татары часто и дотла домишки наши выжгли», а «иные татары у нас живут без выходу», подвергая землю постоянным грабежам. В том же, 1613 г. на Русское государство нападали и ногайские татары. Как сообщал «Новый летописец», тогда «пришли ногайские люди войною в Московское государство и воевали многие украинные города. И перешли за Оку-реку и воевали коломенские, и серпуховские, и боровские места, и пришли под Москву в Домодедовскую волость, и многих людей в плен поймали». Другие татарские отряды воевали под Пронском, Михайловым, Деди-

ловым, Переяславлем-Рязанским. В результате «крымские татары опустошили всю Рязанскую землю до Оки». Есть сведения и о нападении татар на город Курск.

1614 год не принес облегчения, хотя в это время мир между Турцией и Польшей был нарушен и турецкий султан старался направить крымского хана против Польши. В наступлении на Русское государство принимали участие татары Большой и Малой ногайских орд, а также отдельные отряды крымских татар, предводители которых мало считались с приказами своего хана. Ногайские татары угрожали непосредственно Москве. Летом 20-тысячное войско ногаев подходило к самой столице и страшно опустошило ее окрестности. Еще одна 20-тысячная орда воевала в темниковских и алаторских местах. Зимой татары воевали «многие города» — Курск, Рыльск, Камаричи, Карачев, Брянск. Русские послы, побывавшие в Крыму, сообщали, что там скопилась масса пленных, которых в Кафе продавали «дешевой ценою»: «простой человек» — 10 или 15 золотых, а «добрый и молодой» — 20 золотых.

В 1615 г., по весне рано, татарские набеги возобновились. Отдельные отряды крымцев нападали на кромские и орловские места. Но наибольшую опасность представляли вторжения Большой и Малой орд ногаев и азовских татар. Большая орда численностью примерно в 25 тыс. всадников подошла к Оке и остановилась у Коломны и Серпухова. Не имея войска для отражения врага, московское правительство направило послов к татарским мурзам: все силы Русского государства были направлены тогда против Польши. Переговоры не имели успеха, и татары «многие убытки учинили», ходили «во многие места войною до Оки и за Оку; в Коломенский, и в Серпуховский, и в Калужский, и в Боровский уезд, и многие места жгли, и людей побивали, и полон многих взяли». В июле на русское пограничье нападали «азовцы и вольные ногайские люди» (до 3 тыс. всадников), а осенью — «многие люди» из ногаев. Подобными «приходами» ногаев и отдельных орд крымских татар заполнен и следующий, 1616 год. Под Козельском от их нападений был «беспрестанный всполох». Опасность была настолько велика, что правительство приняло меры по укреплению Москвы.

В 1617 г. русское пограничье трижды подвергалось нападениям орд Малых ногаев. Ногаи снова подступили

к Серпухову, разослав во все стороны «загоны» для ограбления соседних уездов.

Таким образом вся южная часть Русского государства, от мордовских земель на востоке до заокских городов, подвергалась ежегодным татарским разорениям. Трудно даже представить себе размеры ущерба, нанесенного пограничным областям России, — они подвергались сплошному грабежу, обезлюдели. Впоследствии только из одной орды Больших ногаев было освобождено 15 тыс. русских «полоняников»! А сколько их было в других ордах и сколько пленных ногаи успели продать за долгие годы своих грабительских набегов! Не удивительно, что персидский шах Аббас, принимая русских послов, выражал удивление, что в Русском государстве еще остались люди...

Непрерывные татарские вторжения серьезно затрудняли борьбу с польско-шведскими интервентами. Навряд ли можно считать случайностью, что самые крупные вторжения крымского хана точно совпадали с наиболее опасными операциями польского короля Сигизмунда, с его походами на Смоленск и на Москву в 1609 и 1610 гг. Постоянная роенная опасность на южной границе ослабляла Русское государство, мешала восстановлению страны после интервенции.

В 20-х годах XVII в. положение на юге несколько стабилизировалось. С крымским ханом удалось заключить мирный договор. Большая Ногайская Орда вернулась в русское подданство и на время прекратила набеги. Но даже в период относительного мира военная опасность на степной границе не была ликвидирована. То и дело отдельные мурзы, даже без согласия хана, водили свою конницу в грабительские набеги, шли за добычей и «живым товаром» — пленными. В таких набегах крымцы искали выход из тяжелого экономического положения. Богатые дары и «поминки», которые привозили в Крым русские послы, в основном попадали в руки хана и его ближайшего окружения. Мурзы же отдельных улусов искали себе добычу самостоятельно, мало считаясь с распоряжениями хана. Русские послы доносили, что «всяк в Крыму владетелен», что хан не имеет сил противиться давлению своих мурз. В результате отдельные набеги татар продолжались и во время мира с Крымом. Такие набеги отмечались в 1618 и 1619 гг. Продолжались они и в 20-х годах.

Подготовка Русского государства к войне с Польшей из-за Смоленска привела к ослаблению обороны южной границы. Численность «украинных полков» значительно сократилась. В 1629 г. в них было около 12 тыс. ратников, в 1630 г. — 9 тыс., а в последующие годы — всего 5 тыс. Этим немедленно воспользовались татары. Уже в 1631 г. наблюдалась заметная активизация их набегов на русские земли, хотя формально мир с крымским ханом пока сохранялся. Организаторами нападений были Большие и Малые ногаи; к ним присоединилась часть крымских мурз со своими ордами. Весной ордынцы напали на Воронежский, Белгородский, Курский уезды довольно значительными отрядами, по несколько сотен всадников. Отдельные татарские загоны проникали в елецкие, рязские, рязанские, шацкие места. В обороне от этих набегов принимали участие только гарнизоны «украинных городов» и местное население — московское правительство, надеясь на мирный договор с Крымом, не посылало на юг полки. Русское войско готовилось к походу на Смоленск. Дальнейшие события показали, что эта надежда не оправдалась. В самый разгар похода (1632—1634 гг.) крымский хан нанес Русскому государству два удара в спину, серьезно повлиявших на исход всей войны.

Если нападения 1631 г. были предприняты ногайцами и отдельными крымскими мурзами, то вторжения 1632 г. были организованы с согласия самого хана и гораздо большими силами, чем раньше. Наступление ордынцев нарастало постепенно. В мае — июне на южных рубежах появились отдельные отряды татар, действия которых мало отличались от обычных грабительских набегов. Однако в июле, по показаниям «языков», взятых в плен пограничной стражей, «прошло татар в Русь тысяч с 20 и больше». В походе участвовали и турецкие янычары «с огненным боем». Под Ливнами, в Савинской дубраве, произошло первое крупное военное столкновение. Отряд «детей боярских» и казаков встретил орду и после упорного боя отогнал ее; потери татар достигли тысячи человек. Часть татар (до 3 тыс.), встретив решительный отпор, возвратилась из похода, но остальные, разделившись, продолжали грабить курские и белгородские волости. В начале августа 10-тысячная орда подступала к Новосилу, разграбила Новосильский и Мценский уезды. Но увести полон татарам не удалось: смелыми и реши-

тельными действиями русские воеводы отбили пленных. Более чем двухтысячные отряды татар воевали в Орловском и других уездах. Только в середине августа главные силы татар отошли в степи. Нападения продолжали отдельные отряды, часто имевшие по несколько тысяч человек. Широкое наступление татар на южной границе привело к значительной задержке русского похода на Смоленск. Войско для похода было готово еще весной, но военные действия развернулись только в октябре, когда несколько спокойнее стало на юге.

Еще более опасным был поход 1633 г., который крымский хан предпринял в разгар осады Смоленска. Этот поход современники расценивали как «большую войну».

Сначала весной 1633 г. в пограничные области России несколькими большими отрядами (один из которых насчитывал 3400 всадников с тремя мурзами) вторглись ногаи. Затем, в июле, пошли в поход основные силы крымского хана «со многими знаменами и с огненным боем». Татар было примерно 20—30 тыс., т.е. в несколько раз больше, чем насчитывали «украинные» полки. Орда перешла реку Быструю Сосну и, выделив полутысячный отряд для осады Ливен, двинулась дальше на север. Два раза татары подходили к Туле, но успеха не имели. Тогда, обойдя город, по серпуховской дороге достигли Оки. Большие татарские рати приступали к Серпухову, Кашире, Веневу. Под Рязань и в соседние уезды татарскими военачальниками было отправлено 8-тысячное войско. В начале августа «многими силами», «жестокими приступами» враг штурмовал город Пронск, но не сумел его взять. Окрестности города были жестоко опустошены. В результате этого похода немалая часть Русского государства — все южные уезды — была разорена. Множество людей погибло. Только в Рязанском уезде было взято в плен 1350 человек.

Поход татар оказал непосредственное влияние на военные действия под Смоленском. В армии воеводы Шеина, осаждавшей Смоленск, было много дворян и «детей боярских» из южных уездов, которые при известиях о «татарском разорении» массами уходили в свои земли. Московское правительство прямо заявляло, что когда татары «украинные города многие повоевали и пожгли и в полон многих людей взяли», то «дворяне и дети боярские украинных городов, видя татарскую войну, что у многих поместья и вотчины повоевали, и матери

и жены и дети в плен взяты, из-под Смоленска разъехались, а остались под Смоленском с боярином с воеводою немногие люди». Литовский гетман Радзивилл цинично заявлял: «Не спорю, как это по-богословски, хорошо ли поганцев напускать на христиан, но по земной политике вышло это очень хорошо!» Польский король отблагодарил крымского хана за помощь. В 1634 г. в Крым была послана им казна «за московскую войну» на 20 телегах. В Крым было приведено из походов более 8 тыс. русских пленных, продажа которых пополнила ханскую казну. Хан не постеснялся потребовать и «поминки» от московского правительства за временное прекращение своих нападений.

События на южной границе показывали, что никакими мирными договорами с крымским ханом, никакими «поминками» и дипломатическими расчетами нельзя обезопасить пограничные области от татарских вторжений. Поэтому с 1635 г. московское правительство начало грандиозные по своим масштабам оборонительные работы на засечной черте.

ГЛАВА 17

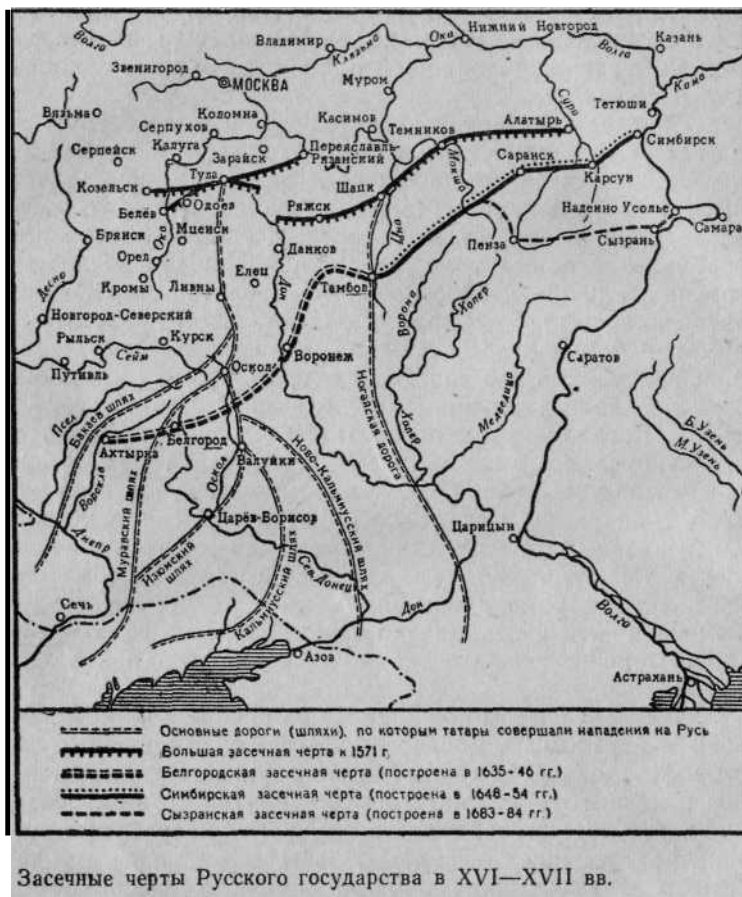
Белгородская засечная черта

При создании новой линии обороны вдоль южной границы московское правительство учитывало основные направления походов степняков на русские «украины». Крымские татары в основном «наезжали» по Изюмскому и Калмиусскому шляхам, которые проходили между Доном и Северским Донцом, ногаи — восточнее, по Ногайскому шляху. Особенно опасен был Ногайский шлях, который вел в густонаселенные рязанские, рязжские, шацкие, мещерские и мордовские места. Именно на трех этих направлениях и было начато строительство новых и укрепление уже существующих городов. В течение 30-х годов XVII в. было построено 10 новых городов. Ногайский шлях прикрывали крепости Козлова, Тамбова, Верхней и Нижней Ломовы; Изюмский и Калмиусский шляхи — Усерд, Яблонов, Короча, Чернавск, Ефремов. Далеко вперед, за линию остальных городов, был выдвинут Чугуев. Заново были отстроены укрепления Орла, прикрывав-

шего дорогу в «заозские» уезды. Одновременно проводились интенсивные работы по возобновлению старой засечной черты, проходившей в районе Белева, Одоева, Тулы, Венева.

Строительство новой засечной черты было сопряжено с большими трудностями. Оно проходило в условиях непрекращающихся татарских набегов. Новые города ставились в большинстве своем на пустом месте, и очень остро стоял вопрос об их заселении. Правительство или «сводило» в новые города служилых людей из других городов, или призывало «вольных и охочих людей» для заселения степной «украины». При этом приходилось думать, чтобы «старых городов не запустошить». Ценой больших усилий это удалось сделать. Новые города быстро заселялись служилыми людьми. Так, в Козлове в 1636 г. предполагалось поселить 590 человек, а фактически «записалось в службу» 853 человека. В 1638 г. в Козлове было уже более 1300 служилых людей, а в 1645 г. — 2276. На окраины призывались «дети боярские и стрельцы, и казаки, и всякие служилые люди», которые в свое время покинули службу и «живут во крестьянах за разными помещиками и вотчинниками и за монастырями». Было принято постановление о «заказных городах», которым в южных уездах ограничивалось феодальное землевладение.

Энергичные меры по укреплению южной границы привели к перелому в московско-крымских отношениях. Во второй половине 40-х годов даже крупные отряды крымцев и ногаев не могли прорваться внутрь страны. Засечная черта хорошо охраняла пограничное население и постепенно отодвигала линию борьбы все дальше на юг. Белгородская засечная черта продолжала достраиваться и совершенствоваться. В течение 40-х годов было построено 18 новых городов. В частности, Калмиусский шлях был дополнительно укреплен городами Ольшанском, Верхсосенском и Новым Осколом; 7 новых городов было построено на Муравском шляхе. Города-крепости были соединены системой валов и надолб. Роспись укреплений, составленная в 1650 г., показала уже сплошную замкнутую черту от Белгорода до Дона. В 1651 г. князь Репнин досматривал «валовое дело» на всем протяжении от Дона до Карпова. По сметным книгам в городах Белгородской черты постоянно находилось только служилых людей более 10 тыс.

В 1646 г. было введено новое расположение полков в «украинных городах», обеспечивающие более прочную оборону. Полки впервые были выдвинуты на передовую черту, чтобы давать крымцам и ногаям отпор раньше, чем они проникнут в пограничные уезды. Местом стоянки большого полка стали не приокские города, а Белгород. На старой засечной черте тоже стояли полки. Оборона южной границы стала более глубокой и надежной.

Наряду с широкими мероприятиями оборонительного характера московское правительство начало переходить к активным военным действиям против Крыма. В 1646 г. был организован первый поход со стороны Дона на крым-

цев и на улусы ногаев, которые участвовали в набегах на Русь. Кроме донских казаков, в походе участвовали «вольные и охочие люди украинских городов», число которых достигало 10 тыс. человек. Большая война, которую готовил крымский хан, так и не состоялась. Угроза с Дона заставила крымцев и ногаев думать не о походе на русское пограничье, а о том, «как бы себя уберечь». Хан Ислам-Гирей простоял все лето у Перекопа с 30-тысячным войском, охраняя Крым. На Перекопском перешейке спешно выкапывали ров. Крымские мурзы впервые почувствовали военную опасность у порога своего дома. В следующем году на Дон пришли русские военные отряды.

В 1647 г. 10-тысячное войско Караш-мурзы, состоявшее из ногаев и крымских татар, попробовало напасть на русское пограничье, но было отбито с большими потерями. Пленные татары сообщили о впечатлении, которое произвел на них повсеместный «крепкий отпор» на засечной черте: «Государева Украина не по-старому, ныне-де укреплена накрепко, и городов поставлено много, и людьми наполнена многими, и впредь им ходить на Русь ника-ко немочно, везде поделаны обозы, а по-русски крепости... Такой-де на них в те поры страх напал, чаяли того, что им и в Крыму не бывать. А и так немногие пришли, а то всех в Руси побили». Татары жаловались: «Таково-де ныне на Руси стало крепко. Да и во всех-де украинских в старых и в новых городах государевых ратных людей много. И впредь-де им и большими людьми на Русь ходить будет немочно, не только что малыими». И это не было преувеличением. Начиная с 1648 г. нет сведений о сколько-нибудь крупных татарских вторжениях в пределы русских земель. Крымский хан перенес свои походы на правобережную Украину. Русское государство отстояло свои южные границы от опасных врагов. Угроза татарских вторжений в центральные области Русского государства была предотвращена, началось прочное освоение плодородных, черноземных земель, включенных в новую Белгородскую черту.

Создание общегосударственной системы обороны южных границ потребовало огромных затрат. Масса наиболее трудоспособного населения была отвлечена от производительного труда для несения сторожевой службы на «Украине». Затраты на строительство новых крепостей, на создание засечной черты, на содержание постоян-

ных гарнизонов и сторожевых станиц поглощали немалую часть государственной казны. И это было бремя, которое нес на своих плечах русский народ столетиями.

Не поддаются никакому исчислению прямые убытки, приносимые татарскими наездами. Крымцы и ногаи сжигали села, деревни и городские посады, разоряли хозяйство, угоняли коней и скот. Еще меньше поддается учету колоссальный ущерб, наносимый хозяйству страны массовым уводом населения в полон. Захват полоня был главной целью татарских набегов. Пограничные области не столько теряли население в боях, сколько пленными. Так, по росписи 1637 г. из 2280 человек, потерянных пограничными уездами, было убито только 37 человек, а остальные уведены в плен; в 1645 г. из 5750 человек было убито всего 20. Недаром московское правительство постоянно наказывало пограничным воеводам, чтобы они жили «с великим бережением», «себя и людей уберечь, и уезда воевать не дать, и православных христиан в плен и в расхищение не выдать». Русские полки, выступавшие против вторгнувшихся татар, старались прежде всего отбить обратно полон, и часто это удавалось сделать. Так, в 1632 г. воевода Вельяминов освободил в Новосильском уезде 2700 пленных; в 1636 г. под Мценском было отбито у татар 1500 пленных; в 1645 г. в Рыльском уезде — более 2700 пленных и т. д. Иногда полон удавалось освободить и из самих татарских улусов, по мирному договору. В 1619 г. из Большой Ногайской Орды было возвращено на Русь 15 тыс. пленных. Но количество пленных, которых не удавалось ни отбить в бою, ни освободить какими-нибудь другими способами, было, конечно, гораздо больше. По подсчетам А. А. Новосельского, только в первой половине XVII в. татарами было уведено в плен от 150 до 200 тыс. человек. Продажа пленных и выкуп за них приносили крымским и ногайским феодалам огромные суммы: средняя цена «полонянина» составляла примерно 50 рублей, а иногда за пленных приходилось давать выкуп в сотни рублей. Речь, таким образом, шла о многих миллионах рублей.

Большие суммы ежегодно утекали в Крым в качестве «поминок», расходов на содержание крымских послов и гонцов в Москве, на ответные посольства крымскому хану. Только за первую половину XVII в. таким образом из московской казны было израсходовано около миллиона рублей, т. е. в среднем по 26 тыс. рублей в год. По тем

временам это была очень крупная сумма: на нее можно было построить 4 новых города.

Большие оборонительные мероприятия середины XVII в. преградили татарам путь в пределы Русского государства. Однако Крымское ханство просуществовало еще полтора столетия. Борьбу с ним затрудняло и выгодное стратегическое положение Крыма, расположенного на полуострове и отделенного от России широкой полосой необжитых степей, и постоянная поддержка, оказываемая крымским ханам Турцией. Русское правительство хорошо понимало, что за спиной крымского хана стоит турецкий султан, и решительная борьба с Крымом означала столкновение с Турцией. Поэтому в течение нескольких десятилетий Русское государство ограничивалось нанесением Крыму отдельных, правда довольно чувствительных, ударов в основном силами казаков.

Однако избежать военного столкновения с Турцией не удалось. Гетман Правобережной Украины Дорошенко перешел в турецкое подданство. Турецкий султан заявил о своих притязаниях на всю Украину, включая левобережье Днепра, незадолго до этого воссоединившиеся с Россией. Крымские татары приняли непосредственное участие в войне. Летом 1677 г. 120-тысячная турецко-татарская армия вторглась в пределы Украины. Осенью враги осадили Чигирин, но город отбил все их приступы. На помощь Чигирину пришли русские полки и в упорном бою под Бужином разбили турецко-татарское войско. Около 20 тыс. татар и турок было убито. Летом следующего года к Чигирину двинулась еще большая по численности турецко-татарская армия: в ней было до 200 тыс. человек. На этот раз туркам и татарам удалось взять Чигирин, но развить успех они не смогли. Встретив упорное сопротивление русских войск, турки отошли к Бугу. В 1681 г. в Бахчисарае было заключено перемирие на 20 лет. Все это значительно отсрочило решительное наступление на Крымское ханство. Мешало сосредоточить все силы на борьбе с Крымом и отсутствие мирного договора с Польшей, которая все еще не признавала присоединения к России Киева с округом. Только в 1686 г. был заключен «вечный мир» с Польшей, одним из условий которого был оборонительный и наступательный военный союз против Турции и Крыма.

В мае 1687 г. 150-тысячное русское войско двинулось в поход на Крым. К нему присоединились полки украин-

ских казаков, насчитывавшие до 50 тыс. человек. Одновременно с флангов должны были нанести удары донские казаки и ратные люди с Днепра. Момент для похода был выбран удачно: основные турецкие силы были связаны войной с Польшей, Австрией и Венецией.

Поход был тяжелым. Русское войско двигалось к Перекопу по выжженной солнцем степи, не хватало корма для коней, воды и продовольствия. К тому же татары подожгли степь, трава выгорела на огромном пространстве от реки Конские Воды до Перекопа. В русском войске начались болезни, кони падали от бескормицы. Поход пришлось прервать. Только 30-тысячный казачий отряд прошел в низовьях Днепра и напал на крымские владения.

Несмотря на неудачу, русское правительство начало подготовку к новому походу на Крым. На снаряжение войска со всего населения страны была собрана «десятая деньга», заново отстраивались крепости на южной границе. В феврале 1689 г. русское войско снова вышло в степи. Вместе с казаками оно насчитывало 112 тыс. человек. На этот раз русские военачальники двинули все свои силы прямо к Перекопу, рассчитывая решить исход войны одним ударом. Снова начался тяжелый переход через пустые степи, где не было ни городов, ни деревень. Все запасы продовольствия русское войско везло с собой.

Поход русского войска к Перекопу не был неожиданностью для крымского хана. Он собрал 150-тысячную армию и попытался преградить путь русскому войску в степях. Многочисленные отряды быстрой татарской конницы нападали со всех сторон на обозы, на походные колонны русского войска. Русские ратники изнемогали в неожиданных бесчисленных схватках. Войско все же дошло до укреплений Перекопа, сбив татарские заслоны, но вынуждено было остановиться. Для вторжения в Крым уже не оставалось сил. Русские воеводы начали отступление. Опыт крымских походов 1687 и 1689 гг. показал, что завоевание Крыма невозможно без создания опорной базы в непосредственной близости от владений крымского хана. Эту задачу решил Петр I в результате своих азовских походов.

Поход Петра I на Азов в 1695 г. был предпринят незначительными силами — немногим более 30 тыс. человек. Большое 120-тысячное войско пришлось послать в низовья Днепра, к крымским владениям, чтобы сковать глав-

ные силы крымского хана. Это войско захватило несколько укрепленных городков на нижнем Днестре, оставило там русские гарнизоны, угрожавшие Крыму, но основная цель похода не была достигнута: Азов на этот раз взять не удалось. В следующем году на Азов двинулась сильная армия, в которой насчитывалось 75 тыс. человек. Действия сухопутных войск поддерживал флот, в короткий срок построенный у Воронежа. Было построено 23 галеры, 4 брандера, 1300 стругов, 300 морских лодок, 100 плотов, которые плотно блокировали Азов с моря. Турецкая эскадра, на которой подвозились подкрепления в Азов, была разгромлена. Осажденный с суши и с моря, Азов сдался. Попытка 27-тысячного татарского отряда отбить обратно город не удалась. Русский гарнизон накрепко запер вход в реку Дон, угрожая Крыму с востока. По мирному договору, заключенному в 1700 г. в Константинополе, Азов закреплялся за Россией, унижительные «поминки» крымскому хану отменялись навечно, однако «днепровские городки», захваченные русским войском во время предыдущих походов, пришлось разрушить. Вскоре Русское государство вступило в затяжную Северную войну за выход к Балтийскому морю. Решительное наступление на Крымское ханство снова пришлось отложить.

В 1710 г. шведскому королю удалось вовлечь Турцию в войну с Россией; немалую роль в этом сыграл крымский хан, недовольный условиями Константинопольского договора 1700 г. Летом 1711 г. 127-тысячная турецко-татарская армия окружила русские полки на берегах реки Прут. Силы были неравны. Русское войско насчитывало немногим более 40 тыс. человек. Однако все атаки на русский лагерь были отбиты. Турецкие янычары, напуганные тяжелыми потерями, вышли из повиновения и отказались продолжать атаки. Русским дипломатам удалось заключить перемирие на сравнительно мягких условиях. Но Азов пришлось вернуть туркам. Крымский хан снова выступил с требованием дани. Снова начались грабительские набеги крымских татар на украинские земли, которые терроризировали население и мешали хозяйственному освоению плодородных, черноземных земель Причерноморья. Россия, занятая Северной войной, не могла пока выделить достаточных сил для активных военных действий на юге. Ликвидацию последней Золотой Орды — крымских ханов — пришлось отложить на вторую половину XVIII столетия. Это можно было сделать, толь-

ко вытеснив из Северного Причерноморья Турцию. Крымский вопрос решался в войнах с Турецкой империей.

Несмотря на неудачу Прутского похода, именно при Петре I были созданы условия для успешной борьбы с Крымским ханством и поддерживавшей его Турцией. Важнейшим из них было создание регулярной армии.

Регулярная армия, созданная Петром I, комплектовалась путем рекрутских наборов и имела стройную организацию, делилась на дивизии, бригады, полки. Старые неудобные и тяжелые пищали были заменены кремневыми ружьями с трехгранными штыками. Значительно усилилась артиллерия. За первую четверть XVIII в. русские оружейные заводы выпустили более 3500 пушек. Особенно важную роль в войнах с крымскими татарами играла многочисленная и хорошо вооруженная кавалерия. Кавалеристы русской армии имели укороченные ружья, пистолеты, палаши или сабли; в каждом кавалерийском полку была своя конная артиллерия.

Специально для борьбы с Крымским ханством была создана милиция из украинского населения, усилены казачьи полки. В 1725 г. общая численность армии достигала 320 тыс. человек, в том числе около 130 тыс. человек в полевой армии. Петровский «Устав воинский» определял тактику боя, обучение солдат проводилось в соответствии с тогдашним уровнем развития военной науки.

Все это обеспечивало русской армии важные преимущества в войнах с крымской конницей, вооруженной только холодным оружием и луками, и с турецкими войсками. Однако борьба с Крымом и Турцией была трудной и продолжительной.

ГЛАВА 18

Конец Крымского ханства

Достигнутый дорогой ценой — ценой уступки крепости Азов — мир с Турцией не принес спокойствия южной границе России. Набеги крымских татар продолжались, несмотря на «ферманы» турецкого султана о перемирии. Наместник турецкого султана доносил из Азова: «После заключения с московским царем мира татарскому войску и пограничным жителям было строго наказано впредь не делать набегов. Но татары, не повинувшись наказу, пошли

производить грабежи по дорогам к Астрахани». Когда азовский паша по жалобе русских воевод послал против своевольников отряд янычар, пограничная турецкая стража не только не поддержала их, но даже постаралась воспрепятствовать походу, заявив: «Мы живем татарскою добычею, на этих границах ферманы не исполняются!» Обезопасить южные области можно было, только окончательно сокрушив Крымское ханство.

В 1735 г. большое крымское войско во главе с самим ханом выступило в поход против Персии. Путь его проходил по русским владениям на Северном Кавказе. Здесь произошло несколько серьезных столкновений крымцев с русскими войсками. В качестве ответной меры русское правительство начало готовить поход на Крым. Для похода было сосредоточено около 40 тыс. войск под командованием генерал-лейтенанта Леонтьева. Одной из целей похода было освобождение русских пленных, которых было много в Крыму. Фельдмаршал Миних писал по этому поводу в Москву: «Если крымская экспедиция окончится благополучно, то пленных христиан, которых там считают до 20 000 семейств, куда прикажете отводить для поселения?» Но и этой ограниченной цели — освобождения пленных — не удалось достигнуть. Русское войско дошло до реки Конские Воды, разгромило там ногайских татар, захватило стада, но продвинуться дальше не сумело. Начались сильные дожди, затем — неожиданно ранние морозы и снег. Корма не хватало, в обозе и коннице пало около 3 тыс. лошадей. Поход пришлось прекратить, не достигнув Перекопа.

Весной 1736 г. началась война с Крымом и Турцией. Сначала отряд русского войска (до 25 тыс. человек) осадил крепость Азов. Этот поход должен был отвлечь турецкие войска от Крыма: «Силы неприятельские разделались бы, для крымской экспедиции немалая польза». Главные силы во главе с фельдмаршалом Минихом в апреле начали поход на Крым. Учтены были ошибки прошлого похода, когда русское войско страдало от недостатка продовольствия и воды. В степи была свежая трава, которую татары не могли по своему обыкновению поджечь впереди русского войска. На этот раз 54-тысячная русская армия с артиллерией и обозами успешно преодолела степи и подступила к укрепленной перекопской линии.

Перекопский перешеек был сильно укреплен. По донесениям русских военачальников, там был «ров очень глу-

бок, склон так крут, как каменная стена, и голова закружится, когда посмотришь на дно, бруствер по всему валу снова сделан и башни посажены янычарами». Крымский хан считал Перекопскую линию неприступной, однако русские полки прорвали ее одним ударом. Штурмовые колонны быстро спустились в ров и с помощью пик и рогаток начали взбираться на вал, а в это время русская артиллерия и шеренги стрелков открыли сокрушительный огонь по гребню вала. Беспрестанная пальба сбила с вала защитников Перекопа, и через полчаса после начала штурма русские полки были уже на валу. Несколько дольше сопротивлялись башни, где засели турецкие янычары, но и они сдавались одна за другой. 22 июня крепость Перекоп, основной опорный пункт линии, пала. Дорога в глубь Крымского ханства была открыта.

От Перекопа 13-тысячный отряд двинулся к Кинбурну, а остальное войско пошло на Гезлев (Евпаторию) и заняло ее без боя. В Гезлеве была захвачена богатая добыча, а главное — большие запасы продовольствия: на 24 дня хлеба, около 10 тыс. баранов. «Ныне армия, — писал фельдмаршал Миних, — ни в чем недостатка не имеет и вся на коште неприятельском содержаться будет. По пословице, мы успели свою лошадь к неприятельским яслям привязать». Это позволило продолжить поход по степям Северного Крыма 17 июня, сбив татарские заслоны, русское войско ворвалось в столицу Крымского ханства — город Бахчисарай. Впервые разбойничье гнездо крымских ханов увидело врага в своих стенах, возмездие за грабежи и набеги пришло. В огне погиб дворец крымских ханов, сгорела и немалая часть города.

Взятие Бахчисарая вызвало страшную панику в Крыму. Хан ожидал русского похода на Кафу (Феодосию), где находился турецкий гарнизон, и приказал опустошить все местности вдоль дороги от столицы до Кафы. Запылали татарские аулы, стада перегонялись к отрогам гор, население разбегалось. Но Миних не решился на поход к Кафе, и отвел свои войска. Отступая, русские войска разрушили перекопские укрепления, взорвали башни, увезли всю крепостную артиллерию. Таким образом, крымскому хану было нанесено серьезное поражение, значительная часть Крыма опустошена, были взяты крепости Кинбурн и Азов, однако нерешительность Миниха не позволила довести крымскую экспеди-

цию до конца. Крымский хан сохранил свое войско и даже сумел организовать зимой 1736 г. успешный набег на Украину. По сообщению крымского историка, «добыча, награбленная на этот набег, была так велика, что ни языком пересказать, ни пером описать нельзя». Одновременно другое крымское войско опустошило земли у реки Дона, причем «все исламское войско, крымское и ногайское, одинаково обогатилось».

В 1738 г. русские войска добились серьезного успеха — пала турецкая крепость Очаков. Пути сообщения между Крымом и Турцией по суше были отрезаны. В том же году русское войско под командованием Ласси вторично вторглось в Крым, перейдя Гнилое море (Сиваш). Под городом Карасу-Базаром произошла битва с войском крымского хана, которое было разбито наголову. По донесениям русских военачальников, татар гнали 15 верст, «до самых гор, которые скрыли бегущих». Снова весь Северный Крым был опустошен: русские полки воевали здесь с мая по июль и отошли в связи с жарой и отсутствием фуража. Крымский историк так писал о впечатлении, произведенном на крымцев повторным вторжением русских полков: «Московы опять подобно злым духам вошли в чистое тело Крыма и вдругорядь дерзнули предать разрушению и опустошению город Карасу. Хотя по мере возможности и старались оказать им сопротивление, но ни хан, ни жители не в силах были устоять против многочисленности огненного прещания: все от мала до велика повергнуты были в смущенье и потеряли голову».

Русские походы показали военную слабость Крымского ханства. Крым был не в состоянии противостоять наступлению России, однако его судьба решалась не крымскими экспедициями, а на полях сражений с турками. Международная обстановка складывалась неблагоприятно для России. Австрия, союзник России в войне с Турцией, заключила сепаратный договор с турецким султаном. С севера угрожала Швеция. Окончательный разгром Крымского ханства пришлось отложить.

По Белградскому миру (18 сентября 1739 г.) Турции были возвращены крепости Кинбурн и Очаков, взятые русскими войсками. Укрепления Азова разрушались, но сам Азов был объявлен нейтральным. Взамен русское правительство добилось права построить новую крепость на Дону. Россия вынуждена была признать

право судоходства на Черном и Азовском морях только для турецких кораблей. Территориальные приобретения России на среднем Днепре были незначительными. Таким образом, Россия не получила выхода к Черному морю и, главное, южная граница по-прежнему была открыта для набегов крымских татар.

Во время следующей русско-турецкой войны (1768—1774 гг.) крымский хан снова выступил на стороне Турции. По словам русского историка прошлого века В. Д. Смирнова, «турки в своих видах старались создать из крымцев поголовную разбойничью кавалерию, всякую минуту готовую идти куда угодно в набег». В 1769 г. «разбойничья кавалерия» крымского хана пошла в свой последний набег на украинские земли. Крымцы с торжеством доносили султану: «Крым—Гирей—хан нагрязнул с бывшими у него турецким и татарским войском и опустошили московские владения. Около десяти тысяч гяуров он застрелил стрелой рока и с многочисленным полонем прийдя в Крым, предался отдохновению...»

Недолго длилось торжество и «отдохновение» крымского хана. Несмотря на то что основные силы были заняты военными действиями с турками на Дунае, русское правительство выделило сильное войско для похода в Крым. Летом 1771 г. русские полки прорвали перекопские укрепления, заново восстановленные крымским ханом. Перекоп защищал 7-тысячный отряд турецких янычар и 50-тысячное татарское войско во главе с самим ханом, но сдержать наступление русских они не смогли. Потерпев поражение и потеряв большую часть войска, хан бежал. Крепость Перекоп сдалась, крепость Арбат была взята приступом. Без боя сложил оружие гарнизон Гезлева (Евпатории). Отряд Долгорукого разбил под Кафой остатки турецкого войска, причем турки потеряли более 3,5 тыс. человек; Кафа сдалась. Вскоре турецкие гарнизоны бежали на кораблях из Керчи и Еникале. Отдельные отряды русского войска стремительными маршами шли на Бахчисарай, Ялту, Балаклаву. Видя безнадежность сопротивления, крымский хан бежал на корабле в Турцию. Крымские крепости заняли русские гарнизоны. Только за один август было освобождено из неволи более 9 тыс. русских пленных.

По Кючук-Кайнарджийскому миру (1774 г.) Крымское ханство становилось независимым от Турции. Вопрос о переходе его под власть России был предрешен,

дело было только во времени. Правда, Турция неоднократно пыталась восстановить свое влияние на крымские дела, но тщетно. Так, в 1775 г. султан провозгласил крымским ханом своего ставленника Девлет-Гирея, выделил ему в помощь войско. Снова в Крыму появились турецкие судьи и таможенные чиновники. Однако появление в Крыму русских войск во главе с Суворовым сразу прекратило турецкую авантюру. Ханом стал Шагин-Гирей, который попросил русское правительство не выводить из Крыма войска. После этого последние турецкие отряды покинули Крым. В 1777 г. при содействии Турции в Крыму поднялось восстание против Шагин-Гирея. Султан поспешил назначить нового хана — Селим-Гирея, который на турецком военном корабле прибыл в Кафу. Для того чтобы изгнать этого претендента на крымский престол, не потребовалось даже вмешательства русских войск. Шагин-Гирей со своим войском прибыл в Кафу и нанес ему поражение. Турецкий флот не решился высадить десант в Крыму — все побережье было укреплено Суворовым, здесь стояли в полной боевой готовности русские полки. Крым окончательно уходил из-под влияния султанской Турции. Наконец, 8 апреля 1783 г. Екатерина II своим указом включила Крым в состав России. Последний «осколок» Золотой Орды у границ России был, наконец, ликвидирован. Из постоянного очага грабительских набегов Крым превратился в опорный пункт России на Черном море, безопасность причерноморских степей была обеспечена.

Присоединение к России создало благоприятные условия для социально-экономического развития и самого Крыма. Исчезло рабовладение и работорговля, процветавшие здесь во время турецкого владычества. Кочевники крымских степей переходили постепенно к оседлости, к новым формам ведения хозяйства. В Крым широко проникала более развитая русская культура. Недаром Ф. Энгельс писал, что «господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии...»¹.

Так закончилась героическая борьба русского народа с монголо-татарскими завоевателями и наследниками их недоброй славы — татарскими ханствами, борьба, продолжавшаяся более пяти столетий.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 241.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА	1.	НЕСЛЫХАННАЯ РАТЬ.....	3
ГЛАВА	2.	МОНГОЛО-ТАТАРСКИЕ ЗАВОЕВАТЕЛИ.....	7
ГЛАВА	3.	ПУТЬ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ НА ЗАПАД.....	12
ГЛАВА	4.	ЗЕМЛЯ РУССКАЯ.....	18
ГЛАВА	5.	СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ РУСЬ В ОГНЕ.....	23
ГЛАВА	6.	В ПОЛОВЕЦКИХ СТЕПЯХ И ЗА ДНЕПРОМ.....	34
ГЛАВА	7.	ПОЧЕМУ ЗАВОЕВАТЕЛИ НЕ ДОШЛИ ДО «МО РЯ ФРАНКОВ»?.....	40
ГЛАВА	8.	РАЗОРЕННАЯ ЗЕМЛЯ.....	46
ГЛАВА	9.	НАРОД НЕ ПОКОРИЛСЯ.....	52
ГЛАВА	10.	КУЛИКОВСКАЯ БИТВА.....	63
ГЛАВА	11.	СНОВА БОИ, СНОВА ОРДЫНСКИЕ РАТИ.....	74
ГЛАВА	12.	КОНЕЦ ОРДЫНСКОГО ИГА.....	84
ГЛАВА	13.	НЕСПОКОЙНЫЙ ЮЖНЫЙ РУБЕЖ.....	92
ГЛАВА	14.	НА КАЗАНЬ!.....	102
ГЛАВА	15.	ВОЙНА НА ДВА ФРОНТА.....	113
ГЛАВА	16.	УДАРЫ В СПИНУ.....	128
ГЛАВА	17.	БЕЛГОРОДСКАЯ ЗАСЕЧНАЯ ЧЕРТА.....	130
ГЛАВА	18.	КОНЕЦ КРЫМСКОГО ХАНСТВА.....	138

Вадим Викторович Каргалов

СВЕРЖЕНИЕ МОНГОЛО-ТАТАРСКОГО ИГА

Редактор *С. И. Матруненков*. Редактор карт *Е. В. Смирнова*.

Художник *В. А. Захарченко*.

Художественный редактор *А. Ф. Сергеев*.

Технический редактор *М. Д. Козловская*.

Корректоры *Т. М. Графова*, *О. С. Захарова*.

Сдано в набор 2/VI 1972 г. Подписано к печати 12/1 1973 г. 84X108¹/₃₂.
Бумага № 2. Печ. л. 4,5. Условн. л. 7,5. Уч.-изд. л. 7,90. Тираж
70 тыс. экз. А08208.

Издательство «Просвещение» Государственного комитета Совета
Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи. 41.

Областная типография управления издательств, полиграфии и
книжной торговли Ивановского облисполкома, г. Иваново-8,

Типографская, б, Заказ № 3747

Цена 20 к.